

ИСТОРИЯ ПРО САМОГО ОБЫЧНОГО ГАРНЯ,
ПРО ПУТЕШЕСТВИЕ НАЗАД ВО ВРЕМЕНИ,
ПРО ПАРАДОКС ДЕДУШКИ И ПРО ТО,
КАК ПРАВИЛЬНО ГОТОВИТЬ
НАСТОЯЩИЕ ДРАНИКИ.

АНТОНИО МОРАЛЕ

Антонио Морале

История про самого обычного парня, про путешествие назад во времени, про парадокс дедушки и про то, как правильно готовить настоящие драники...

*<https://litres.ru/73941098>
SelfPub; 2026*

Аннотация

История про самого обычного парня, про путешествие назад во времени, про парадокс дедушки и про то, как правильно готовить настоящие драники...

От автора:

Это альтернативная реальность, поэтому некоторые имена, названия или города могут не совпадать или наоборот совпадать с именами, названиями или городами нашей реальности! Мир похож на наш, но может чем-то неуловимо отличаться от него.

Содержание

ГЛАВА 1 – «ГОРЬКО!»	4
ГЛАВА 2 – «ПЕРВОЕ ДЕЛО»	28
ГЛАВА 3 – «ЛЕСОПОЛОСА»	47
ГЛАВА 4 – «ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ»	60
ГЛАВА 5 – «ДОБРОЕ УТРО, СОКОЛОВ!»	82
ГЛАВА 6 – «РАБОЧИЕ БУДНИ ОБЫЧНОГО СОВЕТСКОГО МИЛИЦИОНЕРА»	101
ГЛАВА 7 – «4 МАЯ. ВОКЗАЛ. ПОПУТЧИЦА»	122
ГЛАВА 8 – «ТИХИЙ СЕМЕЙНЫЙ ВОСКРЕСНЫЙ ВЕЧЕР»	143
ГЛАВА 9 – «5 МАЯ. ЗАКОННЫЙ ВЫХОДНОЙ»	161
ГЛАВА 10 – «ФОТОАТЕЛЬЕ»	178
ГЛАВА 11 – «ВЕЧЕР»	201
ГЛАВА 12 – «КИНО»	217
ГЛАВА 13 – «КИНОМЕХАНИК»	233
ГЛАВА 14 – «С ВЕЩАМИ НА ВЫХОД, СОКОЛОВ!»	254
ГЛАВА 15 – «7 МАЯ. ДВА ДНЯ ДО ДНЯ X»	277
ГЛАВА 16 – «8 МАЯ. КОЗЁЛ»	301

Антонио Морале История про самого обычного парня, про путешествие назад во времени, про парадокс дедушки и про то, как правильно готовить настоящие драники...

ГЛАВА 1 – «ГОРЬКО!»

– Го-орько! Го-орько! Го-орько! – ударило по ушам со всех сторон, словно я нырнул в прорубь в глухой тайге, а через секунду вынырнул из воды и аккуратно очутился на центральной площади шумного мегаполиса.

Я непроизвольно поморщился, тряхнул головой, пытаюсь отогнать наваждение в виде визуальных и слуховых галлю-

цинаций, а ничем другим это быть попросту не могло, и растерянно оглядел гомонящий на десятки голосов, заполненный людьми зал какой-то дешёвенькой забегаловки в стиле советской столовой...

Длинный стол с белой скатертью в застиранных пятнах от вина и стоящими на нём гвоздиками в гранёных стаканах, ломился от оливье, заливной рыбы, варёной картошечки, солёных огурчиков, холодца в судочках, нарезанной «Докторской» и чёрного хлеба, а аккуратно посередке выстроилась ровненькая батарея «Столичной» и «Советского шампанского» в зелёных бутылках с золотыми этикетками.

Весёлые и шумные гости, человек сорок-пятьдесят навскидку, увлечённо скребли вилками по тарелкам и тянули друг к дружке рюмки... Женщины с химическими завивками и ярким макияжем галдели и спорили о чём-то своём, а мужики в пиджаках с лацканами шириной с лопату, красные от жары, духоты и порядочно принятого на грудь спиртного, лихо чокались, не закусывая, и обсуждали всё что угодно, начиная от последней игры «Спартака» и предстоящей Олимпиады, и заканчивая начальником-самодуром... Ещё усы эти смешные почти у каждого второго, если не больше... Снова усатая мода вернулась? Ох уж эти хипстеры...

На импровизированной сцене у стены за музыкальной барабанной установкой сидел барабанщик, а рядом с ним стояла парочка парней с гитарами в руках, в смешных цветных рубашках и штанах клёш. Над головами троицы висела яр-

ко-красная праздничная растяжка «С праздником всех трудящихся! 1 мая 1980 года», а под высоким трёхметровым потолком на одной из ламп в жёлтом плафоне лениво показывалась коричневая лента от мух...

– Эти глаза напротив – калейдоско-о-оп о-огней... – тихонько затагнули музыканты, закончив свой небольшой перекур.

– Го-орько! Го-орько! Го-орько! – снова завопил народ.

– Э-э-э! Девушка... – удивлённо отпрянул я от симпатичной девушки с длинными светлыми волосами в платье и фате невесты, потянувшейся ко мне сложенными в трубочку губами. – После слов «Горько» нужно целоваться с женихом, а не с первым встречным...

Чёрт! Мне ещё тут драки не хватало... И мордобоя от вернувшегося невовремя жениха... Кстати, где этот идиот? Бросил свою невесту, а мне за него отдуваться...

– Го-орько! Го-орько! – пуще прежнего прокатился по залу столовой требовательный выкрик гостей.

Чёрт! Да где этого жениха-то носит?!

– Да прекратите уже, девушка! – снова непроизвольно отодвинулся я от потянувшейся ко мне невесты и растерянно замер, обнаружив на себе костюм очень похожий на самый обычный костюм жениха... Ну, не самый обычный, конечно – какой-то винтажный, что ли... Задумчиво провёл ладонью по ткани рукава, поднял глаза и ещё раз уставился наверняка растерянным взглядом на сидящих по обе стороны длинного

стола гостей...

Гостей... Дерьмо! Костюм... Горько... Гости... Невеста справа... Кажется, я влип... Ещё и лицо у невесты до боли знакомое... Я что – сплю?

– Андрюш?.. – непонимающе нахмурилась незнакомка в платье невесты. – Всё хорошо?

– О-о-о! Жениху больше не наливать! Он уже невесту не узнаёт! – весело заорал чей-то мужской голос с дальнего конца стола, тут же подхваченный звонким смехом сразу как минимум десятком других голосов.

– Го-орько! Го-орько!

– Го-орько! Го-орько!

Дерьмо!

Я сглотнул подступивший к горлу комок, скромно чмокнул девушку в горячие, пахнущие шампанским губы, отстранился от неё, на автомате взял со стола наполненную до краёв стопку и опрокинул её в себя. Водка обожгла горло, прокатилась по пищеводу и через пару секунд приятно растеклась теплом в пустом желудке...

Гости одобрительно загалдели, поглощая оливье, а я косо глянул на девушку в наряде невесты, убедившись в том, что она так никуда не исчезла после стопки водки, и принялся украдкой разглядывать зал столовой, пытаюсь понять, какого хрена здесь происходит...

– Андрюша! – возникла рядом со мной пышная тётка и облобызала меня в обе щёки, оставив на них следы красной

помады. – Поздравляем от всего сердца! Да, Стёп? – дёрнула она за рукав пиджака замершего рядом с ней круглолицего мужчину с пышными усами.

– Ага, – согласился тот. – Ох и жену ты себе отхватил, Андрюха! – мечтательно хмыкнул он и тут же получил крепкий подзатыльник от своей спутницы.

– Невеста у тебя и правда куколка! – признала женщина. – И грудка на месте, и попка. Есть за что подержаться... Прямо как эта... как её... Барби! Во! – вспомнила она, просияв и ненароком продемонстрировав мне парочку золотых зубов.

– Спасибо, баб Зоя... – на автомате поблагодарил я.

– Да какая я тебе, баба?! – тут же обиделась женщина. – Сопляк!

– Ну правда, Андрюх! – нахмурился мужик. – Ты бы не налегал на водочку... Зой, не обижайся на жениха. Ему сегодня простительно...

– Да пошли вы все! – обижено фыркнула женщина, развернулась и двинулась вокруг стола.

– Ну ты выдал, Андрюх! – восторженно покачал мужик головой, растянув на лице дурацкую улыбку. – Баба Зоя... Я теперь над ней так постоянно подшучивать буду... Всё, давай! Невеста – во! – продемонстрировал он мне сжатый кулак с выставленным большим пальцем и ободряюще хлопнул по плечу.

– Угу... – буркнул я и снова внимательно оглядел гостей...

Хм... Этого я знаю... Дядя Миша из села. А вон тётя Люся, его жена... Только они слишком уж молодые... Дядя Коля... Двоюродный брат отца... Дядя Митя... Чёрт! Что здесь происходит? И почему все такие молодые? Или я и правда слишком много выпил? Или свет такой...

– А это какая-то тематическая свадьба? – наклонился я к уху соседа слева.

– Какая свадьба? – недоумённо глянул он на меня, старательно уминая селёдку под шубой.

– Тематическая...

– Это как?

– Ну... А-ля 80-е.

– Не понимаю, о чём ты... – покачал он головой.

– Какое сегодня число?

– Ну ты ваще, Андрюх! – хмыкнул парень. – Это тебя с одной стопки так развезло, что ли?

– Число какое сегодня?! – упрямо повторил я.

– Первое мая...

– Угу... Понятно... – хмуро бросил я. – А год?

– Такой же, как и вчера... Ничего не изменилось...

– Две тысячи двадцать пятый? – осторожно произнёс я.

– С утра был тысяча девятьсот восьмидесятый, – кивнул он в сторону растяжки над головами музыкантов.

– Это я вижу... – вздохнул я.

– Го-орько! Го-орько! – снова завопили гости, как умалишённые. – Го-орько! Го-орько!

Да идите вы в пень! Без вас тошно...

Я на автомате чмокнул в губы невесту, наколол на вилку малосольный огурчик, задумчиво откусил ему жопку и неторопливо принялся перемалывать её на зубах...

Дальше всё закрутилось в один какой-то яркий, нелепый калейдоскоп... Поздравления от гостей, громкая музыка, периодические крики «Горько!», шум посуды, звон приборов, «Это на счастье!», снова поздравления... Кто-то подходил, желал нам удачного брака, кто-то протягивал конвертики, кто-то хлопал по плечам, а я глупо улыбался и кивал... Улыбался и кивал...

Дерьмо...

В туалет мне удалось улизнуть лишь через час...

Я на автомате отметил простую однотонную плитку на стенах и полу, тяжёлые керамические раковины и грубые советские смесители, парочку писсуаров и три унитаза с бачками под потолком и длинными свисающими цепочками. Открутил кран, дождался, пока ржавая вода сменится прозрачной, помыл руки, ополоснул лицо холодной водой и задумчиво уставился в отражение в зеркале, с которого на меня слегка усталым взглядом голубых глаз смотрел молодой симпатичный парень лет двадцати пяти...

Светло-русые волосы, непослушная прядь волос на лбу, лёгкая щетина, прямой нос и волевой подбородок со слегка угадывающейся ямочкой, совсем как у меня. Хорошее лицо. Доброе. Чужое. Не моё. Я уже видел это лицо раньше...

Как я вообще очутился здесь? И почему? И почему в чужом теле? Я мёртв? Или может это бред? Я сейчас в реанимации? Или, может, в коме... Или нет? Столько вопросов...

Последнее, что я помню – это выстрел за спиной в подъезде моего дома, миг темноты и тишины, а затем этот успешный надоесть мне за вечер крик «Горько!»...

– О! Андрей! Решил освежиться? – зашёл в туалет незнакомый мне парень, улыбнувшись моему отражению в зеркале.

– Угу... – буркнул я.

– Поздравляю!

– Спасибо! – пожал я протянутую руку, дождался, пока незнакомец сделает своё дело в кабинке, помоеет руки, оставит меня в одиночестве и снова глянул в отражение...

Ладно... Кажется, пора подвести промежуточный итог...

Я не в 2025-м... Мне не 44 года, я не работаю опером в ГУУР МВД, и я не капитан полиции...

Я в 1980-м... Я жених... Моя невеста как две капли воды похожа на мою мать в молодости. Моё новое тело похоже на моего отца, которого я никогда не видел вживую потому что он погиб в день моего рождения ровно через год после их с матерью свадьбы... А сегодня 1 мая... 1980 года... День свадьбы моих родителей... Забавные совпадения, которые на самом деле нихрена не совпадения!

Я в теле своего погибшего отца... В 1980-м году. Девушка в белом платье невесты – моя мать. Ей сейчас двадцать пять.

Она молодая и красивая. Это отдельная проблема, о которой я пока думать не буду. Через три месяца она забеременеет мной, а через девять месяцев я появлюсь на свет, в день гибели своего отца – 1 мая 1981 года...

Дерьмо! Как вообще такое возможно?! Что я здесь делаю? Как мне не наломать дров? Что делать?

По-хорошему, у меня есть три месяца, чтобы во всём разобраться и вернуть отца... Почему три? Да, сука, потому! Потому что отец должен сделать ребёночка моей матери через три месяца! Не я! Не дядя Петя! Не дядя Митя! Отец!

Дерьмо!

Я вернулся в зал, хлопнув хлипкой дверью туалета, и так болтавшейся на одних соплях и честном слове, уселся на своё место во главе праздничного стола и нахмурился. Если сейчас 1980-й... Если я в теле отца... Если у них с матерью сегодня свадьба... То после свадьбы что полагается молодожёнам? Правильно – первая свадебная ночь...

Чёрт! Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

Слегка подрагивающими руками я дотянулся до полной бутылки, с хрустом скрутил металлическую пробку, налил полный гранёный стакан водки и залпом опрокинул его в себя...

Ну уж нет! В свадебную ночь уж как-нибудь без меня... Я – пас!

– Го-орько! Го-орько!

Да заткнитесь вы уже! Без вас тошно...

* * *

«Доброе утро, товарищи! Начинаем утреннюю гимнастику.

Приготовьтесь к ходьбе на месте.

Ходьба... марш! Раз, два, три, четыре! Раз, два, три, четыре...

Закончили!

А теперь переходим к первому упражнению.

Исходное положение: ноги на ширине плеч, руки вдоль туловища.

Начинаем... И-и-и раз! Два! Три! Четыре!»

– Дорого-ой! Пора вставать... – донёсся до меня мягкий, но требовательный, с хорошо знакомыми мне командными нотками голос матери. – Дорого-ой!

– Встаю, ма...

– Ма?

Чёрт! Штирлиц так никогда не был близок к провалу...

– Чего это ты о матери вспомнил, Соколов? Уже к маменьке захотел? – фыркнул язвительный женский голосок.

– Да я что... Я ничего... – пробормотал я из-под одеяла, пытаюсь вспомнить всё, что было вчера.

А вчера у нас была свадьба...

А эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала...

Чёрт! Вчера я женился на своей матери... Вернее, не я, а отец, но от этого было ничуть не легче... И напился в стель-

ку, пытаясь избежать первой брачной ночи, хотя обычно я больше бутылки пива за вечер не выпиваю, да и то только с друзьями или в хорошей компании. Но не вчера... Вчера пришлось, иначе я бы точно всё это не вывез...

– Андрюш! Ну правда! Вставай. Опоздаешь ведь на работу...

– Да встаю я, встаю...

Дерьмо!

Может мне всё это приснилось?

Я осторожно высунулся из-под одеяла, приподнялся на локтях, приоткрыл один глаз, обвёл мутным взглядом самую обычную общажную комнату, её скромный мебельный гарнитур и зелёную крону каштана за самым обычным окном в деревянной раме, и снова закрыл глаз... Не приснилось. Почему-то, я так и думал...

– Андрей!

– Да встаю я, вста... Ох ты ж сука! – я растерянно замер с поднятыми над головой руками, стараясь не шевелиться, не делать резких движений и пытаюсь не вызвать у запрыгнувшего на кровать монстра желание откусить мне какой-нибудь жизненно важный орган.

– Кобель, вообще-то! – хихикнула Марина, словно выдав наконец давно заготовленную шуточку.

Это я уже и так понял, что кобель... Это прекрасно было заметно невооружённым взглядом.

Немец... Прямо передо мной стоял самый настоящий, на-

туральный немец, вернее, немецкая овчарка с густой серо-чёрной шерстью, бугрящимися и перекатывающимися под ней мышцами и огромной чёрной пастью, усеянной хищными клыками... Хотя, нет. Кажется, немцы должны быть поменьше. Этот монстр явно относился к породе восточно-европейцев – на голову выше, с широкой грудной клеткой, длинными мощными лапами и суровым взглядом голодного волка.

Пёс внимательно посмотрел на меня, резко подался вперёд, заставив меня зажмуриться и приготовиться к самому худшему варианту, наступил огромной лапой на грудь, вдавив меня в матрас, и обдал моё лицо горячим влажным дыханием. А через секунду я почувствовал у себя на лице его влажный, пахнувший котлетами язык...

– Туман, оставь хозяина в покое! Ему и так не очень хорошо после вчерашнего... – донёсся до нас с псом голос хозяйки маленькой общажной комнатки.

Пёс нехотя отстранился, сел на задницу и ещё раз внимательно посмотрел на меня, склонив голову на бок и словно догадываясь о чём-то, что могли знать только я и он. Недовольно рыкнул, развернулся и послушно спрыгнул с кровати, прошёлся по комнате и упал на коврик у двери, свернувшись калачиком и спрятав нос под правой задней лапой...

– С твоей собакой я, кстати, уже погуляла. Можешь не благодарить.

– Спасибо! – зачем-то всё равно буркнул я.

У отца была собака? Я не знал об этом... Туман. Забавная кличка...

— Держи аспирин... — остановилась напротив кровати Марина, в коротком домашнем халатике, протянув мне таблетку и стакан с водой. — Головка, небось, бо-бо после вчерашнего?

— Угу, — буркнул я, проглотил таблетку, запил водой и вернул стакан ма... чёрт! Марине!

Голова и правда трещала, словно по ней прошлись молотом и наковальней...

Я проводил девушку взглядом и торопливо заглянул под одеяло. Трусы и носки на месте... Хотя, с носками — бог с ними! Главное — трусы!

— У нас... между нами было что-то сегодня ночью? — всё же озвучил я давно вертящийся на языке вопрос.

— Было... — вздохнула блондинка, распрямляя на столешнице стоящего у окна стола белоснежную скатерть и старательно разглаживая на ней упрямые и никак не желающие сдаваться складочки. — Храп твой был, Соколов! И перегар, от которого хоть топор вешай. Ты профукал свою первую брачную ночь... Иди уже в душ и собирайся на работу — не беси меня!

— На работу? А сегодня не выходной? Второе мая, так-то.

— У тебя? У тебя вообще бывают выходные? — усмехнулась ма... Марина.

— Понятно... Ладно... А какой сегодня вообще день неде-

ли?

– С утра была пятница.

– Понятно...

– Что тебе понятно, Соколов? – нахмурилась девушка, кинув в мою сторону недовольный взгляд.

– Что сегодня пятница и нужно идти на работу... – вздохнул я.

– А то, что не нужно напиваться на свадьбе и вести себя как полный идиот тебе не понятно? Или что нужно исполнять свой супружеский долг, а не заставлять жену тащить тебя на себе на второй этаж дома? Я, вообще-то, не за алкаша подзаборного замуж выходила!

– Это тоже понятно, – снова вздохнул я. – Прости, ма... ма... Марин...

Я поднялся с кровати, задумчиво потёр затылок и растерянно огляделся по сторонам...

– Полотенце и гель дашь?

– Гель? Какой гель? – недоумённо наморщила лоб блондинка.

– Ну... Мыло и шампунь.

– А! А почему гель? Что за странное название?

– Да так... Ляпнул просто. Не подумавши... – вздохнул я.

– На полке возьми, – указала она взглядом в сторону шкафа у двери, прикрытого обычной шторкой, служившей одновременно и дверью этого самого шкафа, и эдаким смелым, креативным декоративным дизайнерским решением. – Иди

уже, а я пока завтрак сварганю...

Я молча кивнул, подошёл к шкафу, отодвинул в сторону цветастую шторку, быстро пробежался взглядом по содержимому, заметил несколько упаковок спичек, рулоны туалетной бумаги, залежи ароматного мыла, мочалки, коробку с гвоздями, молоток, плоскогубцы, квадратные жестяные баночки в горошек с приправами, орехоколку и открывашку, взял с верхней полки свежее полотенце, кусок мыла, сунул ноги во вьетнамки, стоящие тут же на полу, и вышел из квартиры. Задумчиво замер с обратной стороны двери, глянув по очереди сначала налево, затем направо и оценив длинный пустой коридор общежития с потёртым от времени линолеумом с проплешинами на полу, покрашенными до высоты человеческого роста зелёной краской стенами и рядами одинаковых фанерных дверей по обе стороны, и тяжело вздохнул...

Интересно, где здесь может быть душевая? Ладно. Разберёмся... И двинулся налево по коридору...

Душевая нашлась аж на первом этаже здания. Большое, длинное помещение с узкими окошками под самым потолком, закрашенными белой масляной краской, жёлтые лампочки, болтающиеся на длинных проводах, советский кафель, отколотый в некоторых местах, два десятка кабинок без дверей, разделённых между собой обычными каменными перегородками, звук капающей воды, клубы пара, потёки ржавчины, запах плесени, влажного бетона и хлорки...

Я на секунду замер на проходе, вчитываясь в висевший прямо на двери простой тетрадный лист с расписанием «Бан-ные дни: Комната 12 – понедельник, среда, 18:30. Комната 14 – вторник, пятница, 19:00. Комната 15...», исписанный прилежным женским почерком, хмыкнул и шагнул внутрь душевой.

Скинул семейные трусы и носки на деревянную лавку у стены и направился в первую с края кабинку. Крутанул венти-ль, спустил холодную воду и встал под падающие с потолка горячие струи, зажмурив от удовольствия глаза и подставив макушку под поток воды...

Из душевой я вышел минут через десять. Поднялся на свой второй этаж, вернулся в наше маленькое уютное семей-ное гнёздышко, уселся за стол и уставился в окно, задумчиво побарабанив пальцами по столешнице...

Мама... Чёрт! Марина вернулась через минуту. Открыла дверь ногой, преодолела разделяющее нас расстояние, поста-вила передо мной на стол доску, на доску горячую сковород-ку со скворчащей яичницей, рядом кружку с крепким гру-зинским чаем, два ломтика серого хлеба и коротко бросила:

– Ешь быстрее, мне нужно сковороду вернуть на кухню, пока наши горячо любимые соседки вой не подняли. Сно-ва... – добавила она и улыбнулась.

– А ты?

– А я уже перекусила на кухне, пока готовила. Муж... – покачала она головой и улыбнулась. – Смешно. До сих пор

не могу привыкнуть, что ты мой муж...

Марина отодвинула стул, уселась напротив меня, поставила локти на стол, опёрлась подбородком на ладони и с умилением принялась наблюдать за мной и тем, как в моём рту исчезает горячая яичница...

– Сюда бы салца, зелёного лучка и помидорчиков... – мечтательно протянул я, вымакивая хлеб в яичном желтке.

– Ого! Да ты у нас буржуй, Соколов! Где я тебе салцо и помидоры возьму? Ладно ещё сало... А помидоры только через пару месяцев пойдут...

– Угу... – буркнул я, увлечшись поглощением еды. Чёрт! А вкусно, хоть немного и пересолено...

Я быстро позавтракал, тщательно вымакал хлебом всё масло и жирок со сковородки, запил всё это сладким чаем и поднялся из-за стола.

– Спасибо! Было вкусно... – поблагодарил я свою...

Да мать вашу! Как мне её называть? Мама? Ей всего двадцать пять, до мамы такого бугая, как я, она явно не дотягивает. Да и вообще, она мне скорее в дочери годится, а не в матери... Сраный парадокс! Ладно, разберёмся как-нибудь...

– Марин... А форма моя где?

– Ты что, на парад собрался? – удивлённо глянула на меня снизу вверх блондинка.

– В смысле?

– Ну, ты же форму только на торжественные построения надеваешь. Ну или когда начальство из Москвы приезжает.

– Да? А, ну да... – «вспомнил» я.

– Одежда твоя в шифоньере, я погладила.

– Спасибо! – поблагодарил я, двинувшись в сторону старого, массивного двухметрового шкафа у противоположной стены.

– И это... – окликнула меня в спину Марина.

– Да? – не оборачиваясь, пробормотал я, со скрипом распахнув тяжёлые дверки шкафа и заглянув внутрь.

– Сегодня не задерживайся на этой своей работе... У нас с тобой одно незаконченное дело осталось, Соколов... – пробормотала мне на ухо прильнувшая ко мне сзади и запустившая мне ладонь в семейные трусы девушка.

– Угу... Оу! Ма... Марин! – отпрянул я в сторону, ударившись спиной о раскрытую дверку шкафа и едва не вывернув её из латунных петель. – Ты что делаешь?!

– А что? – лукаво улыбнулась она. – Я твоя законная жена, муж! Имею право!

– Да, но... – красноречиво возразил я. – Но... – и тут же привёл ещё один убойный аргумент, открывая рот, словно выброшенная на берег рыба. – Но...

– Может успеем пошалить? – сделала блондинка шаг в мою сторону. – Опоздаешь чуть на службу... Никто даже не заметит, тем более, у тебя и повод есть – ты вчера женился...

– Нет! – сделал я ровно такой же шаг назад, оперевшись спиной в стену и чувствуя, как попал в засаду.

– Ну как хочешь... – пожалла девушка плечами и недоволь-

но фыркнула. – Тогда вечером – как штык! – ткнула она в мою грудь тоненьким женским указательным пальчиком. – Будь дома!

– Буду! – честно пообещал я.

Хотя, если честно, в таком прижатом к стене состоянии я готов был пообещать что угодно, лишь бы мне дали возможность надеть штаны и покинуть эту светлую и, чего греха таить, симпатичную комнату в общежитии...

– Ма... Марин... – проблеял я, снова получив доступ к шифоньеру, принявшись рыться в нём в поисках мужских вещей и с опаской поглядывая на мельтешащую у меня за спиной девушку. – А на каком маршруте мне до отделения добраться?

– Соколов... – скептически хмыкнула блондинка. – Я вот смотрю на тебя и не пойму... Ты правда дурачок или придуриваешься? И когда ты заикаться стал?

– Я не заикаюсь!

– Заикаешься! Ма-Ма-Марин! – перекивляла она меня густым мужским басом.

– Да просто выпил лишнего вчера... – сознался я.

– Понятно... На четырнадцатом автобусе. Остановка – «Центральный рынок». Как маленький, честное слово... Дорогу до отделения сам найдёшь, или за ручку отвести? – скептически хмыкнула Марина.

– Сам, – насупился я.

Уж отделение я точно сам найду. То, что мой папашка ра-

ботаает в легендарном здании УВД на Гуртьева, 21 – я знал прекрасно. Оно как раз находится в десяти минутах ходьбы от рынка, если срезать через Тургеневский мост. Я там хоть и не служил, но пару раз по службе бывал, так что найти его проблем не будет...

– Чувствую, я ещё пожалею, что связала свою жизнь с тобой, – вздохнула блондинка. – И как вас таких вообще берут в милицию, раз вы даже номер автобуса уже год не можете запомнить?

– Да вот так и берут, – вздохнул я в ответ, найдя наконец в бездонном шифоньере отцовские брюки, рубашку и коричневый пиджак. – Там главное десять раз на турнике подтянуться и двадцать раз от земли отжаться...

– А если больше подтянуться? – с хитринкой поинтересовалась Марина.

– Ну... Если двадцать раз подтянуться, то сразу старшего лейтенанта дадут.

– А если тридцать?

– Капитана.

– А если пятьдесят? – не сдавалась девушка.

– То сразу выдают личную волгу и квартиру в центре.

– Вот блин... – разочарованно протянула она. – Нужно было прежде чем за тебя замуж идти, спросить, сколько раз ты подтягиваешься.

– Это точно, – согласился я. – Прогодала ты с этим. А могла бы сейчас капитаншей быть и на личной волге с личным

водителем в булочную за хлебом ездить.

– Эх... – вздохнула Марина...

Я быстро оделся, недоверчиво поглядывая в сторону недобро палившей на меня с явно греховными мыслями блондинки, сунул ноги в туфли и, пятясь задом, выскользнул за порог квартиры.

– Соколов! – окликнула меня Марина.

– А? – обернулся я.

– Часы, – протянула она мне простенькие часы с коричневым кожаным ремешком с надписью «Победа» на циферблате. – Я их завела если что...

– Спасибо! – поблагодарил я, застёгивая ремешок на запястье.

– Что бы ты без меня делал? – вздохнула блондинка.

– Пропал бы, – усмехнулся я.

– Это точно. Ладно, беги уже...

Я вышел из подъезда на улицу, на мгновение замер, зажмурившись от майского солнца, проморгался, привыкая к яркому свету, и огляделся по сторонам.

Наша самая обычная пятиэтажная общага стояла на такой же самой обычной советской улице с тянущимися вдоль дороги тополями. Напротив расположилась детская площадка с песочницей и деревянной горкой, небольшая беседка, справа тянулись гаражи, а по тротуару в такую рань куда-то брели сонные прохожие. Кажется, я здесь бывал раньше... Вот только когда и при каких обстоятельствах – вспомнить

было сложновато...

– Здравов, Андрияха! – протянул мне руку проходивший мимо парень и крепко пожал мою ладонь. – Говорят, ты променял холостяцкую жизнь на ярмо на шее?

– Есть такое...

– Сочувствую, – вздохнул он.

– Спасибо!

Я проводил взглядом весёлого усатого паренька и двинулся следом за редкими прохожими... Надеюсь, они не на какой-нибудь завод идут, а на остановку...

Я свернул за общагу, обогнул огороженный небольшим металлическим заборчиком палисадник с клумбами тюльпанов, пристроился следом за двумя парнями и задумался о своём незавидном положении...

Да уж... Интересно, а смогу ли я предотвратить гибель отца? По официальной версии, его убил один из подозреваемых в серии убийств, когда отец пошёл проверять наводку от местного алкаша и забрёл в старый заброшенный дом на отшибе его района... Один из...

Да, в конце 70-х – начале 80-х у нас в городе орудовал не один, а целых двенадцать маньяков. В газетах об этом не писали, в новостях о таком не рассказывали. Официально – в городе было всё тихо, маньяков в СССР не существовало. Да и самого такого понятия ещё не было – «маньяк» или «серийный убийца». Но неофициально... Менты прозвали их «Орловской дюжиной». Двенадцать серийных убийц, о ко-

торых мало кто знал и практически не догадывался.

Да и ловили их долго... Кого-то взяли в середине 80-х, кого-то аж в конце. А кого-то в 90-х... Угу, крови они попили изрядно и у людей, и у полиции, вернее милиции. Вот только ни один из них не признался в убийстве молоденького лейтенанта Андрея Соколова. То ли посчитали западлом брать на себя такое преступление, то ли следки не доработали... Непонятно.

Но самое интересное, я знал имя каждого из этой дюжины ублюдков. Знал их привычки, знал, где они жили, знал имена их жертв и даты убийств... Я изучал эти дела ещё на третьем курсе – преподаватель по криминалистике таскал нас в архивы как на экскурсию. Орловская дюжина была его любимым примером того, как советская система умела не замечать очевидного...

Хм... Так может поэтому я здесь? Я ведь могу переловить их всех и у меня для этого есть целых три месяца! Если все эти мрази будут за решёткой, то отец будет жить! Чёрт!

Вот только есть одна маленькая загвоздка – я не могу просто так заявиться к ним и обвинить во всех грехах... И не могу ничего рассказать начальству. Мне никто не поверит. Значит, нужно брать их с железобетонными доказательствами или прямо на месте преступления...

Когда там у нас были убийства в 80-м? Если не ошибаюсь, одно было 29 апреля, два дня назад... И ещё одно – 9 мая...

Интересно, тело девушки, убитой 29 апреля уже нашли?

Если нет, то нужно указать на него. А если да, нужно осторожно подсказать следователям, куда смотреть, на какие улики обратить внимание и где искать. Если не выйдет, то придётся ждать 9 мая и сидеть в засаде на месте преступления, чтобы взять убийцу на горячем. Хм, звучит как план. Работаем? Работаем!

Я поморщился от скрипа тормозных колодок ПАЗика, запрыгнул на ступеньку остановившегося напротив остановки автобуса, показал удостоверение водителю и прошёл внутрь салона. Уселся на свободное место и уставился в окно... Да уж... Город в это время был совсем другим...

ГЛАВА 2 – «ПЕРВОЕ ДЕЛО»

Я прошёл по пустому проходу ПАЗика, уселся на широкое сиденье в самом конце салона и с интересом уставился в большое панорамное окно со знакомой с детства красной табличкой на раме «Запасный выход».

Пассажиров в автобусе было немного. Пара сонных мужиков, женщина с авоськой и кирпичиком белого хлеба в ней... в авоське, не в женщине... старушка с букетом красных тюльпанов на коленях и какой-то парень в мятой рубашке, всю дорогу упрямо смотревший в пол с таким видом, будто вчера он отмечал День международной солидарности трудящихся особенно солидарно...

Автобус дёрнулся, неторопливо вырулил от остановки и покатил по мирному майскому Орлу, который я вроде бы знал с детства, но сейчас узнавал с трудом. За окном проплывал тихий, непривычно чистый город с мокрыми после поливочной машины улицами, над дорогой красовались аккуратные красные растяжки и праздничные транспаранты, а на столбах висели парадные портреты дедушки Ленина.

Да уж... Город-герой Орёл был тот же самый, но будто совершенно другой – без забитых под завязку пластиковыми стаканчиками мусорных урн, без натяканных на каждом углу ларьков из моего времени, без рекламных плакатов на каждом здании и на каждом придорожном билборде. Я не

говоря, что это хорошо или плохо... Просто иначе...

Мы проехали площадь, на которой в двухтысячных воткнули стеклянную многоэтажку с банком, аптекой и вечной пробкой у входа, улицу Ленина, которая в моём детстве уже была переполнена иномарками, натканными у обочины, свернули на светофоре и неспешно покатались дальше...

Я откинулся на дерматиновую спинку сиденья и задумчиво нахмурился. Как мне всё это повернуть? С чего вообще начинать? Если я прямо сейчас заявлюсь в отдел и укажу пальцем на место, где лежит тело, которое ещё никто не нашёл, меня же первого и закроют в камеру как главного подозреваемого. В восьмидесятых у советского следствия логика была простая – кто нашёл, тот и убил. Ну или как минимум соучастник. В общем, мне придётся проявить чудеса хитрости, чтобы навести коллег на труп в лесополосе у ж/д вокзала, и при этом не подставиться самому.

Но главное даже не в этом. Тело в лесу всё равно рано или поздно найдут. Главное, навести коллег на след настоящего преступника, и именно потому, что я точно знал – за убийство девушки посадят какого-то беднягу-ханурика, который оказался не в то время и не в том месте, и с чистой совестью закроют дело. В то время как настоящий убийца ещё десять лет будет расхаживать на свободе. Да уж, задачка. И мне нужно её решить и всё исправить...

Автобус затормозил с противным скрипом тормозных колодок, и я едва не клюнул носом в спинку сиденья передо

мной. Выглянул в окно, узнал остановку «Центральный рынок», торопливо поднялся со своего места и через секунду вылетел из автобуса через заднюю дверь. На мгновение замер, стоя прямо посреди тротуара и растерянно глядя по сторонам, и непроизвольно улыбнулся. Это всё и правда выглядело нереально и забавно одновременно.

Тот самый рынок, который я хорошо знал, только вместо металлических павильонов моего времени здесь тянулись деревянные лотки и стояли бабки с ведрами, полными цветов. У входа стояло три металлических шкафа с надписью «ГАЗ-ВОДА», мужики на разложенных газетках торговали свежепойманной рыбой, а чуть в сторонке со скучающим видом переминался с ноги на ногу милиционер, приглядывающий за порядком...

Я хмыкнул, покачал головой, пропустил вперёд старушку с тюльпанами и двинулся через рынок наискосок...

В пятницу утром рынок гудел. Дачники торговали рассадой, бабульки выкладывали на прилавки банки с соленьями, сушку, орехи, какие-то узелки с семенами, свежий лук, чеснок и укроп. Молодая женщина в платке спорила с продавщицей из-за курицы, а рядом двое пацанов крутились возле ящика с огурцами, явно прикидывая, можно ли утащить парочку или всё же не стоит...

Я прошёл рыночную площадь насквозь, вышел с противоположной стороны рынка и двинулся по неширокой, окружённой со всех сторон высокими тополями аллее в сторо-

ну Гуртьева. А через десять минут извилистая аллея вывела меня к хорошо знакомому мне зданию УВД, и я невольно замедлил шаг...

Да уж... Такое впечатление, что за сорок с лишним лет здесь почти ничего не изменилось. Разве что деревья в моём времени стали заметно выше, а фасад обшили дешёвым безвкусным сайдингом, наклеили кондиционеры, камеры и прочую современную дрянь, от которой любое старое строение выглядело не обновлённым, а скорее осквернённым.

Сейчас же здание УВД из красного кирпича с высокими окнами, массивной дверью, колоннами и остатками лепнины выглядело более строго и заметно солиднее, чем его пластиковая подделка в будущем...

Я глубоко вздохнул, пытаюсь унять непонятно откуда взявшийся мандраж, вытер о брюки слегка взмокшие ладошки и решительно шагнул внутрь, ощущая себя каким-то шпионом в чужой личине. Хотя, отчасти это так и было...

А вот внутри всё было примерно так, как и в моё время – стёртый до дыр пол, стены, покрашенные казённой зелёной краской на высоту человеческого роста, запах табачного дыма, мокрой половой тряпки и почему-то побелки.

За стеклом высокой деревянной стойки сидел дежурный в лейтенантских погонах, лениво помешивая чай ложкой в гранёном стакане с тяжёлым металлическим подстаканником, явно умыкнутом из улик по делу об ограблении поезда, ну или на крайний случай подаренным знакомой проводни-

цей.

– О, Соколов! – сделав глоток горячего чая и заметив меня на входе, оживился дежурный. – Привет, женатик!

– Привет, – кивнул я, неторопливым шагом приблизился к стойке и небрежно опёрся локтем о край деревянной столешницы.

– Ну как жизнь женатая?

– Да ничего так... Живой пока, – пожал я плечами.

– Пока! – довольно хмыкнул лейтенант. – Это ты правильно сказал. Моя первый год такая лапочка была... Коля, хочешь жареную картошечку? А может тебе лапшичку домашнюю отварить? А что ж у тебя рубашечка не выглажена? – писклявым голосом, явно кривляя свою жену, произнёс он и досадливо махнул рукой. – А сейчас... Сам свари! Сам погладь! Не беси меня, Николай!

– Да уж, – сочувственно вздохнул я.

– Угу, спасибо. Слушай, Соколов... – прищурился дежурный. – А расскажи анекдот, который я ещё не слышал, а я тебе за это хороший наряд на сегодня выпишу. Только не про Чапаева, Винни-пуха и не про Крокодила Гену, – торопливо добавил он. – Про них я все анекдоты уже наизусть знаю.

– А хороший наряд – это какой?

– Ну... – лейтенант на несколько секунд задумался и сделал неторопливый глоток чая из стакана. – Могу в центр отправить, будешь целый день на девчонок глазеть. Ну или в парк – посидишь на лавочке в тенёчке, попьёшь газировки...

Ну или куда сам захочешь.

– На вокзал? – закинул я пробную удочку.

– На вокзал? Железнодорожный? – удивлённо глянул он на меня. – На кой он тебе? Торгашей по перрону гонять?

– Да я там у одной тётки пирожки как-то брал... Никогда и нигде больше таких вкусных не пробовал, – не моргнув глазом, соврал я.

– Ладно, дам я тебе наряд на вокзал... Если рассмешишь меня, – добавил он и хитро прищурился...

– Хорошо, девица-несмеяна... – усмехнулся я. – Слушай...

Мужик нашёл волшебную лампу. Потёр её и оттуда вылетел джинн.

«Ты освободил меня, смертный! – говорит джинн, сложив руки на груди. – В благодарность я исполню два твоих желания. Загадывай!»

«Э-э-э! погоди! А разве не должно быть три желания?» – возмущается мужик.

«Глянь в штаны», – отвечает джинн.

Мужик заглядывает в штаны, открывает рот от удивления и тихо шепчет:

«Ни хрена себе!»

«Ага! – ухмыляется джинн. – Я уже давно в этом деле, мужик...».

Дежурный несколько секунд внимательно смотрел на меня, его брови как в замедленной съёмке поползли вверх, и

спустя ещё секунду он разразился гомерическим хохотом, ударив ладонью по стойке и едва не опрокинув жалобно звякнувший ложкой стакан с чаем.

– Ну Соколов! Ну удружил, гад... Хорошо пошло. Правда... – он утёр выступившую под глазом слезу и виновато развёл руками. – На вокзал наряд дать не смогу, прости. Уже отправили туда мужиков. Может всё же в парк?

– Не, – покачал я головой. – В парк неохота...

– Давай тогда в следующий раз, как моя смена будет – отправлю тебя на твой вокзал.

– Идёт, – легко согласился я, осторожно глянув по сторонам и слегка наклонившись к стойке. – Лейтенант... А скажи... Есть сегодня по сводке что-то эдакое?

– Что именно? – насторожился дежурный.

– Ну... Может убийство какое.

– Тебе-то это зачем? – он подозрительно нахмурился, глядя на меня сверху вниз.

– Да просто посмотреть хочу. Поучиться у старших товарищей. Не хочу вечно в патрульных ходить...

– Хм... Ну это правильно... – ободряюще кивнул лейтенант. – Только нет ничего. Тишина. Выходной ведь у людей.

– Понятно, – вздохнул я. – Ну если появится что-то...

– Дам знать, – закончил он за меня, покосился на звонко затрещавший на стойке чёрный телефон с диском, поморщился и поднял трубку. – Дежурная часть. Лейтенант Калинин слушает... Да... Да, понял... Где?.. Повтори адрес... За-

писал... Сообщу...

Закончив разговор, дежурный положил трубку и тяжёлым взглядом посмотрел на меня.

– Вот ты, С-с-соколов... Накаркал!

– Кого-то убили?

– Угу... Прохожие нашли труп девушки в лесополосе возле вокзала. Вот ты правда, как ворона... – покачал лейтенант головой. – Стой здесь, никуда не уходи, – бросил он мне. – Я сейчас опергруппу вызову, может как раз с ними поедешь, если начальство даст добро...

– Понял, – кивнул я...

– Товарищ майор? Это Калинин, – затараторил дежурный в телефонную трубку. – У нас ЧП. Труп девушки в лесополосе у вокзала. Нет... Похоже на насильственное... Обнажённая, удавка на шее... Да. Понял... Сделаю... – он кивнул, положил трубку и уткнулся в бумаги, заполняя журнал звонков.

Через несколько минут со стороны лестницы послышались тяжёлые шаги, и в дежурку один за другим потянулись хмурые, собранные люди. Двое оперов в гражданском, один высокий и худощавый с папкой под мышкой, второй пониже, с лёгкой щетиной и усталым взглядом.

Следом за оперативниками появился мужчина с небольшим чемоданчиком и фотоаппаратом на шее, явно эксперт-криминалист, и молоденький следователь, с небольшим портфелем в правой руке. Последним в дежурку вошёл

грузный плечистый мужик лет под пятьдесят с майорскими погонами и густыми усами под мясистым носом.

– Так, товарищи, вводная серьёзная, – начал майор, обведя присутствующих тяжёлым взглядом. – Возле вокзала, в лесополосе у путей, обнаружен труп молодой девушки с признаками насильственной смерти. Осмотр провести досконально. Работаем аккуратно, без самодетельности. Строго по протоколу. Сами понимаете, пресса и лишний шум нам сейчас, в преддверии московской Олимпиады, нахрен не нужны. Всё понятно?

– Понятно, Пётр Петрович, – нестройно загалдели оперативники.

– Хорошо, – кивнул майор и повернулся к дежурному. – Калинин! Отправляй на место свободные наряды. Пусть оцепление держат, никого из посторонних к телу не подпускают. Постового с вокзала туда же свистни. И участкового местного подними, пусть хануриков районных трясти начинает.

– Да нет у меня свободных нарядов, товарищ майор... – виновато пробормотал дежурный. – Праздники же...

– Найди, – рыкнул майор. – Мне нужно два или три наряда. Или ты мне самому предлагаешь кусты прочёсывать?

– Никак нет, товарищ майор. Найду, – буркнул дежурный, лихорадочно листая телефонную книгу. – Сейчас мужиков с выходного дёрну, делов-то...

– Вот и славно. Судмеда вызвал?

– Сейчас вызову.

– Не сейчас, а уже, Калинин!

– Да знаю я, знаю... – едва слышно пробормотал дежурный, стараясь говорить так, чтобы никто его не услышал.

– Товарищ майор, я могу помочь, – уловив небольшую паузу в разговоре, вызвался я.

– Соколов? – внимательно посмотрел на меня майор, будто только сейчас обнаружив моё присутствие. – Ты же у нас младший лейтенант, кажется? Месяц как из училища?

– Так точно, товарищ майор.

– А в уголовный розыск кто тебя ставил? – прищурился он. – Ты у нас кто по должности? Опер, следователь или патрульный?

– Патрульный, – нехотя признал я.

– Ну вот и ходи в патруле! – отрезал майор. – Район обходи, за порядком смотри, гражданам внушай уверенность в советской власти. Понадобишься – вызовем. А пока и без тебя разберёмся. Понял?

– Понял, – буркнул я.

Да уж, то ли отец чем-то успел проштрафиться перед майором, то ли майор и правда не хочет брать на такое ответственное дело желторотика из училища, от которого на месте преступления вреда будет больше, чем пользы. Хреново...

– Товарищ майор, – подал голос опер с папкой. – Может, собак взять? Лесополоса всё-таки. Если след свежий, может, что-то и возьмут.

Майор на секунду задумался и кивнул.

– Дело говоришь. Калинин, вызывай кинологов.

Дежурный, не успев набрать номер судмедэксперта, сбросил звонок и принялся крутить диск телефона по новой. Приложил телефонную трубку к уху и через пару секунд забормотал в динамик, требуя собак и кинологов...

– Товарищ майор... – виновато окликнул он начальника УГРО. – Не будет собак.

– Как это не будет? – хмуро бросил майор. – Почему?

– Сегодня и завтра проходят окружные соревнования ДОСААФ, все специалисты со своими псами ещё вчера туда уехали.

– Что за бардак?! – в сердцах выкрикнул майор. – В городе девушку убили, а у них выставки да соревнования! Совсем распустились, дармоеды. Не кинологи, а сраный кружок любителей пуделей какой-то!

– Товарищ майор... – снова влез я в монолог начальника.

– Соколов, я тебе уже сказал! Ты ещё здесь?! – рыкнул он на меня.

– У меня есть собака... – сделал я последнюю отчаянную попытку войти в состав опергруппы, используя овчарку отца просто как предлог. Мне главное попасть на место преступления по официальным каналам, так сказать. Дальше я уже как-нибудь сориентируюсь...

– В ДОСААФ состоишь, Соколов? – майор прищурился и посмотрел в мою сторону с гораздо большим интересом.

– Так точно, товарищ майор, – легко соврал я.

Без понятия, состоял ли отец в ДОСААФ, но отступить уже было поздно...

– Собака служебная?

– Служебная.

– Диплом по ЗКС или ОКД есть?

– По чему? – машинально переспросил я и тут же мысленно выругался на себя.

– Защитно-караульная служба и общий курс дрессировки, – хмуро и раздражённо пояснил майор, явно начиная терять терпение. – Ты в ДОСААФ состоишь или в кружке макраме, Соколов?

– А, это... Да, конечно, – беззаботно отмахнулся я. – И ЗКД, и ОКС. И значки, и вымпелы есть, – продолжал самозабвенно врать я, очень надеясь, что пёс отца действительно когда-то занимался чем-то серьёзнее утреннего облизывания хозяина и демонстрации зубов размером с садовые ножницы.

– Хорошо, – сдался майор, померившись с моим самым честным взглядом пионера и комсомольца. – Раз у кинологов соревнования, Соколов в деле. Дуй за собакой, даю полчаса.

– Есть, товарищ майор! – радостно козырнул я, для пущего усердия приложив на миг руку к виску. Развернулся и двинулся в сторону выхода.

– Стоять, Соколов! – догнал меня в спину голос начальства. – Ты что, со служебной собакой через весь город на ав-

тобусе попрёшься?

– Ну... – я растерянно обернулся. – А как иначе?

– Ты так до вечера к месту не добёришься, – проворчал майор. – Права у тебя есть? Машину водить умеешь?

– Есть. Умею, товарищ майор, – уверенно кивнул я. Чего-чего, а водительского стажа у меня из моей прошлой жизни было больше двадцати лет.

– Калинин, – строго глянул майор на дежурного, – свободная машина у нас есть?

Калинин посопел, кинул в мою сторону слегка недовольный взгляд и зашуршал бумагами на столе.

– Третья «копейка» во дворе стоит, – произнёс он через несколько секунд.

– Выдай ключи Соколову! – приказал майор.

Лейтенант Калинин тяжело вздохнул, дёрнул ящик стола, извлёк из него звякнувшую связку ключей с железной биркой и протянул их мне через окошко.

– Номер ноль семь – сорок два, – буркнул он, будто его заставили отдать мне личный лимузин, а не служебный автомобиль. – И смотри у меня, Соколов! Чтобы ни одной царапины на машине не было, лично проверять буду после смены.

– Постараюсь, лейтенант, – пообещал я, сгреб ключи и через несколько секунд выскочил из душного вестибюля УВД на свежий майский воздух.

Глянул по сторонам, заметил среди серых милицейских

«бобиков» на служебной стоянке сиротливо желтеющий ВАЗ-2101 с синей полосой на борту и крупной надписью «МИЛИЦИЯ» на двери, подкинул ключи в руке и двинулся к автомобилю.

Открыл водительскую дверку, плюхнулся за руль, вдохнул приятный и знакомый с детства запах дешёвого дерматина, нагретого пластика и бензина, с трудом нашёл замок зажигания, который какого-то чёрта был расположен слева, вставил ключ и провернул. Услышал слегка неровный рокот двигателя под капотом, переключил передачу, снял с ручника и медленно тронулся с места, выезжая со стоянки на проезжую часть.

Ну, можно сказать, первый этап всего моего плана прошёл успешно. Теперь главное не просрать всё на месте преступления и аккуратно навести оперативников на нужные улики и следы... Чёрт! Надеюсь, пёс отца мне не будет мешать. Ладно, поживём-увидим...

До семейной общаги по практически пустому городу я домчал минут за десять-пятнадцать. Припарковался напротив подъезда, рядом с развевающимися на длинной бельевой верёвке чужими простынями, заглушил двигатель и вышел из авто.

Легко взбежал по ступеням на второй этаж, без труда нашёл нашу слегка обшарпанную дверь, нащупал ключи в кармане и через пару секунд ввалился в комнату.

Марины дома не было, видно убежала на работу сразу по-

сле меня. Хотя, сегодня же выходной. Хм... Ну может, на рынок пошла, или к подружкам – не так уж и важно. А вот Туман встретил меня, будто не видел целый месяц. Вскочил с хозяйской кровати, на которой почему-то лежал в отсутствие этих самых хозяев... нужно будет с ним обсудить это по-мужски, кстати... подлетел ко мне, преданно заглядывая в глаза, облобызал мокрым языком, стуча хвостом по линолеуму, словно палкой, и замер, то ли улыбаясь, то ли поглядывая с издёвкой.

– Ну что, Бродяга? – я присел перед ним на корточки и потрепал по густой шерсти на загривке. – Поработаем на благо родной милиции?

Пёс внимательно посмотрел мне в глаза, словно всё прекрасно понял, молча развернулся, ткнулся мордой в висящий слева от двери на крючке поводок, стащил его зубами и ловко проскользнул в дверную щель.

– Ого... – пробормотал я. – А ты у нас, оказывается, не за просто так котлетами пахнешь...

Задумавшись на секунду и представив, что подумает Марина, вернувшись домой и не обнаружив блохастого, я нашёл небольшой клочок бумаги, набросал на нём короткую записку, прикрепил листок на зеркало трюмо и с чистой совестью вышел из комнаты.

Закрыв дверь на ключ и двинулся следом за лохматым четвероногим другом, терпеливо поджидавшим меня в конце коридора.

– О, Соколов! Привет! Ты-то мне и нужен... – показавшись из дверей соседней комнаты и непринуждённо оперевшись спиной о дверной косяк, томно произнесла симпатичная брюнетка лет тридцати, в коротком домашнем халатике, державшемся на честном слове и тонком пояске. – Как жизнь молодая, Андрюша? Женился, значит?

– Угу, – буркнул я, из вежливости остановившись напротив девушки. – Всё хорошо. Ты извини, я тороплюсь...

– погоди... – придержала она меня за руку. – У меня тут розетка сломалась... Ты не глянешь?

– А твой что, не может глянуть? – кивнул я на обручальное кольцо на руке брюнетки.

– Да... – отмахнулась соседка. – Ему некогда... Да и он вечно в разъездах... Так как? Ну пожалуйста, Андрюш. Мне приёмник некуда воткнуть... – жалобно протянула она, приглашающе приоткрыв дверь своей комнаты.

– Ладно, зайду на днях... – пообещал я, стараясь смотреть соседке в глаза, а не в слишком откровенный вырез слегка распахнувшегося халатика и не на её симпатичный, явно импортный, кружевной красный бюстгальтер.

– Спасибо! – лукаво улыбнулась девушка, будто одержала надо мной какую-то маленькую победу.

– Да пока не за что, – отмахнулся я. – Всё, пока...

– Пока, Соколов... – задумчивым голосом промурлыкала брюнетка мне в спину...

Чёрт! Нужно у Маринки спросить, может, мне нельзя с

этой соседкой общаться. Может, они в ссоре или ещё что...

Я спустился по ступеням, вышел из общаги, даже не заметив, когда это Туман молчаливо пристроился у моей левой ноги, подошёл к авто и распахнул заднюю дверь.

– Запрыгивай, – отдал я команду, с удивлением проследил, как пёс послушно запрыгнул на заднее сиденье, деловито обнюхал дерматин, недовольно фыркнул, потоптался на сидушке, уселся и с деловым видом уставился в лобовое стекло перед собой. – Молодец, – похвалил я его, потрепав по голове, захлопнул дверку, уселся за руль, завёл автомобиль и тронулся с места...

Обратно до отдела я долетел ещё быстрее, чем ехал до общаги. Припарковал казённую «копейку» напротив УВД, приказал Туману охранять государственную собственность, усмехнулся, увидев его сосредоточенный и серьёзный вид, будто я отдал ему приказ ценой своей жизни защищать мавзолей, и побежал внутрь здания.

– А где все? – поинтересовался я у лейтенанта за стойкой дежурного.

– Где-где... На месте преступления, Соколов, – вздохнул Калинин. – А вот почему ты не там?

– Чёрт! – выругался я. – Адрес какой? Куда ехать?

– Какой адрес в кустах, Соколов? – удивился Калинин. – За вокзал езжай. Со стороны грузового двора, ближе к депо. Там старая будка обходчика у путей и заросли за насыпью. Найдёшь?

– Это со стороны Привокзального переулка?

– Ну да. Только не к главному входу, а за пути. Всё, езжай уже, Соколов!

– Ладно, – вздохнул я. – Спасибо!

– Да не за что! И машину мне не поцарапай! – выкрикнул он мне в спину.

– Постараюсь, но ничего не обещаю! – крикнул я в ответ и через секунду выскочил на улицу.

Запрыгнул в авто, рыкнул двигателем «копейки», подмигнул своему попутчику в зеркало заднего вида и помчался в сторону железнодорожного вокзала...

До места я добрался минут за десять. У самой кромки леса, метрах в ста за железнодорожной насыпью, стояло несколько милицейских «бобиков», пара «Волг», служебный мотоцикл с коляской и суежилась кучка людей в форме и штатском.

У края дороги маячил постовой, отгоняя зевак, чуть дальше двое милиционеров спорили с каким-то мужиком в кепке, а между деревьями мелькали фигуры оперов.

Я припарковал автомобиль на свободный пяточок, заглушил двигатель и открыл заднюю дверь, выпуская наружу своего помощника.

– Ну... – произнёс я. – За дело...

ГЛАВА 3 – «ЛЕСОПОЛОСА»

– Ой, какой хорошенький... – навстречу мне откуда-то из-за кустов выскочила молоденькая девчонка в форме с сержантскими лычками на погонах. – А вы кинолог?

– Типа того... – буркнул я, придерживая рвущегося вперёд Тумана за ошейник.

– Это хорошо. А то вас уже заждались. Майор Медведев рвёт и мечет, дело-то серьёзное... А можно я его поглажу? – восторженно сверкая карими глазками и глядя на моего пса, пробормотала девушка. – Пожалуйста...

– Можно, – усмехнулся я, наблюдая, как товарищ сержант в неудобной, слишком короткой форменной юбке бесстрашно опустилась на корточки и принялась с любовью трепать пса между ушей.

Туман озадаченно глянул на меня, я едва заметно пожал плечами, мол, терпи, Бродяга, служба у нас сегодня такая, и пёс тяжело, совсем по-человечески вздохнул...

– Какой хороший... Хор-р-ро-о-оший... Ой! – девчонка испуганно глянула на меня снизу вверх и едва заметно нахмурилась. – А как его зовут?

– Туман.

– Какое необычное имя, – мило улыбнулась она моему пёсику.

– Кличка, – машинально поправил я.

– Да, точно... Кличка, – смутилась девушка, ещё раз погладила пса, поднялась и одёрнула слегка задравшуюся юбку. – А ты вечером чем занят? Может, погуляем по набережной или в кино ходим? – выдала она невинную белозубую улыбку.

– Прости, не могу, – вежливо отказался я, приподняв правую руку и продемонстрировав простое золотое обручальное кольцо на безымянном пальце.

Да уж, оказывается, имея собаку, знакомиться с девчонками гораздо легче. Кто ж знал? Был бы я не женат... Ага, на собственной матери – в лучших традициях древнегреческой мифологии... Ладно, не кисни, Соколов – ты здесь всё равно не для того, чтобы знакомиться с девушками...

– Жаль... – искренне вздохнула сержант. – Меня, кстати, Валец зовут.

– Макси... Андрей, – тут же поправился я, мысленно обозвав себя последним идиотом.

– Так Максим или Андрей? – не переставая игриво улыбаться, уточнила Валя.

– Андрей, – вздохнул я. – Просто день сегодня сложный.

– Оно и видно, – хихикнула девушка.

– Что, Соколов, всё-таки притащил своего волкодава? – донёсся до меня слегка насмешливый мужской голос, а через секунду я заметил его владельца, спускающегося к нам по растоптанной глинистой тропинке. – Думаешь, твой дворовый пёс лучше нашего Байкала со следом справится? – ух-

мыльнулся парень в лейтенантских погонах, остановившись в нескольких метрах от меня.

— Ну, что-то я вашего Байкала здесь не вижу, — демонстративно покрутил я головой по сторонам. — А, точно! Он же за медальками поехал, вместо того чтобы работать...

Валя тихонько прыснула в кулачок от смеха, а лейтенант недовольно нахмурился.

— Ну-ну... — хмыкнул парень. — Иди давай. Там старший группы тебя уже три раза спрашивал.

— Куда идти-то? — уточнил я.

— Вон по тропинке, потом левее. Дальше сам всё увидишь, — подсказала мне Валентина и снова улыбнулась Туману. — Удачи вам!

— Спасибо, — поблагодарил я девушку и двинулся по тропинке, придерживая пса за ошейник.

Через десяток шагов свернул налево, заметил натянутую между деревьями верёвку и двух скучающих патрульных, и неторопливо приблизился к парням.

— Ого! Какой кабан! Чем ты его кормишь, Соколов? — уважительно присвистнул коренастый сержант с сигаретой в зубах, с искренним восхищением рассматривая пса.

— Котлетами, судя по всему, — буркнул я и кивнул за оцепление, в сторону кучки людей. — Что там?

— Да... — сержант затянулся и выпустил дым в сторону. — Девчонка. Молодая совсем. Похоже на ограбление...

— Ограбление? — удивился я.

– Угу. Слышал, опера эту версию прорабатывают.

– Почему?

– Все личные вещи жертвы пропали. Одежда, сумочка, серьги, обручалка. Значит, она попала под горячую руку какого-то бывшего сидельца, сидевшего за грабёж, изнасилование или хулиганку. Нужно искать среди этой братии...

– Понятно, – задумчиво протянул я.

Теперь понятно, почему следствие пошло не туда и настоящего убийцу не нашли. Следаки уцепились за версию с ограблением, а значит, они начнут трясти местных хануриков, вокзальных алкашей, бывших зеков и прочую удобную публику, которую в любой непонятной ситуации можно при- тащить в отдел, посадить на стул и крутить, крутить и кру- тить, пока тот сам не сознается в том, чего не делал. Да уж...

– О, Соколов! Наконец-то! – заметил меня один из оперов и махнул рукой. – Иди сюда со своим зверем.

– Иду, – кивнул я, решительно шагнул за натянутую меж- ду молодыми берёзами бечёвку и небрежным взглядом оки- нул место преступления...

Следователь стоял чуть в стороне, курил «Беломор» и пи- сал что-то на папке-планшете, периодически переговарива- ясь с экспертом-криминалистом. Криминалист щёлкал за- твором фотоаппарата, снимая каждый сантиметр земли под разным углом, слева уныло переминались с ноги на ногу двое понятых, явно уже не раз пожалевшие о том, что оказались не в том месте и не в то время.

Двое милиционеров прочёсывали кусты на границе огороженного периметра, а возле небольшой земляной выемки на коленях сидел пожилой судмедэксперт, колдуя над слегка присыпанным прошлогодней листвой телом жертвы...

Обнажённая девушка лежала между корней дерева, выгнув ноги и руки в неестественной позе. Удавка на шее, голые плечи, небольшая, словно не до конца оформившаяся грудь, ссадины на коже, грязь на ногах и пустой взгляд...

Плохо. Очень плохо. Если всё пойдёт как раньше, убийство повесят на невиновного, а убийца продолжит с удвоенной силой, ощущая свою безнаказанность и исключительность...

– Личность уже установили? – подойдя к оперативнику, поинтересовался я.

– Установили, – кивнул опер. – Анна Кудрявцева, тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, двадцать два года, из-под Мценска. Двадцать девятого поздно вечером приехала последней электричкой погостить к родственникам. До дома так и не дошла...

– Ограбление? – уточнил я.

– Сначала изнасиловали, потом задушили, сняли бирюльки и шмотки, – опер безразлично пожал плечами. – Скорее всего, позарились на золотишко – родственники указали, у жертвы были золотые серёжки с рубинами, цепочка и кольцо.

Я кивнул и медленно огляделся по сторонам. Кусты, де-

ревья, насыпь, сырая земля и путаница следов вокруг, часть из которых уже наверняка оставили сами же милиционеры, понятые и обнаружившие тело граждане.

– Тут ни фонарей, ни нормальных дорог, – задумчиво пробормотал я. – Одна-единственная тропинка, на которой по тёмному скорее ноги переломаешь, чем куда-то дойдёшь. Сомнительно, что она сама сюда полезла ночью. А раз убийца затащил её по темноте в лес, не заблудился и не оставил следов, значит, он хорошо знал это место...

– Может она просто заблудилась? – опер посмотрел на меня с лёгкой насмешкой.

– Не думаю, – покачал я головой. – Скорее всего, они ехали в одной электричке. Он предложил проводить её короткой дорогой, она согласилась... Выходит, либо он часто пользуется этим вокзалом, либо местный. Скорее, первое. Может, живёт в области, а приезжает в город по работе, ну или наоборот... – принялся я осторожно подкидывать подсказки оперу. – Если всё так – значит, его могли видеть с ней. Кроме того, он мог часто мелькать на вокзале.

– Ты смотри, мыслитель, – скептически хмыкнул опер. – Только у нас тут не кружок юных криминалистов. Через вокзал тысячи людей проходят. Всех не допросишь! А чтобы искать кого-то, нужны приметы. А у нас примет нет никаких.

– Можно для начала просто работников вокзала опросить, – пожал я плечами, – может они видели что-то или кого-то подозрительного...

– Это мы и без тебя знаем, умник! – недовольно поморщился сотрудник. – Опросим, когда здесь закончим. Кстати об этом... Бери своего пса и прочеши окрестности. Понял?

– Понял, – кивнул я.

– Приступай!

– Есть...

Я отошёл чуть в сторону, присел перед Туманом на одно колено и посмотрел в его умные, почти разумные глаза.

– Ну что, бродяга? Поработаем? От тебя много не требуется, не переживай, – тихо пробормотал я, почесав его за ухом. – Просто создай видимость, а дальше я уже сам. Справишься? Нам бы до вокзала с тобой добраться и опросить свидетелей... Чёрт! А как тебя вообще по следу отправить? Ладно, давай так попробуем...

Я подвёл пса поближе к телу девушки, стараясь не затапывать следы, которых тут всё равно не было толком, и ткнул пальцем в присыпанную листвой землю.

– Ищи! След! – едва слышно произнёс я, надеясь, что делаю всё хоть отдалённо правильно.

Туман послушно ткнулся носом в почву, громко фыркнул несколько раз, с шумом втягивая воздух через широкие ноздри, поднял морду и посмотрел куда-то вдаль. Снова припал носом к земле, крутанулся на месте, словно волчок, и резко рванул за ограждение.

– Чёрт! Это что – сработало? – удивлённо пробормотал я и через миг сорвался следом за овчаркой отца...

Мы проскочили небольшой овражек, обогнули насыпь, я едва не навернулся на глинистом склоне и чуть не клюнул носом, зацепившись ногой за едва заметный корень дерева, торчащий из-под земли, догнал слегка замешкавшегося пса и остановился в паре метров от него.

Туман покрутился на месте, припал носом к земле, шумно втянул воздух, резко сменил направление и уже куда увереннее пошёл вперёд, ведя меня за собой.

Метров через сто пёс остановился возле старой покосившейся берёзы, заметно занервничал, ткнулся мордой в прелую листву, коротко, глухо рыкнул и принялся ожесточённо скрести лапой у основания ствола, жалобно поскуливая...

– А ну, стой! Фу! – опомнился я, отдав команду.

Туман обернулся, глянул на меня и послушно отступил в сторону, усевшись на задние лапы и выразительно глядя на видневшийся из-под земли клочок женского платья...

– Да ну нахрен! – выдохнул я.

Вот это уже было интересно. В прошлый раз, насколько я помнил материалы дела, ничего такого не находили. То ли проглядели в суматохе, то ли пса нормального под рукой не оказалось. Ах, да! Они же все на выставке, а отец почему-то не стал предлагать своего любимца...

Я подошёл ближе, глянул на импровизированный тайник в корнях дерева и ободрительно потрепал своего четвероного помощника по голове.

– Молодец, Бродяга, – тихо произнёс я. – Удивил ты меня,

конечно. С меня жирная косточка. Только напомни, а то я точно забуду.

Туман удивлённо пискнул, склонил голову набок, внимательно посмотрел на меня, видимо, не определившись, шучу я или нет, вывалил язык и шумно задышал.

Я повернулся в сторону оцепления, сложил ладони лодочкой, приложил их к губам и громко выкрикнул, подзывая оперативников и криминалиста.

– Эге-гей! Тут что-то есть!

Чёрт! Нужно хоть их звания узнать, или фамилии. А то так и буду «эге-гейкать»...

Оперативник с папкой появился первым, почти бегом, следом за ним подоспели криминалист с фотоаппаратом и молодой следователь.

– Что тут у тебя, Соколов? – глянув по сторонам, будто надеясь найти ещё один труп, недовольно произнёс опер.

– Похоже на женскую одежду, – кивнул я на корни дерева.
– Руками не трогал. Собаку отозвал.

– Хоть это сообразил, – буркнул оперативник, но уже без злобы.

Криминалист отодвинул нас в сторону, подошёл к торчащему из земли клочку ткани, присел на корточки и щёлкнул несколько кадров. Вежливо попросил всех отойти на несколько шагов, аккуратно сгрёб тонкой палочкой листву в сторону и принялся осторожно раскапывать нашу с Туманом находку.

Через минуту из небольшой ямки между корней он извлёк скомканное и грязное женское платье, летние женские туфли и небольшую сумочку. Аккуратно разложил это всё на расстеленный справа от себя на земле кусок брезента, сделал ещё несколько фото, и обернулся к оперативнику.

– Понятых ведите сюда, будем осматривать...

Сотрудник молча кивнул и махнул кому-то рукой. Через пару минут рядом с нами стояли двое гражданских, а криминалист принялся разбирать находки...

Внутри сумочки нашёлся пустой кошелёк, расчёска, носовой платок, маленькое зеркальце, пудра, губная помада, смятый билет на электричку и фантик от барбариски. В кармане платья обнаружили тонкая золотая цепочка и серёжки с красными камушками, очень похожими на рубины.

– Это всё? – хмуро поинтересовался следователь, делая пометку в папке-планшете.

– Да, больше в яме ничего нет, – подтвердил криминалист, поднимаясь и вытирая испачканные ладони платком.

– Должно быть ещё кольцо.

– Ну, кольца, как видишь, нет, – пожал плечами эксперт.

– Что по вещам скажешь? – коротко, по-деловому произнёс молодой следователь.

– Судя по ткани и состоянию, они пролежали в сырой земле несколько дней. Точнее я тебе, конечно, только в лаборатории скажу, но предварительно, по срокам и описанию всё сходится – это вещи нашей жертвы. Да и серёжки с рубинами

больно приметные, родственники погибшей именно такие и описывали, – повернулся он к оперативнику.

– Угу, вижу, – опер нахмурился и поиграл желваками. – Выходит, банальное ограбление. Этот гад просто припрятал скарб в лесу, рассчитывая попозже вернуться за ним, когда всё немного утихнет.

– Смысла в этом нет никакого, – влез я со своим никому не нужным мнением, навлекая на себя недовольные взгляды коллег. – Это точно не ограбление.

– Это ещё почему, Соколов? — опер подозрительно прищурился.

– Серёжки и цепочка – это вам не сундук с золотом. Их незачем прятать в лесу. Сунул себе в карман, да и ушёл. А вот обручального кольца нет. Убийца намеренно пускает нас по ложному следу. Он специально обставил всё как банальный грабёж, чтобы мы искали обычного налётчика.

– Тоже мне, Шерлок Холмс выискался, – снисходительно хмыкнул молодой следак. – Может, девчонка перед отъездом просто в загул пошла, поругалась с муженьком и оставила кольцо дома на тумбочке?

– Это легко проверить, – упрямо покачал я головой. – Но я думаю, кольцо мы не найдём. Кольцо – это трофей. Убийца забрал его на память.

– Какой ещё, к чёрту, трофей? – теряя терпение, раздражённо бросил опер. – Ты чего несёшь, Соколов? Насмотрелся польских детективов?

– Нужно узнать, не пропадало ли что-то у других жертв, – предложил я, проигнорировав подколку.

– Слушай, Соколов! У тебя что, другой работы нет? Каких других жертв? – скривился опер. – У нас тут одна жертва!

– Я думаю, это не первое его убийство, – покачал я головой.

– Не морочь нам голову! Бери собаку и иди. Может, след ещё какой найдёте... – отмахнулся он от меня.

– В этом районе уже были похожие случаи? – не сдвинулся я с места.

Оперативник и следователь молча переглянулись и почти одновременно нахмурились.

– Было несколько, – нехотя признал следователь. – Три за последние полгода. Но они не связаны, да и по тем делам уже найдены виновные...

«Ну да, не связаны... – хмыкнул я про себя. – Хреново работаете, товарищи милиционеры...»

– А если взяли не тех? – осторожно спросил я. – Если настоящий убийца до сих пор на свободе?

– Ты, Соколов, головы нам не морочь! – резко осадил меня опер. – Нашёл вещи – молодец. Пёс твой тоже молодец. На этом всё! А версии строить будешь, когда тебя в уголовный розыск переведут. Всё, бери собаку и иди...

– Но...

– Это приказ, младший лейтенант, – жёстко отрезал оперативник, смерив меня грозным взглядом. – Выполнять! Бе-

ри собаку и ду́й дальше прочёсывай лесополосу. Понял?
– Понял, – нехотя признал я, легонько подтолкнул Тумана
и двинулся следом за ним прочёсывать местность...

ГЛАВА 4 – «ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ»

В посадке мы с моим четвероногим помощником провозились до позднего полудня. Прошли её вдоль и поперёк, шуганули вездесущих подростков, вышли к старым гаражам и вернулись обратно, обойдя с обратной стороны и обогнув кусок лесополосы практически по всему периметру.

Выбрались к рабочему району и поспрашивали местных, но толком ничего нового не узнали. Туман больше ничего дельного не нашёл, да и след убийцы не взял. Хотя, его сложно в этом винить – следов в посадке и вокруг лесочка было много, и какой из них принадлежал именно убийце, понять было нереально, какой бы совершенной и опытной ни была ищейка. Тут даже не в следах дело, а в том, что образца с места преступления у нас не было. Он и так у меня молодец, сделал то, чего от него никто не ожидал, ну я так точно...

На перрон, расположенный с обратной стороны от главного здания вокзала, мы выбрались после трёх. Я опросил пару работников, поговорил с дежурным по путям, пообщался со словоохотливыми бабульками, торгующими пирожками, семечками и цветами на небольшом пяточке привокзальной площади, и зашёл внутрь центрального вокзала с холодным полом из мраморной крошки и высокими потолками.

Да, кто-то из опрошенных мужиков вроде бы видел похо-

жую по моему описанию девушку в ночь на тридцатое, идущую в сторону лесополосы вроде бы в компании какого-то мужчины... Но свидетели из них были так себе, да и одно это ничего не давало – без точного описания мужчины, оперативники просто отмахнутся от этого. Но маленькая зацепка всё же была...

Я оглядел просторное фойе вокзала с редкими, скучающими пассажирами, глянул на большое перекидное табло на стене, заметил стоящий у стены небольшой киоск Союзпечати и двинулся к нему.

Выбрал из небогатого ассортимента тетрадок и записных книжек небольшой блокнотик в линию и синюю шариковую ручку, расплатился и направился в соседний зал к единственному работающему окошку кассы пригородного сообщения...

Терпеливо дождался, пока мужик с удочками и большим рюкзаком за плечами купит билет и наболтается с кассиршей, и подошёл к стойке.

– Младший лейтенант Соколов, милиция, – представился я, развернув служебную корочку перед лицом сидевшей за кассой женщины лет сорока пяти в стандартной форме работницы железной дороги – жакете и белой блузке. – Мне нужно задать вам пару вопросов.

– Да, конечно, товарищ милиционер, – поёрзала на стульчике кассирша. – Это по поводу убитой в лесу девушки? – проявила она удивительную осведомлённость.

– Да, – не стал скрывать я. – Вы работали вечером двадцать девятого апреля?

– Нет, двадцать девятого не моя смена была...

– А тридцатого?

– Работала! – закивала женщина. – Ужас какой... Она ведь молодая совсем была...

– Угу... Скажите, – начал я издалека. – Не видели никого подозрительного?

– Кого? – нахмурилась женщина.

– Мужчину, – задумчиво побарабанил я подушечками пальцев по деревянной стойке. – Самый обычный, путешествует один. Неприметный, ничем не выделяющийся от остальных пассажиров, но появляется здесь регулярно. Приезжает из области, или наоборот, покупает билет в какой-то небольшой город... – я ненадолго замолчал, раздумывая, что ещё можно сказать, не сболтнув лишнего. – Похож на работника умственного труда, на интеллигента, а не на работягу. Возможно, носит очки, шляпу, недорогой костюм...

– Да нет вроде... – неуверенно покачала головой кассирша. – Не припомню таких...

Дерьмо!

– Давайте ещё раз, – не стал сдаваться я после первой неудачи. – Мужчина лет сорока. Возможно, слегка сутулится. Разговорчивый. Легко идёт на контакт и заводит беседу, особенно с женщинами. Такой... – повертел я кистью руки в воздухе, – безобидный с виду. Может шутить, улыбаться,

конфетку предложить. Барбариску, например...

– Откуда вы знаете про барбариску? – глядя на меня из окошка кассы большими, округлившимися глазами, пробормотала тётенька.

– Просто предположил, – пожал я плечами, записывая в блокнот приметы мужчины, которые сам же и назвал. – Такие индивидуумы любят всем нравиться. Оставлять о себе хорошее впечатление... Ну? Вспомнили?

– Вспомнила, конечно... Но... Это он убийца?! – наклонившись поближе к окошку, громким, ошарашенным шёпотом произнесла женщина.

– Пока я не могу уверенно говорить об этом. Не хочу без доказательств обвинять приличных граждан...

– Это да, – согласилась со мной кассирша. – Не может он быть убийцей, – отойдя от первого шока, пробормотала она. – Он билет всегда берёт спокойно, без скандалов, не то что некоторые. Мужик как мужик. Вежливый. Конфеткой иногда угощает, это да... Мне, девчонкам нашим, уборщице тёте Шуре. Говорит, чтобы служба слаще была. Ну какой из него убийца?

– Ну да, не похож... – согласился я. – Но поговорить с ним всё же стоит. Может он что-то слышал или видел... Имя и фамилию его знаете?

– Нет, – виновато сжала губы кассирша.

– А билет он куда берёт? – поинтересовался я просто для галочки, не ожидая от неё вразумительного ответа.

– До Отрадинского! – просияла тётушка.

– До Отрадинского? – удивился я, сделав очередную пометку в блокноте.

– Ага! – торопливо закивала она головой. – Названия городов я хорошо запоминаю – это у меня профессиональное...

– Он всегда один билет покупает?

– Один...

Да уж, похоже, с кассиршей мне действительно повезло. Планом «б» было идти к начальнику вокзала, узнавать, кто работал тридцатого, обзванивать работников вокзала или ехать по адресам и опрашивать их лично, и всё это в нерабочее время, потому как в рабочее на такое мне бы никто благословения не дал. Но вышло всё гораздо проще. Осталось раскрутить тётеньку и выжать из неё по максимуму...

– Портрет составить сможете?

– Портрет? – нахмурилась работница железнодорожной кассы.

– Словесный портрет – описать мужчину.

– Смогу, наверное, – неуверенно произнесла она. – Шляпа у него такая... не деревенская, как вы и сказали. Плащ коричневый, под плащом костюм серый. Очки тоже есть. Всё как вы и говорили... – растерянно посмотрела она на меня через окошко. – Как это я сразу не догадалась, о ком речь? Дура! Лицо у него длинное ещё такое, глаза карие и нос тонкий. Выбранный всегда. Говорит тихо, культурно. Не пьянь

какая.

– Как часто бывает на вокзале, не знаете?

– Как не знать? Знаю! Раз в месяц, – уверенно закивала женщина. – Как штык. В конце каждого месяца. Двадцать девятого, тридцатого, иногда тридцать первого, если месяц длинный.

– Раз в месяц? – задумчиво уточнил я. – Не чаще?

– Не чаще, – подтвердила она.

– Может он в другие разы просто не в вашу смену попадает.

– Не может! – помотала кассирша головой. – Он сам говорил, что раз в месяц у нас в Орле бывает по работе. Делает дела и на следующий день уезжает к себе. Это я хорошо запомнила...

– То есть, он приехал накануне? Двадцать девятого? – уточнил я.

– Ну да... – подтвердила женщина. – Я же так и сказала.

– Понятно... – пробормотал я, записав это в блокнот.

Странно... Последнее убийство было в ночь на тридцатого апреля. Следующее будет девятого мая – это я точно знаю. Не сходится... Или девятого будет не наш маньяк, и менты через десять лет, разбирая его «подвиги», просто повесят один из висяков на него, для красивой отчётности... Или всё же он, но сбился с привычного графика из-за праздников. Приехал в город на празднование Дня Победы, например, посмотреть салют, и совместил, тварь, приятное с

приятным... Может и так...

– Раз в месяц... – задумчиво повторил я.

– А что? – кассирша заметно занервничала. – Вы всё же думаете, это он? Такой интеллигентный мужчина... И вежливый всегда, – повторила она.

– Может, он, а может, нет, – осторожно ответил я. – Проверить нужно. Интересно другое – кем он работает, если ездит в областной центр раз в месяц и именно в конце месяца? – глянул я на неё.

– Так понятно кем, – усмехнулась тётушка, клюнув на мою очередную подсказку.

– Да? – удивился я. – И кем же?

– Снабженец, скорее всего. У нас такие часто мотаются. Бумаги подписать, лимиты выбить, запчасти к тракторам, удобрения, доски, гвозди... Да что угодно! Без областной подписи районное предприятие ни чихнуть, ни пёрднуть...

– Хм... Интересно... Вам бы в милиции работать, – похвалил я заметно смутившуюся женщину...

Всё верно – кассирша размышляет здраво... Если бы тогда, в моём прошлом, в восьмидесятом, оперативники уделили чуточку больше времени этому делу, прошлись по вокзалу, опросили свидетелей и работников, а не повесили убийство на первого попавшегося алкаша, они вполне могли узнать то же, что узнал сейчас я. Да, не так быстро, но всё же...

Ничего сложного здесь не было. Убийца приезжает в го-

род по работе в конце каждого месяца, на последней электричке – это примерно между десятью и одиннадцатью вечера. Утром бежит по делам, а в обед или вечером следующего дня едет обратно к себе в область.

Он вежливый, неприметный, всем нравится, конфетки раздаёт. Гостиницы в СССР в это время – дефицит, значит, он ночует либо у знакомых, либо в какой-нибудь служебной общаге.

Иногда он провожает девушку с поезда и делает своё дело. Занимается этим очень давно, раз умудрился набить руку, без подсказок знает здешние леса, не попадаетея и практически не оставляет улики... Не год и не два. Гораздо дольше, чем об этом будет указано в его деле... Дерьмо!

– Спасибо, – поблагодарил я работницу кассы. – Мне нужно ваше имя, фамилия, адрес и телефон, если мне понадобится ещё какая-то информация...

– Да, конечно... – пытаюсь помочь, с готовностью закивала женщина, поёрзав на стуле...

Через двадцать минут я уже возвращался к лесополосе с исписанными страницами блокнота и ощущением, что сейчас либо наконец сдвину это дело с мёртвой точки, либо меня отправят прочёсывать кусты до самой пенсии...

Место преступления к этому времени уже выглядело иначе – тело увезли, вещи упаковали, понятых отпустили, а между деревьями остались только вытоптанная земля, провисшая бечёвка оцепления, пара постовых и злые, усталые

оперативники.

Следователь сидел на переднем сиденье «бобика» со своей верной папкой-планшетом на коленях, дописывая протокол, а усатый опер курил рядом, поставив ногу на колесо УАЗика и хмуро глядя в сторону деревьев, будто надеялся, что убийца сам выйдет из кустов и извинится за доставленные неудобства...

– Разрешите? – подойдя к сотрудникам и достав из кармана блокнот, произнёс я.

– Что опять, Соколов? – поморщился следователь, оторвав взгляд от планшета. – Кольцо нашёл?

– Нет, – покачал я головой. – Я с сотрудницей железнодорожной кассы говорил. Она видела подозрительного мужика...

– Ты был на вокзале? – удивился следователь. – Зачем? Кто тебя туда посылал?

– погоди, Саныч... – одёрнул коллегу оперативник, кинув на землю окурок папиросы и затушив его носком ботинка. – Подозрительного чем?

– Регулярно бывает на вокзале. Стабильно раз в месяц, в конце месяца, – принялся перечислять я, раскрыв блокнот и зачитывая с него отрывки. – Двадцать девятого, тридцатого, иногда тридцать первого. Приезжает последней электричкой. Вежливый, неприметный, лет сорока, интеллигентного вида. Часто разговаривает с женщинами, легко заводит знакомства. Берёт билеты в одно направление...

– Это всё хорошо, но ты только что описал самого обычного работягу, Соколов, – поморщился оперативник. – Подозрителен он чем?

– Я разговаривал с путейцами. Один из них двадцать девятого видел мужчину, соответствующего описанию, и девушку... Они шли с последней электрички и направлялись в сторону лесополосы. Вот только работница кассы говорит, что её мужчина всегда один билет покупает, а значит, и ездит он один.

– Чёрт! – опер переглянулся со следователем. – Пока это всё звучит не очень складно, но проверить точно стоит. Что по мужику? Есть подробное описание?

– Есть. Имени нет, но есть пункт назначения – Отрадинский. Но свидетельницу лучше в отдел пригласить и нормально опросить. Портрет составить, если получится.

– Пригласим. Опросим, – сухо кивнул оперативник, буравя меня внимательным взглядом. – Ты их данные взял?

– Только работницы кассы, – виновато пожал я плечами, продемонстрировав блокнот.

– А путейца?

– Не догадался...

– Чёрт! Ладно... Если будет нужно, найдём его потом...

– В конце каждого месяца, говоришь? – нарушил молчание молодой следователь.

– Ага, – подтвердил я.

– И в прошлом месяце он тоже был?

– Был.

Следователь и опер снова многозначительно переглянулись.

– Вот чёрт... – тихо выругался следователь. – В прошлом месяце, тридцатого здесь неподалёку тоже девушку нашли.

– Дай гляну твои записи, – оперативник протянул руку в мою сторону.

– Только верните, – попросил я, мысленно прощаясь с блокнотом.

– Если это правда, Соколов, – задумчиво пробормотал он, пробежавшись глазами по нескольким исписанным ровным почерком страницам, – и мы поймаем этого гада... С меня магарыч!

– Да какой магарыч... – отмахнулся я. – Главное, чтобы этого ирода взяли...

– За это можешь не переживать. Возьмём. Обязательно возьмём... – пообещал оперативник. – Могу я твой блокнотик пока себе оставить?

– Да, конечно, – кивнул я.

– И это, Соколов... – слегка помялся опер.

– Да?

– Хорошая работа.

– Спасибо!

– Всё, ты можешь идти, – отпустил он меня. – Твоему звёрю наверняка нужен отдых...

– Это точно, – согласился я, потрепав молчаливо сидев-

шего у моей левой ноги зверя.

– Так, парни! – обернулся опер к стоящей в десятке метров от нас группе патрульных и направился в их сторону. – У нас зацепка. Значит, действуем так...

Я проводил взглядом спины оперативника и следователя, ощущая, что сделал сегодня всё, что мог и даже чуточку больше, мысленно поморщился от парочки спорных моментов, в которых я прошёлся по самому краю, и устало вздохнул. Теперь главное, чтобы оперативники грамотно сработали...

– Ты и правда всё это у работницы кассы узнал? – удивлённо произнесла возникшая рядом со мной Валентина, с оценивающим любопытством посмотрев на меня снизу вверх.

– Угу, – буркнул я.

– Молодец! – восхищённо покачала девушка головой.

– Спасибо...

– Точно не хочешь вечером погулять? – лукаво улыбнулась она. – Обещаю не приставать.

– Я только вчера женился, – усмехнулся я. – Мне жена пока ещё не разрешает с симпатичными девушками гулять.

– А-а-а! Поняла, – не сдержалась и ещё сильнее улыбнулась девушка. – Тогда я попытаю счастья через месяц, может твоя жена пойдёт к этому времени.

– Договорились, – улыбнулся я в ответ и кивнул в сторону жёлтой «копейки». – Ладно, поеду я...

– Хорошо. Ещё увидимся, – пообещала девушка, накло-

нилась к моему псу и погладила его за ушами. – И с тобой ещё увидимся, герой! Я слышала, ты сегодня себя показал.

– Угу, есть такое, – согласился я.

– До встречи, младший лейтенант Соколов.

– До встречи, сержант Валя.

Я развернулся и двинулся к машине. На ходу глянул на свои наручные часы, на автомате отметил семь часов вечера и слегка удивился. Да уж. Уже вечер... А я за весь день даже не перекусил и не выпил ни глотка воды. Да и не я один...

– Прости, дружище, – пробормотал я, потрепав пса за загривок и распахнув перед ним заднюю дверь «копейки». – Я совсем про тебя забыл... Вот такой у тебя непутёвый новый хозяин. Отец, наверняка, был получше... Потерпи немного, скоро уже будем дома...

Туман послушно запрыгнул на заднее сиденье, свернулся калачиком и устало прикрыл глаза. Я обошёл автомобиль, уселся за руль, завёл двигатель и медленно вырулил от лесополосы в сторону асфальтированной дороги...

В отдел УВД я приехал в начале восьмого. Припарковал служебный автомобиль на прежнее место, заглушил двигатель и повернулся к сопевшему на заднем сиденье четвероногому напарнику.

– Хорошо поработали сегодня, Бродяга, – похвалил я пса, дотянулся до его головы рукой и ласково потрепал за ухом. – Давай, вылезай. Прогуляемся теперь лапками до дома...

Туман приподнял свою тяжёлую голову, недовольно при-

щурился и пренебрежительно отвернул морду к окну, даже не подумав сдвинуться с места.

– Ну прости, машина казённая. Её сдать нужно... – виновато произнёс я, выбрался из автомобиля и распахнул заднюю дверь.

Пёс тяжело вздохнул, спрыгнул на землю, пристроился у моей левой ноги и двинулся вместе со мной в сторону здания.

Мы зашли внутрь, я подошёл к стойке дежурного и выложил перед Калининым звякнувшую связку ключей. лейтенант задумчиво глянул на меня, приподнялся со своего стула, опёрся о стойку ладонями, посмотрел на сидящего у моих ног пса и опустил обратно на стул.

– Уже вернулись? – хмыкнул он. – Машина целая?

– Целая. Почти ни одной царапины.

– Что значит почти? – нахмурился Калинин.

– Это значит – если не присматриваться, то их как бы и нет совсем.

– Соколов! – угрожающе протянул он.

– Шучу, – усмехнулся я. – Всё нормально с машиной. Спасибо за транспорт.

– Не за что, – буркнул дежурный, взял ключи, покрутил на пальце и снова покосился на пса. – А добираться до своей общаги ты как собираешься на ночь глядя, Соколов? Да ещё в компании такого медведя?

– Да доберёмся как-нибудь, – я неопределённо пожал пле-

чами. – Дежурный автобус подождём, или ножками дотопаем. Нам не привыкать.

Калинин вздохнул и решительно пододвинул связку ключей обратно в мою сторону.

– Ладно, забирай. Поговорю завтра с Петром Петровичем, пускай официально за тобой машину закрепит. Всё равно она на стоянке без дела стоит, только ржавеет зря, а так хоть пользу приносить будет. Тем более, раз ты теперь у нас вроде как внештатный кинолог...

– Я – кинолог? – удивился я.

– А то! Это же не я схрон с вещами жертвы в лесу нашёл. Ты вообще знаешь такую поговорку – инициатива наказуема?

– Ну знаю.

– Ну вот. Товарищ майор распорядился поставить твоего кобеля на учёт как служебно-розыскную собаку при отделе, а тебя временно назначить его проводником.

– Почему временно? – не понял я.

– Потому! Будет зависеть от того, как вы себя покажете.

– Это значит, мне какая-то доплата полагается к основному окладу? – обрадовался я.

– Это значит, шиш с маслом тебе полагается, а не доплата. Нагрузки и ответственности больше – а зарплата та же. Я же говорю – инициатива наказуема!

– Да уж... – покачал я головой, забирая со стойки ключи от служебного автомобиля, пока Калинин не передумал. –

До завтра, товарищ лейтенант...

– До послезавтра, Соколов, – усмехнулся дежурный. – Завтра у меня законный выходной...

Я махнул рукой на прощание, развернулся и через несколько секунд был уже на улице. Подкинул в ладони ключи от «копейки», подмигнул поглядывающему на меня Туману и двинулся в сторону автомобиля...

Распахнул заднюю дверь перед своим четвероногим напарником и кивком головы указал ему внутрь салона, понаблюдав за тем, как пёс радостно запрыгнул на заднее сиденье и устроился там поудобнее.

– Лентяй, – осуждающе покачал я головой, садясь за руль. – Хотя ладно. Сегодня ты явно заслужил поездку с комфортом...

Казённая «копейка» заурчала двигателем, и я плавно тронулся с места, выруливая с милицейской парковки на опустевшую улицу.

По пути домой я вспомнил, что кое-кому пообещал купить жирную косточку, а обещания, как известно, нужно выполнять, иначе карма, партия и одна восточно-европейская овчарка могут просто не понять, и принялся всматриваться в витрины магазинов, которые ещё могли работать в это время...

Минут через десять я притормозил у тротуара напротив небольшого продуктового, вышел из машины, взял с собой пса и двинулся в магазин по крутым ступеням.

Зашёл внутрь, обратил внимание на скудный советский ассортимент, пару агит-плакатов на стене и нерациональное использование свободного пространства, вспомнил, что я так-то в восьмидесятом, смирился и двинулся к прилавку.

Пробежался взглядом по холодильной витрине, заметил несколько унылых кусков мяса, горку обветрившегося ливера и пустое место там, где, судя по табличке, утром должны были лежать куры, и тяжело вздохнул.

– Кости для собаки есть? – поинтересовался я у стоящей за прилавком со скучающим видом продавщицы в белом халате и накрахмаленном колпаке.

– Отдельно – нет. Кости только вместе с мясом продаём. А суповые наборы с утра разобрали. Поздно ходите, товарищ милиционер.

Откуда она узнала, что я милиционер? А! Наверное, видела, как я из машины выходил...

– Да как только с работы освободились, так и пришли... – пожал я плечами.

– Может ливер возьмёте? Очень хороший, свежий...

– Мой пёс не любит ливер...

Зачем я соврал? Может, он как раз и любит. А зачем она спросила? Зубы заговаривает! Подозрительно... Пытается впарить мне несвежий продукт? На нём же даже стикеров со сроком годности нет. Э, не! Нас не проведёшь! Да, дружище?

Да уж, похоже, я своё обещание не сдержу...

– Вам для собаки кости? – раздался из-за спины продав-

щицы, со стороны подсобки, приятный женский голос, и я поднял взгляд, с интересом посмотрев на строгую женщину лет тридцати пяти, в простом тёмном льняном платье.

– Угу. Для него, – кивнул я на сидящего слева от меня Тумана. – Целый день на ногах, вернее, на лапах по лесу преступников ловили.

– У вокзала? – нахмурилась женщина. – Там, где девушку нашли?

– Ага... – вздохнул я.

– Убийцу уже поймали?

– Работаем над этим. Нашли свидетелей, которые видели его. Дело осталось за малым...

– Галь, принеси парню то, что у тебя в холодильнике припрятано, – властным тоном распорядилась женщина.

– Ну Марь Иванна... Так я же... – обиженно проблеяла продавщица, наткнулась на суровый взгляд начальницы, запнулась и через секунду исчезла в подсобке.

– Погладить можно? – Выйдя из-за прилавка и улыбнувшись уголками губ, робко произнесла суровая заведующая магазином.

– Можно, – разрешил я.

Она присела на корточки, осторожно положила ладонь Туману на голову, погладила его между ушей, широко улыбнулась и тихонько пробормотала:

– Хороший какой... Красивый...

Туман осторожно глянул на меня, получил утвердитель-

ный кивок и заметно расслабился, позволив женщине почесать его за ушком и под шейкой, не выдержав и прикрыв на секунду глаза от удовольствия.

– Вот! – показалась из подсобки продавщица, небрежно кинув на весы небольшой свёрток, завёрнутый в крафтовую бумагу, как сказали бы в моём времени.

– Сколько с меня? – поинтересовался я, надеясь, что уложусь в три рубля, обнаруженные в кармане ещё на вокзале, потому что других свободных средств у младшего лейтенанта Соколова, как выяснилось, не водилось.

– Да забирай так! – отмахнулась заведующая магазином.
– Псу за службу.

– Не положено же, – вяло засопровтивлялся я.

– Молодой человек! – строго произнесла она, поднимаясь на ноги, взяла свёрток с весов и силком сунула мне в руки.
– В моём магазине я решаю, что положено, а что нет!

– Понял. Спасибо!

Я поблагодарил заведующую, вышел из магазина на улицу, спустился по ступеням и остановился напротив торгующей цветами старушки.

– Почём букетик? – кивнул я на сиротливо стоящий в ведёрке букет роз.

– Пять рублей, милоч.

– Дорого, – поморщился я, всё ещё помня про бюджет в три рубля.

– Так это ж розы, – философски заметила старушка.

– Всё равно дорого...

– Ладно, за три отдам, – смилостивилась она, то ли по моему виду определив точное количество налички в моих карманах, то ли просто угадав. – Всё равно домой уже собираюсь...

– Идёт! – обрадовался я, обменял три рубля на букет роз и двинулся к машине.

Всё же у родителей вчера была свадьба – немного романтики в виде простенького букета им явно не помешает...

Я усадил Тумана на заднее сиденье, кинул цветы на переднее, завёл двигатель и поехал в сторону дома...

Через пять минут приткнул служебную «копейку» напротив нашей общаги, поднялся на второй этаж и постучал в дверь комнаты...

– Соколов! Ну где тебя носит?! – буквально через секунду возникнув на пороге в коротком летнем платице, подчёркивающим длину стройных женских ног, и удивлённо уставившись на букет цветов в моей руке, Марина помедлила всего миг и кинулась мне на шею, крепко обвив руками и пытаюсь найти мои губы своими.

«Чёрт! Чёрт, чёрт, чёрт! Этого я как-то не предусмотрел!» – заметалась паническая мысль в моей голове, пока я старательно воротил морду, пытаюсь увернуться от поцелуев Маринки.

Не получилось. Она зажала меня в угол, прижала к шифоньеру и впиалась в мои губы жарким, слюнявым поцелуем...

А мне в голову почему-то влез старый и несмешной анекдот:

«А вы тоже после свадьбы перестали целоваться по-французски?»

«С мужем?! Да что вы такое говорите! Как можно? Мы же родственники...»

Вот это прям про нас с Маринкой...

– Ладно. Идём ужинать. Голодные, небось, оба? – отлипнув от меня и забрав из моих рук свёрток с суповым набором и букет цветов, поинтересовалась девушка.

– Оба, – согласился я, прикрыл за собой дверь, переглянулся с осуждающе поглядывающим на меня Туманом и двинулся следом за Маринкой вглубь нашей маленькой, но уютной комнатки...

ГЛАВА 5 – «ДОБРОЕ УТРО, СОКОЛОВ!»

– Соколов! – Марина остановилась на полпути, обернулась ко мне, нахмурилась и упёрла руки в бока. – А чего это ты от меня нос воротишь, кстати?

– Я? Нос? – наигранно возмутился я.

– Ты! – подтвердила она. – Ты ко мне охладел, как только женился? Я, конечно, слышала, что такое бывает в семейной жизни, но лет через десять, а не на второй день после свадьбы!

– Да просто день был тяжёлый, – вздохнул я. – Сегодня нашли задушенную девушку...

– Вот блин... – искренне огорчилась Марина. – Опять?

– Угу.

– Где на этот раз?

– В посадке возле железнодорожного вокзала.

– Это какое уже убийство по счёту? – нахмурилась она.

– А о скольких ты знаешь? – осторожно поинтересовался я, мысленно прикидывая, насколько сильно отец посвящал мать в свою работу.

– Ты рассказывал о двух за последний год.

– Угу... Значит, это третье.

– И почему вы до сих пор не поймали эту сволочь? – воз-

мутилась девушка и покачала головой.

– Всё не так просто, Марин, – пожал я плечами. – Этот гад не оставляет улики, водит следователей по ложному следу и делает так, чтобы подозрения пали на кого-то другого. К тому же, практически нет свидетелей и реальных зацепок, – разоткровенничался я. – А оперативники даже не думают объединять все убийства в одно дело – у нас же в СССР нет ни маньяков, ни серийных убийц, как в той же загнивающей Америке.

– Ой! – закатила она глаза под лоб. – Снова ты эту шарманку завёл про неуловимого убийцу, который уходит от правосудия!

Снова? Значит, отец что-то подозревал, даже при том, что он не был следователем, а был обычным постовым? Интересный у меня был папашка...

– Ну... – неопределённо буркнул я, не найдя, что ещё сказать.

– Ладно, хватит мне эти ужасы рассказывать... А то я потом из дома буду бояться выйти. Переодевайся, а я пока на стол накрою.

– Я рассказываю? Ты же сама спросила! – возмутился я.

– Ну мало ли, что я спросила! Мог бы соврать – сказать, что на тебя начальник наорал или что тебя в звании понизили... Давай, давай! Переодевайся и за стол! – скомандовала Марина, ставя перед Туманом большую миску с кашей и варёными куриными головами. – Тем более тебе нужны силы

на эту ночь, – лукаво улыбнулась она мне.

– Силы? – насторожился я.

– Ага! У меня на тебя очень большие планы, Соколов. И в этот раз ты уж точно не отвертишься, – уверенно пообещала блондинка и, довольная произведённым эффектом, направилась к столу.

– А что у нас на ужин? – недовольно проворчал я, оттягивая время.

– А ты угадай! – усмехнулся голос девушки.

– Судя по запаху, жареная картошка?

– А вот и нет! Ещё одна попытка, – игриво хмыкнула Марина.

– Печёная картошка?

– Соколов! – укоризненно покачала головой блондинка. – Ну ты же будущий гроза сыска. Ну напрягись хоть немного! Подсказка – это не картошка, – заметив мой приоткрытый рот и мою готовность выдать очередную догадку, перебила она меня, и я задумчиво замер, так и не озвучив картошку в мундире.

– Окрошка? – ткнул я пальцем в небо.

– Хреношка! – радостно срифмовала Марина.

Я усмехнулся и покачал головой, поймав себя на том, что всё ещё не могу воспринимать её как свою мать. Мать я никогда не видел такой молодой, такой весёлой, задорной и острой на язык. Эта девушка говорила как мать, двигалась, некоторые ужимки были похожи, иногда она шутила так же,

даже смотрела временами почти тем самым взглядом, от которого в детстве хотелось признаться во всём, включая то, чего не делал...

Но я бы всё равно ни за что не сказал, что это она. Как будто это была её более молодая, более весёлая, более беззаботная, более раскованная и ещё не побитая жизнью версия. Младшая сестра, например...

Неужели гибель отца так сильно её изменила? Хотя, оно и понятно. Не успела выйти замуж за любимого человека, не успела с ним толком пожить, родила ему сына и... Дальше продолжать не нужно – и так всё понятно...

А вот что делать с брачной ночью, которую, судя по всему, собиралась сегодня устроить мне Марина, я пока даже думать боялся. Одно было ясно точно – нужно что-то делать, иначе она силком затащит меня в постель, припрёт к стенке и силой заставит исполнить супружеский долг.

И самое страшное, что тело Андрея Соколова, в отличие от меня, никаких морально-этических возражений по этому поводу, кажется, не имело, судя по вполне понятной реакции этого самого тела на ходящую по дому в откровенных платьях девушку...

Может, поговорить с ней начистоту и сказать всё как есть? Хотя...

Я на секунду представил себе этот наш честный разговор...

«Марин, можно тебя на серьёзный разговор?»

«Да, конечно, дорогой».

«Я твой сын».

«Угу. А я твоя дочь. Ты не перегрелся на майском солнышке, Соколов? Так надо было фуражку надевать».

«Я серьёзно, Марин...»

«Я тоже», – говорит она, прикладывает ладонь мне ко лбу и хмурится. – «Вроде не горячий».

«Марин, послушай...»

«Да я слушаю, слушаю...»

«Я очнулся на свадьбе, в теле отца. А потом...»

«Так, Соколов! Если это шутка, то не смешная. Если ты так пытаешься сказать мне, что не хочешь со мной спать и разлюбил, то лучше прямо скажи, не юли. Не будь размазней!»

«Марин... Послушай...»

«Нет, это ты послушай, Соколов!»

Дерьмо! Шансов, что она поверит в эту чушь, практически ноль. В какой-то степени это даже забавно – если я скажу, что меня похитили инопланетяне или что я умею заряжать воду и намагничивать предметы, даже в это она поверит охотнее. Но не в правду.

Она не прозреет, не ахнет, не бросится записывать мои пророчества в тетрадку и не скажет:

«Ах вот оно что, сынок, тогда, конечно, спи спокойно на коврике».

В лучшем случае – она испугается и решит, что у меня по-

сле свадьбы разыгралась белая горячка или острый психоз, в худшем – побежит к врачам, соседям, начальству и всем сразу, чтобы «Андрюшу спасли, он бредит».

А если он, вернее я, буду настаивать, меня вообще могут упечь в психушку, а на карьере отца в милиции можно будет поставить жирный крест. Хотя, если совсем честно, может, это и не самый плохой вариант – тогда моего папашку хотя бы точно не убьют. Ладно, оставим это как запасной план.

И что делать тогда? Может, сказать, что голова болит? Ну пару раз это сработает. А дальше?

Хм... А может просто поссориться с ней? Обидеть так, чтобы она в наказание лишила меня секса... Но аккуратно, не перебарщивая – мне не нужно, чтобы родители посрались и развелись ещё до моего рождения. Да и после моего рождения тоже, если честно... Хм... Значит, нужно поссориться с Мариной... Аккуратно... И какую причину найти? Мне и придаться, если честно, не к чему...

Может попробовать самый банальный, но оттого не менее надёжный вариант? Сказать, что еда невкусная. Женщины ох как не любят, когда критикуют их кулинарные способности! Особенно если эта женщина – молодая жена на второй день брака...

– Садись ужинать, Соколов, – окликнула меня Марина, расставляя тарелки на столе. – Что ты там застыл?

– Иду, иду... – проворчал я...

Я сел за стол, Марина сдёрнула кухонное полотенце с

небольшой керамической миски и торжественным тоном произнесла:

– Та-дам!

– Драники? – удивился я.

– Драники, – подтвердила Марина с довольной улыбкой на лице.

– Так они же из картошки, а ты говорила, что на ужин не картошка.

– А это и не картошка, Соколов! Это блюдо из картошки!

– Хм... Ну, с юридической стороны, ты, может, и права, – признал я.

– Не может, а права! Ешь давай, пока всё не остыло...

– Угу, – буркнул я, взял первый драник, макнул его в растопленное масло и отправил в рот. – М-м-м...

Сладкие картофельные драники, натёртые на самой мелкой тёрке, с румяными краями, посыпанные хрустящим на зубах сахаром, с топлёным сладким сливочным маслом... Именно такие, которые в детстве готовила мне моя мать, а не их жалкое подобие, натёртое на крупной тёрке, с солью, луком и хрустящей, подгорелой корочкой, которое готовил весь остальной мир...

В моём времени от такого блюда тысячи последователей правильного питания схватились бы за сердце, сотни фитнес-тренеров посидели бы прямо у стойки с протеином, а какой-нибудь диетолог наверняка написал бы гневный пост о вреде сахара, картошки и жира. Но в это время сладкие кар-

тофельные оладьи с литром масла в прикуску были в порядке вещей и наверняка считались очень полезной и здоровой едой...

Чёрт! И зачем я думаю о рецепте драников, когда мне нужно думать о том, как избежать первой брачной ночи? Вернее, по факту второй, но всё равно первой. Нужно начинать ссориться... Угу... Сейчас начну... Только ещё парочку драников съем, чтобы голодным не ложиться...

– Вкусно? – усмехнулась сидящая напротив меня Марина, наблюдая за тем, как я один за другим уничтожаю горячие картофельные оладушки.

– Угу, – на автомате буркнул я, закинул последний драник в рот, откинулся на спинку стула и потянулся рукой к кружке с горячим чаем.

Да уж... Марина, сидящая напротив и с умилением поглядывающая на меня, Туман, лежащий под столом и громко похрустывающий куриной лапкой из супового набора, и я сытый и накормленный. Семейная идиллия...

Чёрт! Я же хотел придрататься к её готовке...

– Хотя... – задумчиво протянул я, заставив себя нахмуриться. – Если честно – не очень. Только не обижайся! В следующий раз сахара поменьше клади, а то у меня одно место слипнется от сладкого. Да и жарить лучше не помешает...

– Ну да, конечно! – хмыкнула Марина, глянув в опустевшую миску и не поверив ни единому моему слову. – Не очень

ему! А кто тут так наворачивал, что аж за ушами трещало?

Чёрт! Не прокатило... Ладно, переходим к плану «Б».

– Слушай, Марин... – прищурился я, внимательно разглядывая девушку. – Я тут с соседом столкнулся...

– С каким?

– С этим... – неопределённо ткнул я пальцем в сторону коридора. – Который на тебя вечно поглядывает и слюни пускает...

– С Колькой? – подсказала мне Марина.

– Да, с Колькой... – подтвердил я, хотя в помине не встречал никакого Кольку.

– Или с Игорем? – задумчиво наморщила она лоб. – Или с Веней с третьего этажа? Или с Гришей с соседнего подъезда?

– С Колькой, – нахмурился я, прикинув, сколько, оказывается, мужиков заглядываются на мою мать. Хотя, оно и понятно – Маринка была красавицей...

– А! – закинув ногу на ногу и откинувшись на спинку жалобно скрипнувшего стула, произнесла она. – Ну и?

– Он говорил, вы там о чём-то мило так беседовали...

– Мы? – невинно похлопала Маринка своими пушистыми ресницами. – О чём?

– Да я откуда знаю! Факт в другом – мило! Ты на него что, глаз положила?

– Я? Ну а если да? То что? – хитро усмехнулась Марина. – Николай у нас работает заместителем директора таксопарка. Большим человеком будет, между прочим! Вот если ты

перестанешь мне внимание уделять, я сразу к нему от тебя и уйду. Мне же нужен план «Б» на всякий пожарный.

– Ты мне тут не это! – я грозно пристукнул кулаком по столу, стараясь изобразить ревнивого молодого мужа, которому вот прямо сейчас наступили на самое болезненное место мужской гордости.

– Пха-ха-ха! – Марина не выдержала и прыснула от смеха, склонилась над столом, потрепала меня за щёку и быстро чмокнула в губы. – Ты такой смешной и милый, Соколов, когда сердишься. Ну ты хоть головкой своей подумай – зачем мне какой-то Колька, Стёпка или Венька, когда у меня есть ты?

Чёрт. И на почве ревности поссориться не вышло...

– И всё равно держись от соседей-мужчин подальше, – буркнул я.

– Как скажешь, дорогой, – ехидно усмехнулась Марина. – С завтрашнего дня буду обходить всех мужчин дальней дорогой. Даже дворника дядю Петю. Особенно дядю Петю – он очень опасный! Идём спать?

– Ты иди ложись, – вздохнул я. – А я сейчас... Только в душ схожу.

– Только недолго! – Марина подскочила со своего места, снова чмокнула меня в губы, развернулась и через секунду исчезла в направлении кровати. Быстро переоделась, забралась под одеяло (хорошо, хоть не голышом, а в простенькой ночнушке), дёрнула за верёвочку небольшого ночника над

головой, достала из-под подушки потрепанный томик Агаты Кристи в мягком переплёте и принялась за чтение.

И вот что мне делать со всем этим? Чёрт! Ещё и кровать у нас маленькая, как назло. Как на ней вообще два человека помещаются? Друг на друге? Да уж...

* * *

*«Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...»*

Я усмехнулся, закинул руки за голову и уставился в потолок...

Да уж... А что-то всё же было в этой жизни. Четырнадцать квадратных метров счастья, железная кровать-полуполторка, стол у окна, два стула, полка с книгами, шифоньер, вырезка из «Огонька» на стене, отрывной календарь и пара спортивных вымпелов, за которые Андрей Соколов, судя по всему, когда-то честно потел, подтягивался и получал грамоты.

Никакого тебе интернета, роутера, бесконечных уведомлений в смартфоне, кофемашины и микроволновки на кухне. Да и самой этой кухни у нас нет. Кухня была дальше по коридору – большая общая комната с несколькими плитами, запахом чужого супа, жареного лука и докторской колбасы.

Зато у нас есть вид на крону каштана за окном, старенький радиоприёмник, радиорозетка и сосед за стеной, который слушает с утра пораньше Высоцкого на полную катушку...

«А что-то кони мне попались, пр-р-р-ривередливые...» – горланило из-за стены.

Чёрт! А ведь Высоцкий умрёт через два месяца. Да уж...
– Ну и? – донёсся до меня голосок Марины, хлопчущей у окна с утюгом и наводящей стрелки на моих брюках через

влажную ткань.

– Что «ну и»? – переспросил я, приподнял голову, обратил внимание на стройную фигурку блондинки, просвечивающую сквозь тонкую ночнушку на фоне светлого окна, и торопливо отвёл взгляд в сторону.

– Долго ты ещё валяться будешь? Иди лучше с собакой погуляй.

– Как скажешь, мамуль, – проворчал я, под скрип кровати сетки поднимаясь с постели.

– Ой как смешно, Соколов! – фыркнула Марина, ни на секунду не оторвавшись от своего занятия и не глянув на меня. – У меня, кстати, к тебе серьёзный разговор есть.

– Да? – замер я.

– Да!

– И какой же?

– За завтраком поговорим. Иди уже.

– Ладно... – задумчиво протянул я.

Кажется, я догадываюсь, какой разговор нам предстоит...

– Пошли погуляем, дружище? – обречённо вздохнул я.

Туман услышал заветное слово «погуляем», дёрнул ухом, радостно подпрыгнул, сорвался с места и через секунду рванул ко мне, едва не сбив меня с ног. Вот кабан!

Я с трудом отбился от прыгающего вокруг меня пса, натянул треники с вытянутыми коленками, надел тельняшку, непонятно откуда взявшуюся у отца, сунул ноги в растоптанные тапочки и двинулся на улицу. Туман деловито проска-

кал по коридору, словно слон, напугал какую-то сонную тётку с эмалированным тазиком, вылетел во двор и скрылся за гаражами, под звуки кошачьей паники и яростного мяуканья перепуганных дворовых котов.

Я немного постоял под козырьком у подъезда, заметил высокий турник сразу за детской горкой и песочницей, довольно крикнул и неторопливой походкой двинулся к простенькой спортплощадке. Ну-ка, сейчас мы узнаем, на что был способен мой родитель в свои двадцать пять лет...

– Доброе утро, Андрюш!

– Доброе, баб Маш, – поприветствовал я сидящую на лавочке с алюминиевым бидоном пожилую женщину.

– Да какая я тебе Маша? – недовольно проворчала она мне в спину. – Вот до чего водка людей доводит! Уже и имена забывают...

Я усмехнулся, наискосок преодолел разделяющее нас с турничком расстояние, потёр ладошки друг о друга, примерился, подпрыгнул и уцепился пальцами за слегка прогнутую по центру перекладину.

«И-и-и, р-р-раз...»

Три подхода по двадцать подтягиваний, десятков подъёмов-переворотов, полсотни отжиманий и... и я, к собственному удивлению, почти не запыхался. Дыхание чуток сбилось, мышцы налились приятной тяжестью, но тело работало легко и чётко, как часы. Отец явно не пренебрегал физическими нагрузками.

Да уж... Вот что значит советская физическая подготовка и гимнастика по утрам. И правда говорят – из таких людей можно было делать гвозди...

Минут через десять прибежал Туман, ткнулся мокрым носом мне в ладонь, получил положенную порцию потрёпываний по голове, и мы вместе с ним двинулись обратно домой...

Я поднялся в комнату, сдал пса с рук на руки хозяйке, взял с полки полотенце, мыло, мочалку, зубную щётку и пошёл в душевую. Спустился на первый этаж, прошёл в самый конец длинного коридора, уловил знакомый запах влаги, мокрого кафеля и дешёвого хозяйственного мыла, заглянул внутрь и на всякий случай окликнул:

– Эй! Есть кто? Я захожу.

Знать бы ещё, как у них тут вообще поделено время. Вроде и расписание на двери висит, но то ли оно касалось генеральной помывки, то ли каких-то семейных дней, в которые жильцы должны были строем проходить очищение от трудовой недели. Да и наша комната там значилась всего раз в неделю... И что это значило? В остальные дни как? Кто успел, тот и помылся? Или, может, есть какая-то система по чётным и нечётным часам? В чётные часы – мальчики, в нечётные – девочки? Непонятно...

Ладно, разберёмся методом тыка рано или поздно...

Ответа на мой оклик не последовало, да и шума воды слышно не было, и я с чистой совестью вошёл внутрь. Ски-

нул вещи на лавку, взял мочалку и мыло и двинулся внутрь душевой.

Занял дальнюю кабинку, включил воду, дождался, пока пойдёт тёпленькая, встал под тяжёлые струи воды, успел тщательно намылиться с ног до головы и неожиданно для себя услышал совсем рядом чьи-то босые шаги по мокрому кафелю...

– О! Соколов... Ого! – восторженно усмехнулся женский голос с лёгкой роковой хрипотцой. – Ну и ну, Соколов! Не поскупилась природа-матушка для тебя... Я даже слегка завидую Маринке.

– Ты это о чём? – торопливо смыв с лица мыльную пену, глянул я одним глазом на стоящую напротив моей кабинки в костюме Евы девушку.

– Да так, о своём, о женском, – хмыкнула она. – Не возражаешь, если я помоюсь?

– Да нет... – пожал я плечами. – У нас так-то страна свободная.

– Маринка ревновать не будет?

– Если не узнает, то не будет, – усмехнулся я.

– О! – девушка довольно улыбнулась. – А ты мне начинаешь нравиться, Соколов...

Она заняла кабинку напротив моей, включила вентиль, пискнула, испугавшись прыснувшей с потолка холодной воды, дождалась тёплой и принялась мылиться, ничуть не смущаясь своей наготы и время от времени постреливая в мою

сторону глазками...

– Соколов... – окликнула она меня через минуту.

– Да?

– Спинку мне не потрёшь?

– Не-а... – помотал я головой.

– Фи! Противный! – фыркнула она. – Ты когда придёшь розетку чинить?

– Скоро.

– Ясно... – разочарованно вздохнула моя соседка. – Все вы мужики одинаковые. Только обещаете...

– Да правда починю, не переживай.

– Точно?

– Точно! – пообещал я и на мгновение задумался.

Как бы мне на всякий случай, деликатно узнать её имя и при этом не выглядеть полным идиотом? Мало ли, вдруг понадобится, да и общаться если что легче...

– А как тебя по отчеству, кстати? – осторожно поинтересовался я.

– Отчеству? – нахмурилась девушка, внимательно оглядев меня с головы до ног. – А чего это ты вздумал меня по отчеству называть, Соколов?

– Да не вздумал, просто интересно...

– Хм... Интересно ему... – усмехнулась она. – Андреевна я. Галина Андреевна Русакова.

– Ясно.

– Ещё будут вопросы, товарищ лейтенант?

– Младший лейтенант, – машинально поправил я. – Больше не будет, гражданочка.

– Жаль... – фыркнула Галина Андреевна, повернулась ко мне спиной, наклонилась и принялась тщательно намыливать свои щиколотки и икры...

Я торопливо смыл с себя мыльную пену, стараясь не сильно пялиться на голую пятую точку соседки, очень симпатичную пятую точку, между прочим, выключил воду и двинулся в раздевалку. Обтёрся полотенцем, влез в одежду, почистил зубы у умывальника и пошёл к себе, на предстоящий серьёзный разговор с женой... Тыфу ты чёрт! С матерью, Соколов! С матерью...

ГЛАВА 6 – «РАБОЧИЕ БУДНИ ОБЫЧНОГО СОВЕТСКОГО МИЛИЦИОНЕРА»

Я вернулся в нашу квартирку, осторожно пробрался к столу, сел на стул и уставился в окно. Марина кинула в мою сторону подозрительный взгляд, насыпала полную собачью миску каши, приятно пахнущей на всю комнату мясом и пшеницей, поставила на пол и погладила пса по голове.

– Можно, – коротко произнесла она, и Туман ринулся к миске, начав хлебать из неё быстрыми, жадными глотками, словно его в этом доме кормили только по праздникам. Хотя я лично был свидетелем того, как буквально вчера перед сном он рубанул точно такую же миску каши, а затем закусил половиной супового набора из магазина. И куда в него только это всё влезало? Непонятно...

А через минуту и передо мной поставили тарелку с яичницей и жареной колбасой, я взял вилку и принялся неторопливо жевать, всем своим видом изображая увлечённость процессом потребления пищи...

– Соколов! – не предвещавшим ничего хорошего тоном произнесла Марина, уселась за стол напротив меня и принялась сверлить мою тушку пронизательным взглядом.

Ага... А вот и тот самый серьёзный разговор подоспел. И будет он, конечно же, о нашей супружеской половой жизни, которой у нас, к слову, нет...

– Ты где пропадал всю ночь? – подозрительно прищурилась блондинка.

– Я? – самым невинным тоном переспросил я. – Нигде я не пропадал.

– Ты думаешь, я дура? Я же видела, как ты прокрался в постель лишь под утро!

– Я был в туалете, – честно признался я.

Нет, не только в туалете, конечно. Часть ночи я провёл на лавочке у подъезда, часть на детских качелях... Жопа от них до сих пор побаливала.

– В туалете? – Марина недоверчиво нахмурилась. – За чем?

– А зачем туда ходят? – вопросом на вопрос ответил я, отправив в рот очередной кусок жареной колбасы. – Живот что-то прихватило. Может, съел что-то не то... Может, draniki твои слишком жирные были.

– Жирные? – с угрозой в голосе переспросила она. – Соколов, ты мне сам рассказывал, как в армии на спор стакан подсолнечного масла выпил. А тут от двух dranikov полночи в туалете провёл?

– Ну то когда было-то... В молодости, – пробормотал я, ковыряя вилкой яичницу. – Сейчас мой организм уже не тот. Старею-с помаленьку...

– В следующий раз сам себе готовить будешь, раз такой умный, – фыркнула Марина. – Или вообще голодный ляжешь. Понял?

– Да понял я, понял...

– Драники ему мои слишком жирные... – проворчала она.
– Ты посмотри на него!

Да уж... Прятаться в туалете общаги от жены, в первую, вернее вторую брачную ночь – не самая гениальная идея. Но ничего лучше на скорую руку я просто не придумал.

– И яичница, кстати, пересоленная... – буркнул я, забывая последний гвоздь в гроб нашей мирной супружеской жизни.

Как говорится – куй железо, пока горячо. А сейчас у меня появился очень хороший шанс поссориться и обеспечить себе несколько дней отгулов в исполнении супружеского долга...

– А с каких это пор ты стал таким разборчивым к еде, Соколов? Тебя что, подкармливают где-то? Смотри, узнаю – я и твоей кормилице все патлы повыдираю, и тебе! – с угрозой в голосе пообещала Марина. – Тебе даже кое-что более ценное вырву – под самый корешок!

Да уж... Не вышло. Снова. То ли я ссориться не умел толком, то ли подсознательно боялся обидеть Марину, но на ссору это было похоже слабо, скорее на отчитывание провинившегося школьника...

– В общем, Соколов! – безапелляционным тоном заявила сидевшая напротив меня девушка. – Ещё одна подобная вы-

ходка, и можешь идти жить хоть к родителям, хоть к соседке! Понял меня?

– Да понял я, понял... Незачем так орать, – проворчал я, отправляя в рот последний кусочек колбасы.

– Я ещё даже не начинала орать, Соколов! Когда начну, ты первый об этом узнаешь! – пообещала она.

– Верю, – вздохнул я.

Туман оторвался от вылизанной до блеска миски, недоверчиво глянул в нашу сторону, склонив голову набок, и презрительно фыркнул, наверняка только что перераспределив иерархию в нашей маленькой стае, сместив меня с пьедестала вожака и водрузив на него Марину.

«Ой! Ты ещё тут подливаешь масло в огонь, предатель! И без тебя тошно...» – мысленно отмахнулся я от него.

Нужно что-то с этим делать. Вот только что? Одно ясно точно – вечно сбегать и прятаться от Марины в туалете или на детской площадке точно не выйдет. Но и спать с ней в одной постели тоже не вариант – мой организм не железный, я прекрасно чувствую, как он на неё реагирует... Упаси бог, проснусь ночью во время исполнения супружеского долга – и поминай как звали... Чёрт! Это и правда хреново... Может, бромчика в медкабинете попросить? Или в аптеке... Интересно, легко ли его купить?

Ладно, до вечера я точно что-нибудь придумаю...

– Марин... – я задумчиво поскрёб затылок, пытаюсь слезть со скользкой для меня темы. – А ты не знаешь, где

документы на Бродягу?

– Бродягу? – удивилась она.

– На Тумана.

– Какие тебе нужны документы, Соколов?

– Ну не знаю... Что там у нас есть вообще? Какой-нибудь сертификат, паспорт прививок, грамоты...

– Паспорт прививок? – усмехнулась Марина. – Соколов, он тебе что, грудной ребёнок?

– А что, разве собакам прививки не делают? – удивился я.

– Тебе виднее, – пожала плечиками блондинка. – Ты же у нас собачник. Ты всё своё добро в шифоньере в коробке хранишь, – кивнула она в противоположную сторону комнаты. – Забыл, что ли?

– Да не забыл. Думал, может, ты куда-то перепрятала... Как всегда, – добавил я, припомнив грешки матери из своей прошлой жизни.

– И ничего я не перепрытываю! – возмущённо фыркнула Марина. – Такое было всего пару раз... Подумаешь, не туда твои плоскогубцы положила и разок соседу дала! Ты мне всю жизнь это припоминать будешь?

– Соседу разок дала? – удивился я.

– Дурак ты, Соколов! – возмутилась Марина и заметно покраснела. – Плоскогубцы твои Веньке давала.

– Ладно, – легко простил я её. – Но больше не давай!

– Дурак ты, Соколов, и шуточки у тебя дурацкие! – фыркнула Маринка. – Ты чай допивать будешь?

– Не, – покачал я головой.

– Ну и ладно, – пожала она плечами, забирая у меня кружку. – Тогда я допью – не переводить же продукты...

– Спасибо за завтрак, Марин. Было вкусно, – признал я, поднимаясь из-за стола и краем глаза заметив, как довольно просияла девушка.

Я подошёл к громоздкому деревянному шифоньеру у стены, присел на корточки, вытащил из него плотную картонную коробку, заглянул внутрь, достал лежащий сверху большой лист желтоватой бумаги с жирной печатью Клуба служебного собаководства ДОСААФ и с интересом вчитался в содержимое...

«Свидетельство о происхождении №442».

«Отец: Грай.

Мать: Аза.

Дата рождения: 1 мая 1978 года.»

Хм, так нашему кабанчику, оказывается, позавчера исполнилось ровно два года. Совсем молодой ещё...

Я отложил в сторону «свидетельство о рождении» и достал небольшую серую книжечку – Членский билет ДОСААФ. На страницах книжечки красовались фамилия отца и данные собаки, отметки об уплате взносов и круглые штампы.

Следом шла маленькая невзрачная тетрадка в линейку – судя по всему, ветеринарная книжка, с одной-единственной фиолетовой печатью о прививке от бешенства. Похоже, Ма-

рина была права – никакого паспорта прививок в эту эпоху ещё не существовало.

Следом за ветеринарной книжкой я достал из коробки плотный картонный лист с гербом – диплом первой степени по курсу Защитно-караульной службы. Именно о нём меня спрашивал майор.

Хм... Я задумчиво повертел диплом в руках. Если не ошибаюсь, первая степень – это очень круто! То ли слышал от кого-то, то ли где-то читал, но первая степень – это не просто выполнение банальных команд вроде «сидеть», «рядом», «дай лапу» и «голос». Это жёсткий профессиональный курс советской школы: охрана вещи, задержание и конвоирование, поиск предметов по запаху и устойчивость к выстрелам и взрывам. Стандартный набор первоклассного служебного пса.

На самом дне коробки лежал целый ворох тяжёлых металлических медалей, спортивных вымпелов, лент, значков и даже парочка кубков. Да уж. И это всё за каких-то два года жизни? Теперь понятно, как Туман взял след в лесу и нашёл спрятанные убийцей вещи...

– Да ты у нас чемпион, Бродяга! – я ласково погладил за ушами отцовского кобеля, заинтересовавшегося моими находками и сунувшего мне под руку свою морду.

Похоже, мой папашка серьёзно занимался тобой, дружище.

Чёрт! И почему мне мать никогда не говорила, что у них

был пёс? Интересно, что с ним случилось, когда отца не стало? Марина отдала его в питомник или Туман погиб вместе с хозяином?

– Нашёл, что искал? – поинтересовалась с противоположного конца комнаты Марина.

– Ага... Товарищ майор спрашивал документы о прохождении курса ЗКС, – потряс я в воздухе корочкой. – А куда это ты собралась? – подозрительно глянул я в сторону блондинки, крутящейся возле небольшого зеркала у стены в своём новеньком симпатичном белом нижнем белье в горошек.

– А ты никак ревнуешь, Соколов? – кокетливо усмехнулась моя молодая матушка.

– Просто интересно... – буркнул я.

– Так суббота. У всех нормальных людей выходные. Это я вышла замуж за ненормального...

– Сама выбирала, – хмыкнул я.

– Это точно, – притворно вздохнула Марина. – Мы с Танькой и Наташкой договорились погулять по городу немного. Может, в кино сходим, или на чёртовом колесе прокатимся... Раз муж не катает, будут катать другие... – ещё тяжелее вздохнула она.

– Ты смотри там у меня! – ревниво проворчал я. – А то докатаешься...

– Ну, всё будет зависеть от тебя, Соколов, – философски произнесла Маринка, наклонившись поближе к зеркалу, смешно приоткрыв ротик и тщательно подкрашивая тушью

свои и так достаточно густые и длинные ресницы. – Если и дальше будешь придумывать глупые причины и не обращать внимания на свою красивую молодую жену, то... Всё может быть...

– Ясно. Тебя подбросить до центра?

– Подбросить? В смысле? – недоумённо глянула она на меня, оторвавшись от зеркала. – Тебе что, мотоцикл выдали?

– Бери выше! – усмехнулся я.

– Да иди ты! – не поверила мне Маринка и прямо так, в нижнем белье рванула к окну. Высунулась по пояс наружу, глянула по сторонам и через секунду обернулась ко мне, сияя, словно начищенная солдатская бляха. – Соколов! Это твоя милицейская машина у нашего подъезда стоит?

– А ты ещё знаешь кого-то, кто может к нам в общагу на милийском автомобиле приезжать? – вопросом на вопрос ответил я.

– Вот блин! А ты говоришь, что я плохого мужа выбрала! Два дня замужем – а у нас уже своя собственная машина!

– Машина не наша, – усмехнулся я. – Казённая. Как дали, так и отобрать могут.

– Ага! Пусть только попробуют! Я им такое устрою! – пообещала Маринка, прикрыв окно и неторопливой походкой вернувшись к прерванному занятию.

– Так как, подбросить?

– Да не... В следующий раз... Мы всё равно только через час встречаемся, мне не к спеху...

– Ну хорошо. В следующий раз – так в следующий раз...

Я закинул вещи и грамоты обратно в коробку, вернул её на место, поднялся на ноги и принялся переодеваться в уличную одежду. Пора на службу...

В отдел мы с моим четвероногим напарником приехали ровно к восьми. Я припарковал служебный автомобиль недалеко от входа, выпустил Тумана и прогулочным шагом направился внутрь здания.

За стойкой дежурного сидел незнакомый мне молоденький лейтенант, лет тридцати, с острым носом и копной светлых волос на голове, старательно заполняя лежащие перед ним документы ровным, каллиграфическим почерком.

– О, Соколов! Поздравляю! – заметив меня и оторвав взгляд от бумаг, искренне улыбнулся он.

– Спасибо, – кивнул я. – Но я уже два дня как женился.

– Да я не про свадьбу, – отмахнулся дежурный.

– Да? – удивился я. – А про что?

– Сегодня утром взяли твоего мужика.

– Моего? – нахмурился я.

– Ну, на которого твоя свидетельница, кассирша с вокзала, указала.

– Серьёзно? – я искренне удивился. – Так быстро?

– А ты думал! – с гордостью за коллег хмыкнул дежурный.

– Дело-то серьёзное, сам понимаешь. Наши всю ночь не спали, собирали улики и носом землю рыли. Ты думаешь, мы тут зря свой хлеб едим? – хмыкнул он. – Сейчас этот гав-

рик на допросе в кабинете следователя. Наши его быстро до-
жмут, не переживай...

– Это хорошо. А как звать-то его? – осторожно произнёс
я, стараясь не сильно выдать свой интерес.

– Некто гражданин Корнеев Виктор Аркадьевич, – за-
глянул дежурный в журнал. – Тысяча девятьсот тридцать
восьмого года рождения. Сорок два года, женат, двое детей.
Снабженец Отрадинского райпотребсоюза. Да уж... – пока-
чал головой лейтенант. – И как такие ещё и детей умудряют-
ся заводить? И самое главное, для чего? Для прикрытия?

– Угу, – подтвердил я, мысленно поздравив оперативни-
ков с тем, что в этот раз они взяли именно того, кого нужно,
не дав ублюдку довести число своих жертв до трёх десятков.
– А можно мне как-то поучаствовать в допросе? – соорил
я самую жалобную мордашу, на которую был способен. – Ну
или хотя бы рядом постоять?

– Тебе? – удивлённо глянул на меня дежурный. – Нет, ко-
нечно! Оставь это профессионалам, Соколов!

– А если лично у товарища майора попроситься? – попро-
бовал зайти я с другой стороны.

– Попросись, – хмыкнул дежурный. – Медведев с утра
злой, как чёрт. Не спал, курил, орал благим матом, потом
опять курил. Ты ему сейчас под руку попадись со своим
«можно рядом постоять» – он тебя рядом и поставит. Сразу
к стенке.

– Ясно, – тяжело вздохнул я.

– Соколов, ну ты головой-то подумай! – наверняка заметив разочарование на моём лице, продолжил лейтенант уже более спокойным тоном. – Ты у нас кто по должности? Младший лейтенант из патрульно-постовой. Твоё дело – улицы обходить. С подозреваемым такого уровня сейчас работают зубры из уголовного розыска и прокурорские. Если туда начнёт ломиться каждый постовой, который удачно поговорил с кассиршей, Медведев нас всех тут по стенке размажет. Да и пусть этим настоящие профи занимаются, не стоит им мешать...

– Да я всё понял, – пожал я плечами. – Не по Сеньке шапка.

– Ага, типа того, – усмехнулся дежурный. – Ладно, Соколов... Куда тебя сегодня отправить? – он потянул к себе журнал нарядов и задумчиво перекинул несколько страниц, водя пальцем по строкам. – Ты же у нас с собакой теперь?

– Ага.

– Хорошо. Это хорошо... Плохо, что не в форме. Ты вообще как на службу явился, Соколов? – вытаращился на меня лейтенант, словно увидел впервые. – В гражданском, с собакой, на машине... Курортник, мать твою!

– Да я как-то не подумал...

– Не подумал он... Как я тебя в патруль отправлю? Со всем распустились тут... – недовольно проворчал он. – Ладно, сегодня пойдёшь не в наряд, а как первый пробный выход со служебной собакой. Пройдёшься по центру, обойдёшь

площадь, кинотеатр, универмаг, сквер. Проверишь поведение служебной собаки в городской обстановке. К постовым подойдёшь, покажешь удостоверение и отметишься, чтобы знали, кто ты такой и почему с волкодавом гуляешь. Никакой самодеятельности. Если что серьёзное – сразу доклад в отдел. Понял?

– Понял, товарищ лейтенант.

– И документы на собаку мне принеси завтра. Родословную, дипломы... что там у тебя ещё есть? Хотя нет... Завтра Калинин дежурит, ему сдашь. Пусть он с этим разбирается.

– Есть, товарищ лейтенант...

– И завтра чтобы в форме был! – строго глянул он на меня.
– Я лично позвоню в дежурку и проверю, в чём Соколов на службу пришёл...

– Хорошо... – вздохнул я.

– Только смотри, чтобы твой волкодав никого без команды не сожрал.

– Постараемся, – усмехнулся я.

– Вот и хорошо, – кивнул дежурный, что-то записав в журнал и пододвинув его ко мне. – Здесь распишись и можешь идти...

Я поставил подпись в журнале, надеясь на то, что мой вариант будет хоть отдалённо похож на вариант отца, кивнул дежурному, легонько подтолкнул смиренно сидящего у моей левой ноги Тумана и двинулся к выходу.

В центр, так в центр – хоть на людей посмотрим. А допрос

Корнеева, как ни крути, пока придётся оставить тем, кому по должности положено...

* * *

До центральной площади мы добрались минут за пять. Я пристроил «копейку» в тени каштана, взял Тумана на поводок и неторопливым шагом двинулся вдоль аллеи. Возле памятника Ленину заметил парочку патрульных, подошёл к ним, доложил, предъявил документы и отметил, как и велел дежурный. Пару минут поболтал с парнями, с заметной завистью поглядывающими на моего пса, и двинулся дальше...

Мы прошли по площади, обогнули сквер, заглянули к универмагу и на всякий случай сделали с Туманом несколько кругов вокруг кинотеатра. Город после Первомайских праздников всё ещё выглядел ярко и нарядно – на клумбах торчали флажки, на фасадах висели красные полотнища, а толпы гуляющих людей бесцельно слонялись туда-сюда...

У лотка с мороженым я не выдержал, отстоял небольшую очередь и купил пломбир в вафельном стаканчике за тринадцать копеек. Честно поделился жопкой со своим четверногим напарником и двинулся дальше.

У главного входа в кинотеатр я ненадолго завис, изучая афиши с ассортиментом и расписанием фильмов, намалёванные от руки местным художником. На заграничный хит «Кинг-Конг», фильм про огромную гориллу, с обворожительной Джессикой Лэнг в главной роли, можно было по-

пасть за 50 копеек. Вот только очередь к кассам растянулась чуть ли не километр...

Маринку в красивом летнем платье в горошек, развевающимся на лёгком ветру, идущую мимо кинотеатра в компании двух подружек, я заметил сразу. Остановился в стороне, придержал жалобно пискнувшего пса, наверняка учуявшего хозяйку ещё раньше меня, и немного понаблюдал за девушками со стороны.

Выглядели они... забавно. Весело смеялись чему-то, что-то живо обсуждали... Такие молодые, наивные и беззаботные... И симпатичные... Хотя, Маринка явно была фавориткой в их троице.

Я проводил девушек взглядом и двинулся дальше. По пути, в киоске Союзпечати, купил ещё один блокнот, отошёл на лавочку в сквере, посадил Тумана рядом и терпеливо записал всё, что помнил по Орловской дюжине – даты, места, имена жертв, приметы, ошибки следствия и фамилии убийц. На тот случай, если меня вдруг выкинет из этого тела так же неожиданно, как и закинуло, чтобы отец мог разобрать мои записи и, дай бог, использовать их с умом...

Закончили мы наше дежурство ближе к вечеру. Ещё раз прошлись по площади, наблюдая за вечерним городом и веселящейся молодёжью, сели в автомобиль и поехали обратно в отдел...

Дежурный всё так же сидел на своём законном месте, пил чай и одним глазком почитывал журнал «Крокодил».

– Ну что, кинолог? Город цел? – поинтересовался он, увидев меня на пороге отдела.

– Цел, – подтвердил я. – Пёс граждан не ел.

– Уже хорошо, – усмехнулся лейтенант. – Так и запишем, – потянулся он к журналу. – Происшествий нет, собака действовала в рамках служебной задачи. Верно?

– Верно, – подтвердил я.

– Отлично! Ставь подпись и можешь быть свободным...

– Слушай... – протянул я, поставив закорючку напротив своей фамилии. – А как там дела с задержанным по убийству девушки продвигаются?

– Плохо дела, Соколов, – помрачнел дежурный, дёрнув щекой.

– Что, отпустили? – непроизвольно сжал я кулаки, ощутив, как напрягся рядом со мной Туман, наверняка почувствовав моё резко сменившееся настроение.

Если этого гада отпустили, значит, всё действительно плохо – улики нет, доказательств нет... Дерьмо!

– Нет, конечно. Сидит, гаврик... – поморщился лейтенант. – Плохо в другом смысле. Сначала он запирался, потом наши надавили, а они это умеют, ты же знаешь... Ну он и поплыл на деталях, и начал давать показания. Уже в пяти убийствах признался. Сволочь! Три из них по области, наши сейчас связались с районами, там все на ушах стоят. По двум делам, представляешь, уже даже приговоры вынесены и люди сидят!

– Угу, – подтвердил я.

– И ещё два у нас в Орле. Наши про них даже не знали. Завтра его повезут в лес искать места захоронений и проводить следственный эксперимент. С одной стороны, хочется, конечно, чтобы он соврал – ещё тела двух девушек найти неохота. Но с другой – эта сволочь должна сесть! – хмуро бросил дежурный.

– Да уж, – покачал я головой.

– И как только таких земля носит? – лейтенант устало потер лицо ладонью. – Сколько работаю в отделе, сколько всего видел, а всё равно не перестаю удивляться тому, какие твари бывают на белом свете...

– Угу... – согласился я. – Ладно, поеду я домой.

– Да, езжай, – кивнул дежурный. – Передавай привет своей молодой жене...

Я сделал шаг в сторону двери и замер... Чёрт! Точно... Меня же ещё Марина дома поджидает. А я за целый день так и не придумал, как мне с ней быть...

– Слушай... – обернулся я. – А вам ночной дежурный в помощь не нужен? Могу остаться, если что...

– Дежурный? – удивлённо посмотрел на меня лейтенант. – Вроде нет. Соколов, ты нормальный вообще? У тебя дома жена молодая, два дня как из загса. Чего ты на ночную смену напрашиваешься?

– Выспаться хочу, – вздохнул я.

– А! – понимающе усмехнулся лейтенант. – Молодая жена спать не даёт? Или уже успели поссориться?

– Типа того.

– Быстро вы, – хмыкнул он. – Ладно. Дежурным я тебя не поставлю, но можешь переночевать в комнате отдыха. В виде исключения. Только пса своего ты куда денешь?

– С собой... – пожал я плечами.

– Соколов! – строго глянул на меня лейтенант и через се-

кунду обречённо махнул в мою сторону рукой. – Ладно, оставайтесь. Только смотри – если товарищ майор узнает, я тебя не пускал, это всё твоя самодеятельность!

– Да не вопрос, – легко согласился я, пока товарищ лейтенант не передумал.

– Жене твоей позвонить? – кивнул он на телефонный аппарат. – Предупредить, чтобы не переживала?

– Если можно, – согласился я.

– Можно, конечно... – осуждающе вздохнул дежурный.

– А где тут можно купить пожрать моему барбосу, не подскажешь?

– Гастроном за углом. Он, вроде, до семи работает. Если поторопишься – успеешь.

– Понял! Спасибо! – поблагодарил я своего спасителя и быстрым шагом двинулся к выходу. – Идём, дружище, – обратился я уже к своему четвероногому другу. – Нужно купить тебе пожрать и какую-нибудь миску для воды. Сегодня мы с тобой ночуем не дома...

Туман тяжело вздохнул и послушно поплёлся следом за своим непутёвым хозяином...

ГЛАВА 7 – «4 МАЯ. ВОКЗАЛ. ПОПУТЧИЦА»

Проснулся я на неудобном диване в позе эмбриона, с затёкшей шеей и онемевшей от лежания в одном положении рукой. Да уж... Решил, называется, вопрос с Маринкой. Стратег хренов...

Туман тихо посапывал, свернувшись калачиком у меня в ногах, подёргивая ухом во сне, в приоткрытое окно доносилось курлыкание голубей, а из коридора то и дело доносились чьи-то тяжёлые шаги.

Я приподнял занемевшую руку, глянул на часы на запыстье, тяжело вздохнул и со скрипом принял сидячее положение, потревожив сон своего четвероногого напарника.

— Да, дружище, — пожал я плечами на его укоризненный взгляд. — Шесть утра. Пора вставать...

Я поднялся с дивана, потянулся, разминая косточки, и поплёлся к металлической раковине в углу комнаты. Тщательно умылся холодной водой, посмотрел на своё отражение в мутном зеркале, пригладил мокрой ладонью торчащие клоки волос по бокам и тряхнул головой. Заметил в зеркальном отражении большой плакат у себя за спиной, развернулся и двинулся к нему.

«График несения службы на май» — гласила большая

надпись в самом верху.

Я отыскал строчку со своей фамилией, пробежался взглядом по датам, запоминая свои выходные, и задумчиво хмыкнул.

Выходит, завтра у младшего лейтенанта Соколова выходной. И у меня появится свободное время, чтобы вплотную заняться своими личными делами — проверить парочку адресов и имён по «Орловской дюжине», понаблюдать за маньяками со стороны, так сказать, в их естественной среде обитания, и решить, что с ними делать и как устранять. Это просто замечательно!

Ну а пока нужно съездить домой — отметить и показаться на глаза молодой жене... Пусть даже на час, иначе последствия могут быть непредсказуемыми...

— Идём, Бродяга, — скомандовал я спрыгнувшему с дивана псу, дёрнул за ручку двери, пропуская своего четвероногого товарища вперёд, и через секунду вышел в коридор следом за ним...

До общаги мы добрались быстро. Я приткнул «копейку» у подъезда, выпустил Тумана, поднялся на второй этаж, занёс кулак, собираясь постучать, и тут же опустил его, уставившись на блондинку, словно по волшебству возникшую за резко распахнувшейся перед моим лицом дверью.

— Соколов! — прошипела Марина, гневно расставив ноги в стороны и уперев руки в бока. — Мне плевать, где ты там и с кем пропадаешь днём! Но если ты ещё раз заночуешь

не дома — пеняй на себя! Уже на следующий день у тебя на макушке вырастут огромные ветвистые рога, а в паспорте появится штампик о разводе! Ты меня понял?!

Да уж... И почему я всегда считал мать тихоней и скромницей? Да она же настоящий ураган! Может, это смерть отца её так подкосила?

— Не слышу, Соколов! — прервал мои размышления строгий женский голосок.

— Да понял я, понял... Так получилось. Нужно было дежурного подменить.

— А больше некому было?! — скептически хмыкнула она.

— Некому, — виновато буркнул я.

Марина смерила меня внимательным взглядом, перевела глаза на Тумана, сидящего у стены с видом «я вообще не знаю этого двуногого», и тяжело вздохнула.

— Ладно. Заходи, — сжалась она, делая шаг в сторону и освобождая проход. — Отоспишься, потом поговорим...

— Да я это... Ненадолго. Мне обратно в отдел нужно...

— В смысле?! — снова с пол-оборота завелась она, поперхнувшись воздухом от гнева. — После ночного дежурства? Твоё начальство там не охренело часом?!

— Да я там не особо и перетрудился, если честно, — пожал я плечами. — Большую часть ночи проспал на диване.

— Всё равно это как-то неправильно, — насупилась Марина. — У тебя так-то жена есть... Ладно, — вздохнула она,

— иди хоть поешь. Голодный, небось?

— Угу, — буркнул я.

— Ты тоже заходи! — пропустив меня внутрь комнаты, строго произнесла Марина, проводив взглядом Тумана, виновато опустившего голову к полу и пытавшегося не смотреть на хозяйку. — Руки!

— Что руки?

— Руки помой, Соколов, прежде чем за стол садиться.

— Да, точно... — опомнился я, сполоснул руки в тазике с водой и уселся за стол.

Быстро поел под пристальным взглядом Марины, поблагодарил её за вкусный завтрак, сходил в душевую, смыл с себя пот и запах вчерашнего дня, переоделся в чистую одежду, пообещал вернуться сегодня пораньше и без приключений, прихватил из комода документы и грамоты на отцовского пса, чмокнул блондинку в губы, вернее, это она меня чмокнула, я снова воротил морду и упрямо сжимал губы, и погнал на службу...

В отдел я приехал ровно к восьми. Выбираясь из салона «копейки», осознал, что на мне обычная, гражданская одежда вместо формы и тихо выругался про себя. Забегался я что-то с утра, да ещё и отношения с Маринкой выяснял, вот и вылетело из головы.

Я задумчиво прикинул, не рвануть ли обратно в общагу, глянул ещё раз на часы, показывающие одну минуту девятого, мысленно махнул рукой и пошёл внутрь здания. Будь что

будет. К тому же сегодня дежурил Калинин, а он к внешнему виду обычно не придирается... Вроде как...

— Здорово, Соколов! — заметив меня, дежурный лейтенант приветливо улыбнулся и кивнул.

— Здорово, Калинин, — поприветствовал я его в ответ, подошёл к стойке и положил на столешницу диплом и свидетельство на своего четвероногого напарника.

— Отлично, — хмыкнул дежурный, мельком глянув документы и спрятав их в стол. — На мне же долг ещё висит, а я должником быть не люблю, Соколов.

— Долг? — недоумённо нахмурился я.

— Я же тебе обещал в патруль на вокзал назначить, — напомнил он мне.

— А, точно...

— Или ты уже передумал? — нахмурился дежурный.

— Да нет, вроде... — пожал я плечами. — Можно и на вокзал.

— Ну вот, — хмыкнул Калинин. — Я специально для тебя наряд придержал. Давай, вперёд и с песней. И это... Соколов?

— Да?

— Мне тех пирожков захвати, которые ты так нахваливал.

— Пирожков? — не сразу сообразил я.

— Ну ради которых ты на этот вокзал рвёшься. Которые самые вкусные в твоей жизни.

— А-а, эти... Да, прихвачу.

— Какой-то ты рассеянный сегодня, — подозрительно глянул на меня Калинин.

— Да не выспался просто.

— А! Бывает! — он понимающе подмигнул и заговорщицки понизил голос. — Молодая жена спать не даёт?

— Угу, — вздохнул я.

— Эх! Счастливчик ты, Соколов! — завистливо покачал головой Калинин. — Твоя Маринка просто красавица! Не, моя Танька тоже ничего, есть за что подержаться, но ты прям отхватил себе... Ух! Завидую белой завистью. Ладно, иди уже... И завтра чтобы в форме был. Или ты думаешь, я не знаю, что мой сменщик тебе говорил? — хитро прищурился он.

— Понял, товарищ лейтенант... — снова вздохнул я и двинулся в сопровождении пса к выходу...

На вокзал мы с Туманом приехали ближе к половине девятого. Я поставил машину у служебного входа, нашёл постового, показал удостоверение, отметилсЯ у дежурной по вокзалу и двинулся в патруль...

Мы прошлись по залу ожидания, постояли у пригородных касс, заглянули на перрон, помогли бабке с узлами добратЬся до нужной платформы и один раз вместе с постовым проверили документы у подозрительного гражданина, который слишком внимательно крутился возле чужих сумок.

День, можно сказать, прошёл стандартно и без каких-либо курьёзов и нештатных ситуаций. Мы с Туманом лениво на-

матывали круги по перрону, периодически гоняли местных алкашей, соображавших сомнительный фуршет за углом че-буречной, и проверяли документы у подозрительных личностей. Пару раз Туман рыкнул в сторону цыганок, выющихся напротив выхода из вокзала и выискивающих лёгкую цель среди приезжих, и больше мы их не видели...

В обед я сходил в вокзальную столовую, взял себе суп, картофельное пюре с котлетой и чай, а для Тумана выпросил у буфетчицы миску каши с мясом. Сел за свободный столик у окна, поставил миску с кашей на пол и задумался, ковыряя ложкой суп. Что-то не сходилось...

Не мог Корнеев девятого мая убить новую жертву. Слишком это быстро для него, слишком рано. Судя по материалам дела, которые я изучал в своём времени, он всегда выдерживал строгий график — одно убийство в месяц. Девятое мая напрочь ломало его систему.

Да, праздники могли сдвинуть маршрут, да, он мог приехать в город не по делам, а просто так, под шум демонстраций, салютов и гуляний. Но мне всё равно это не нравилось. Что-то здесь было не так...

Мне бы поговорить с ним лично, узнать — были ли у него планы приехать в Орёл на праздники... Но кто мне позволит говорить с ним? Правильно — никто. Не дорос я ещё до разговоров с подозреваемыми в убийстве.

Да уж, значит, придётся действовать иначе...

Я пообедал, выпил чай и снова двинулся к центральному

зданию вокзала. Ещё раз прошёлся по кассам, поговорил с уборщицей, кассиршами, двумя продавщицами и дежурной по вокзалу, ничего нового не узнал и направился к тому месту, где нашли девушку. Прошёлся вдоль насыпи, побродил между деревьями, ещё раз внимательно осмотрел землю и каждый куст, сам не зная, что именно ищу, ничего не нашёл и двинулся обратно к перрону...

Яснее не стало. Либо Корнеев действительно выбился из своего привычного графика и убил девятого мая, либо... это вообще не его рук дело. Могли ли следователи повесить на него «лишнее» убийство? Запросто! Советская статистика раскрываемости такое любила. Но если это сделал не он, то кто? В этот период на вокзале из всей «Орловской дюжины» промышлял только Корнеев. Остальные либо орудовали в других районах, либо у них был другой почерк...

Да уж... Непонятно. Выходит, это всё же он? Выходит...

Ближе к шести вечера я снова вернулся на перрон, купил пирожки для Калинина, глянул на часы и уселся на лавочку. Моё дежурство официально закончилось, можно было сворачиваться и ехать в отдел...

Я посмотрел задумчивым взглядом на подошедший пригородный поезд, на раскрывшиеся с шумом двери вагона, проводил взглядом редких в воскресный вечер пассажиров с сумками, авоськами, свёртками, детьми и возвращавшихся со своих загородных участков дачников с тяпками и лопатами, погладил по холке сидящего слева от меня Тумана

и вздохнул.

— Ладно, поехали домой, Бродяга...

Последней из вагона вышла симпатичная девушка в простом летнем платье, смешно фыркая и таща за собой тяжёлый чемодан. Из-под косынки выбивалась толстая коса светлых волос, на лбу блестели капельки пота, а сама девушка то и дело хмуро поглядывала по сторонам, словно впервые в жизни выбралась из своего маленького уютного села в такой страшный и огромный город Орёл...

Я усмехнулся её молодости и наивности, когда-то очень

давно я и сам был таким, проводил её взглядом, поднялся со скамьи и неторопливо двинулся к выходу с перрона, непроизвольно пристроившись шагах в десяти за девушкой с чемоданом.

Метров через десять она свернула с перрона в сторону города, сбавила шаг и растерянно замерла у высоких ступеней. Несколько секунд помедлила, перехватила чемодан поудобнее и решительно двинулась вниз, пошатываясь под тяжестью своей поклажи, вот-вот норовящей сорваться и утянуть за собой свою хозяйку...

На нижней ступеньке она всё-таки оступилась, коротко вскрикнула, взмахнула руками и полетела вперёд, выпустив из рук свой драгоценный чемодан и чудом не впечатавшись лицом в бетонный тротуар.

— Живая? — быстро спустившись по ступеням следом за девушкой и подскочив к ней, поинтересовался я.

— Ага... — буркнула блондинка, морщась и пытаясь встать. — Только гордость слегка пострадала...

Я подхватил её под локоть, помог подняться на ноги, невольно поймал взглядом колыхнувшийся в вырезе платья пышный бюст и тут же одёрнул себя. Нашёл время заглядывать в декольте симпатичным советским колхозницам, а может, даже и того хуже — комсомолкам и спортсменкам...

— Держи, — протянул я ей завалившийся в кармане пиджака чистый платок.

— Зачем? — недоумённо глянула она на меня снизу

вверх.

— Ты коленки до крови сбила, — пояснил я. — Протри, чтобы сразу какую не подхватить.

— А! — отмахнулась она, глянув на свои содранные колени. — И так заживёт. Мне бы подорожник найти... Водится тут у вас в городе подорожник?

— В городе? — усмехнулся я. — А ты сама откуда? Из села?

— Ага. К родственникам приехала, на несколько дней. Давно не виделись. Побуду до девятого, а девятого домой.

— Понятно... Идти сможешь?

— Конечно, смогу! — уверенно заявила блондинка, сделала шаг в сторону своего заветного чемоданчика и тут же поморщилась. — Ай...

— Больно?

— Терпимо. Где тут у вас автобусная остановка? — повертела она головой по сторонам.

— Там, — кивнул я в сторону небольшого пятачка через две полосы дороги, подхватывая чемодан. — Давай помогу... Ого! У тебя там что, кирпичи?

— Сало, картошка, утка ещё, — честно призналась девушка.

— В чемодане? — на всякий случай уточнил я.

— Угу. Ну не в авоське же мне это тащить?

— Тоже верно, — хмыкнул я. — Идём?

— Идём... — согласилась девушка, осторожно взяв меня

под локоть, и неторопливо двинулась вместе со мной в сторону ближайшего пешеходного перехода, прихрамывая на одну ногу...

До остановки мы шли не торопясь. Селянка ковыляла рядом, стараясь делать вид, что всё нормально, чемодан тянул мне руку вниз, а Туман шёл чуть сзади и с большим интересом принюхивался к багажу, наверняка считая, что домашняя утка в чемодане — это лучшее, что вообще случалось с ним за последнее время, а может и за всю жизнь.

На автобус мы не успели — он как раз отъезжал от остановки, когда мы подошли. Водила категорично отказался брать нас без билета, а купить билет мы попросту не успевали.

— Следующий будет через час, — сообщила мне моя новая знакомая, отойдя от кассы, и тяжело вздохнула.

Я глянул на часы на своём запястье, прикинул мысленно и так же мысленно махнул рукой. Да, пофиг. Сделаю ещё одно доброе дело в конце рабочего дня, авось, зачтётся...

— Давай подвезу. У меня машина рядом, — предложил я.

— А не насильничаешь? — помедлив несколько секунд, внимательно присматриваясь ко мне, выдала селянка. — Я слышала, у вас тут в городе насильники водятся.

— Водятся, — признал я.

— Ладно. Поехали, — тут же согласилась она. — Не похож ты на насильника.

— Скажу тебе больше — даже насильники не всегда по-

хожи на насильников.

Девчушка неуверенно хихикнула и снова подхватила меня под руку.

— Где там твоя машина? Только сразу скажу — я больше трёх рублей платить не буду! — категорично заявила она.

— Да я бесплатно мог бы...

— Бесплатно? — снова насторожилась она. — С чего это вдруг? В чём подвох?

— Да ни в чём, — пожал я плечами. — Просто привычка дурная помогать людям — то старушку через дорогу переведу, то кота с дерева сниму, то вот, как сейчас... — оценивающе глянул я на девушку сверху вниз, стараясь не сильно пялиться в её слишком уж шикарное декольте. — Предлагаю за бесплатно до дома довезти... Не, ну если ты против, могу и за трояк. Мне не жалко.

— Не! Не! — торопливо замотала она головой. — Сказал бесплатно — вези. Меня, кстати, Светой зовут.

Да уж... Такие доверчивые советские граждане — это просто находка для маньяков, аферистов и всякого рода мошенников, которые повывлезают из всех щелей буквально лет через десять...

— Андрей, — представился я.

— Ну и где твоя машина?

— Да вон стоит, — кивнул я через дорогу, двинувшись со своей спутницей обратно в сторону пешеходного перехода.

— Милицейская? — удивлённо вытаращилась она на ме-

ня, будто видела впервые. — Ты милиционер?

— Угу.

— Хм... Вот бы никогда не подумала... — покачала моя новая знакомая головой. — Только я назад сяду. А то знаю я вас...

— Назад не получится.

— Это ещё почему?

— Там у меня другой пассажир едет.

— Ещё один? — нахмурилась Света. — Ты что, после основной работы подрабатываешь?

— Можно и так сказать, — усмехнулся я...

Мы перешли через дорогу, подошли к машине, я закинул чемодан в багажник, и краем глаза заметил, как заметно напряглась девушка...

— Что-то не так? — поинтересовался я.

— А где твой пассажир?

— Позади тебя...

— Ох ты ж! — обернувшись и подпрыгнув на месте, вскрикнула блондинка. — Напугал, гад! Это твоя собака?

— Ага, — усмехнулся я, открыл заднюю дверь, запустил пса внутрь и распахнул переднюю дверь перед девушкой. — Садись.

Дождался, пока она усядется и устроится поудобнее, захлопнул дверь, обошёл автомобиль и сел за руль. Краем глаза заметил, как моя пассажирка небрежно подтянула подол платья повыше, беззастенчиво оголив фигуристые бёдра.

ра, осторожно подула на свои сбитые коленки и стрельнула в мою сторону игривым взглядом, словно проверяя меня на прочность.

Я усмехнулся, провернул ключ в замке зажигания, хрустнул коробкой передач и неторопливо покатыл по вечерним улицам города.

— Тебе куда? — поинтересовался я на ближайшем светофоре.

— До центральной автостанции, если можно.

— Могу до адреса подвезти.

— Не, не нужно, — покачала она головой.

— Как знаешь, — пожал я плечами, перестроился в соседний ряд и приготовился к повороту налево...

Несколько минут мы ехали молча. Девушка с интересом рассматривала в окно улицы большого незнакомого города, вывески и прохожих, потом вспомнила о пассажире на заднем сиденье, обернулась и с интересом глянула на пса.

— Какой красивый! — похвалила она и повернулась ко мне. — А ты женат?

— Угу. А ты?

— Я тоже, — кокетливо улыбнулась Света. — Муж, двое детишек, хозяйство...

— Двое? — удивлённо глянул я на свою пассажирку. — Тебе сколько лет-то?

— Двадцать три.

— И у тебя уже двое детей?

— Ага, — радостно подтвердила она. — У нас в селе с этим быстро. Это вы городские всё тянете.

— Это точно, — согласился я.

— Васька у меня хороший, — задумчиво произнесла де-вушка.

— Васька — это муж? — уточнил я.

— Ага. Он у меня трактористом работает... Дом у нас большой, каменный. Хозяйство не маленькое... Детишкам четыре и пять лет...

— И ты их оставила самих?

— А что? Они ж взрослые уже. И курей покормят, и гу-сей выгонят на речку. А мой мне так сказал — езжай к ро-дичам, отдохни, погуляй, на город посмотри, в кино сходи. Мы справимся.

— Ясно.

— А ты давно женат? — внимательно посмотрела она на меня. — Детей, поди, нет?

— Недавно. Детей нет.

— Ну вот! — Светка победно ткнула в меня пальцем. — Я же говорила — вы городские вечно тянете кота за одно место.

— За усы? — на всякий случай уточнил я.

— Ага! За усы! — рассмеялась она. — А долго нам ещё до автостанции ехать?

— Минут двадцать. Уже меньше.

— Ясно... — протянула блондинка, поёрзав на месте.

Она устроилась поудобнее, закинула ногу на ногу и снова уставилась в окно. Мы выехали на широкое шоссе, ведущее к окраине, позади остались пятиэтажки, а с обеих сторон дороги потянулись высокие зелёные деревья...

— А вон там можешь тормознуть? — спустя пару минут попросила моя пассажирка, ткнув пальцем в лобовое стекло.
— У лесочка.

— Зачем?

— Ну... В кустики хочу сходить. По-маленькому, — снова поёрзала она на сиденье. — В поезде вечно всё занято было.

— Да тут всего ничего до автостанции осталось, может, потерпишь?

— Не потерплю, — хмуро бросила девушка.

— Ну ладно... — не стал я спорить, сбросил скорость и аккуратно приткнул «копейку» у обочины.

Света выбралась из машины, одёрнула слегка задравшееся платье и прихрамывая, двинулась к деревьям, а уже через несколько секунд скрылась из вида в густых зарослях.

Я заглушил двигатель, вышел из машины, прислонился к двери, потрепал высунувшуюся из окна голову волкодава и лениво уставился вдаль, глядя на редкие, проскакивающие по шоссе автомобили...

Моей попутчицы не было долго. Я нетерпеливо глянул на часы, переглянулся с Туманом, посмотрел в сторону деревьев и тяжело вздохнул.

— Свет! — выкрикнул я, оторвавшись от машины. —

Свет, ты там живая? Или тебя после вокзальных беляшей прикрутило?

Я прислушался, внимательно вглядываясь в тени между стволами деревьев и пытаюсь уловить там хоть какое-то движение, так и не дождался ответа и тихо выругался.

— Чёрт! Только неприятностей с пропавшими попутчиками мне и не хватало... Сиди здесь, карауль машину! — приказал я своему четвероногому напарнику и двинулся в сторону деревьев...

Светку я нашёл на удивление быстро — она сидела на пеньке, посреди небольшой ровной лесной полянки, покрытой зелёной травой, словно Машенька из сказки.

Личико девушки уткнулось в ладони, плечи предательски подрагивали, подол платья был задран выше содранных коленок, а сама она едва слышно всхлипывала.

— Ну и чего ты тут рыдаешь? — произнёс я, остановившись напротив неё.

— Ничего... — буркнула Света, шмыгнув носом.

— Если бы было ничего, ты бы тут сырость не разводила. Ты, между прочим, чемодан у меня в багажнике оставила. А если бы я уехал? Осталась бы ты без сала, картошки и утки, — попытался я пошутить и хоть немного разрядить обстановку.

Она подняла на меня заплаканные глаза, робко улыбнулась и тут же снова шмыгнула носом.

— У нас с Васькой, мужем моим, уже полгода ничего не

было... — неожиданно вывалила она на меня порцию открытий, и её подбородок снова предательски задрожал. — Он то ли любовницу завёл, Надьку эту из сельпо, то ли просто остыл ко мне. Я как родила, так некрасивая совсем стала...

— Ты дура? — искренне удивился я.

— Сам дурак! — огрызнулась блондинка.

— Свет, да ты же красавица! — совершенно честно произнёс я, присел перед девушкой на корточки и осторожно взял её за руки.

Девчушка правда была редкой красоткой. Её бы чуть причесать, подкрасить губки, аккуратно выщипать бровки — и любая дамочка из моего времени с тонной ботокса и силиконовыми варениками вместо губ от зависти бы лопнула.

— Врёшь, — уже не так уверенно произнесла она.

— Нахрена мне врать? — удивился я.

— Чтобы я не ревела. Мужики даже не смотрят на меня.

— Ну дураки они, значит. А может, просто мужа твоего боятся... Он же у тебя целый тракторист!

— Думаешь? — вытирая слёзы тыльной стороной ладони и всё ещё всхлипывая, с надеждой глянула на меня Светка.

— Уверен! Ты правда очень красивая. Задница отличная, ножки как у модели... Да и грудь — ох-хо-хо! — покачал я головой, оценивающе глянув в декольте девушки.

— Когда это ты мои ножки и задницу успел разглядеть? — в её голосе наконец-то прорезались игривые, кокетливые нотки.

— Так ты в машине мне всё своё добро так продемонстрировала, что грех было не заметить, — усмехнулся я.

— Я правда красивая? — затаив дыхание и глядя на меня широко раскрытыми глазами, произнесла она.

— Правда.

Блондинка скромно улыбнулась и резко подалась вперёд. Обвила мою шею руками, прижалась к моим губам горячим, солоноватым от слёз поцелуем и тихонько, облегчённо выдохнула...

— Ну всё, всё... — пробормотал я, пытаясь высвободиться из захвата. — Нам ехать пора...

ГЛАВА 8 – «ТИХИЙ СЕМЕЙНЫЙ ВОСКРЕСНЫЙ ВЕЧЕР»

Мы вышли из посадки, сели в автомобиль, я встретился с укоризненным взглядом Тумана, вздохнул и завёл двигатель. Вырулил от обочины и неторопливо повёл служебную «копейку» в сторону автостанции...

— Ты не подумай... Я не такая... — виновато пробормотала Света, нарушив слегка затянувшееся молчание. — Просто хочется иногда тепла и ласки... Да даже просто поцеловаться на сеновале... А у нас, стоит кому-то глазки построить — и всё село об этом знает. А тут... В городе... Никто ведь даже не узнает...

— Угу, — буркнул я...

К центральной автостанции я привёз её ровно к семи. Высадил, не доезжая чуток, достал тяжёлый чемодан из багажника и задумчиво посмотрел на виновато поглядывающую в мою сторону блондинку.

— Может, тебя всё же подбросить до адреса? — предложил я.

— Да не нужно, — отмахнулась Светка и затараторила, смешным сельским говором: — Дальше я сама. Спасибо! Не хочу, щоб родичи думали, будто я тут с симпатишными парнями на машине разъезжаю. Ещё подумают невесть шо

и сболтнут лишнего... А Васька у меня знаешь какой ревнивый? У-у-ух! — продемонстрировала она мне свой кулачок.

— Понятно... — не сдержался и улыбнулся я.

— Эх... Не был бы ты женат... — мечтательно вздохнула девушка. — Я бы к тебе напросилась погостить маленько... Ладно, прощай, товарищ милиционер. И ты тоже прощай, Мухтар! — помахала она рукой Туману, подхватила свой тяжёлый чемодан и уверенной походкой двинулась в сторону здания автостанции.

Я проводил девушку взглядом, убедился в том, что она зашла в центральные двери автостанции, а не перепутала с перепугу и не прошла мимо, запрыгнул в авто и поехал в отдел.

Поболтал немного с Калининым, отдал ему пирожки, надеясь, что они ему понравятся, подписал журнал нарядов и помчал домой. Завтра у меня законный выходной...

К общежитию я подъехал около восьми. Припарковал авто, выпустил Тумана, дал ему прогуляться за гаражами минут десять и сделать свои собачьи дела, и поднялся к себе на этаж...

— Соколов! — радостно запрыгнула мне на шею Маринка. — А посмотри, кто к нам в гости приехал...

Она отодвинулась в сторону, открывая мне обзор, я заметил стоящий в углу комнаты знакомый чемодан, сидящую за столом девушку с ободранными коленками и удивлённо поскрёб затылок.

— Светка приехала! — объявила Марина. — Ну, чего стал как истукан? Заходи!

— Светка? — насторожился я, закрывая за собой дверь.

— Светка! — подтвердила Марина.

— Э-э-э... — пытаюсь потянуть время и сообразить, что к чему, проблеял я. — И надолго она к нам?

— До девятого мая. Девятого вечером уезжает...

— И где она жить будет? В смысле, спать?

— У нас! Мы ляжем на полу, а она кровать займёт.

— Ещё чего! Я кровать не отдам, — помотал я головой.

— Ну что ты ворчливый такой? Это же гости... — пристыдила меня Марина и тут же пошла на уступки: — Ладно, попрошу раскладушку у соседей... Ну и что вы как неродные? — глянула она на меня, затем на девушку за столом и снова на меня. — Знакомьтесь! Света — это Андрей, мой муж. Андрей — это Светка, моя младшая сестрёнка.

— У тебя есть сестра? — пробормотал я, глянув на слегка побледневшую и примолкшую Светку.

— Соколов, ты дурак? — удивлённо посмотрела на меня Марина. — И шутки у тебя дурацкие... Я тебе об этом тыщу раз говорила! А о том, что она сегодня приезжает, говорила неделю назад!

Точно... Отцу она, может, и говорила... Но всё равно, почему я о ней слышу в первый раз?

— Двоюродная сестра? — уточнил я, потому как родных у матери точно не водилось.

— Ну а какая ещё? — удивлённо вытаращилась на меня Марина.

И всё равно странно. Ладно, я двоюродных родственников знал не очень. Но почему я даже не слышал о какой-то тётке Светке из села?

— А почему она на нашей свадьбе не была?

— Опять ты это начинаешь? — Марина закатила глаза под лоб. — Ну говорили уже об этом тыщу раз!

— Да?

— Да!

— И почему же? — не желал я так легко сдаваться.

— Потому! Муж её дурной в запой ушёл, детей не с кем было оставить... И хозяйство. Знаешь, какое у них хозяйство?

— Куры, кролики, корова... — перечислил я.

— Именно!

— А раньше мы почему с ней не встречались? — я упрямо пытался понять, как так вышло, что сестра матери и отец не виделись ни разу в жизни, а судя по тому, что Светка не признала меня на вокзале, они как раз и не виделись.

— Что за допрос, Соколов? — прищурилась Марина. — Я откуда знаю, почему вы не встречались? Ты вечно занят, тебе вечно некогда, вот мы к ним в гости не ездили, а они к нам со своим хозяйством как приедут? Хорошо хоть, в этот раз её отпустили... Ладно, мой руки и за стол. Ужинать будем.

— А что у нас на ужин? — обречённо вздохнул я, дви-

нувшись к закутку с импровизированной раковиной в виде миски и ковшика с водой.

— Вареники с картошкой и сметаной...

— Вареники — это хорошо...

— А Светка нам, знаешь, что привезла? — весёлым голоском поинтересовалась у меня за спиной Марина.

— Сало, картошку и утку? — «угадал» я.

— Откуда ты знаешь? — удивлённо вытаращилась она на меня. — А! Опять эти твои шуточки... Но ты угадал, как ни странно...

Угу... Угадал...

Я сполоснул руки, сел за стол, ещё раз мельком глянул на исподтишка посматривающую на меня Светку и вздохнул. Да уж... Ситуация...

— Ты представь, как эта дурёха добиралась до нас, — расставляя на столе тарелки и столовые приборы, зашебетала Маринка. — Сначала с железнодорожного вокзала на центральную автостанцию — а это, на минуточку, в другом конце города! А потом уже с автостанции к нашему общежитию с двумя пересадками. Хотя, могла сразу с ж/д до нас доехать одним маршрутом. Это ж какого ты кругаля дала? — укоризненно посмотрела она на младшую сестрёнку.

— Как помнила, так и ехала, — буркнула Светка, бросив на меня косой взгляд. — У вас тут в городе чёрт голову сломит...

— Могла бы такси взять, — вздохнула Марина, накладыва-

вая по тарелкам горячие вареники с жареным луком. — Тем более, транспорт в воскресенье вечером так себе ходит. Тебе ещё повезло, что не пришлось ночевать на остановке.

— Я ваш адрес не помню. Помню только, на каком маршруте ехать и где выходить...

— Ладно, давайте есть уже, а то остывает, — покачала Марина головой, ставя на стол банку солёных огурцов, графин с чем-то горячим и три небольшие стопки. — За встречу нужно выпить! — объявила она, усаживаясь слева от меня...

Ужин прошёл за болтовнёй двух давно не видевшихся сестёр. Марина что-то тарыхтела, Светка рассказывала о жизни в селе, а я ковырял вилкой в тарелке, благоразумно отказавшись от спиртного.

Девчонки выпили по одной, закусили варениками, потом пропустили ещё по рюмашке и размякли...

Минут через двадцать Марина собрала со стола пустые тарелки, цыкнула на сестрёнку, порывавшуюся помочь, и пошла на общую кухню мыть посуду.

— Сейчас чайник поставлю, попью чайку с печеньем, — объявила она и скрылась в коридоре.

Мы со Светкой переглянулись, я отсел от неё от греха подальше, и задумчиво уставился в окно.

— Ты муж Маринки?! — первой не выдержала и нарушила молчание Светка.

— А ты её сестра? — не менее возмущённо выдал я.

— Чёрт! — выругалась девушка. — Не говори ни слова о... о том, что было. Меня Васька из дома выгонит, если узнает.

— Ты о том поцелуе? — усмехнулся я. — Когда ты мне свой язык в горло засунула?

— Андрей! — зашипела девушка, покосившись в сторону двери. — Ну пожалуйста! Не говори...

— Да я как-то и не планировал, — буркнул я. — Не в моих интересах, чтобы Марина об этом узнала.

— Да Маринка-то у тебя хорошая, поругает и простит, — вздохнула Света. — Не то, что мой Васька.

— Ну да, конечно... — хмыкнул я...

И всё равно странно, что я о ней ничего не слышал. Тётка Светка из села... Хм... Даже не шелохнулось ничего. Почему? Да я даже парочку троюродных братьев матери могу вспомнить, а её сестру нет. Странно...

— А фамилия твоя как? — подозрительно глянул я на притихшую девушку, жуящую солёный огурчик из банки.

— А зачем тебе?

— Это у него профессиональный интерес, — ответила за меня Марина, вошедшая в комнату с горячим чайником в руке. — Любит Соколов везде свой нос совать. Если бы ещё запоминал всё... — вздохнула она. — А то — тут помню,

тут не помню...

— Минаева моя фамилия, — сжалась надо мной Света.

Хм... Минаева... Гражданка Минаева Светлана Николаевна, тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года рождения, проживающая по адресу улица Весенняя, дом тринадцать? Дерьмо!

Я удивлённо глянул на притихшую Светку, посмотрел на Маринку, разливающую чай из зверобоя по чашкам, и отвернулся к окну, пытаюсь скрыть наверняка заметно пришибленное выражение своего лица.

Светлана Минаева... Я знал это имя. Она стала жертвой одного из орловских маньяков и была убита девятого мая в лесополосе возле железнодорожной станции в Орле, возвращаясь от сестры последней электричкой домой, в своё село...

Дерьмо! Так это моя тётка? Почему мне мать об этом не рассказывала, и почему в деле этого не было? Хотя, понятно почему. Матери вспоминать это было не очень приятно, наверняка она винила себя в её гибели. А в деле были только близкие родственники — муж, дети, родители...

Но почему следователь не указал, от кого возвращалась гражданка Минаева и у каких именно родственников гостила? То ли я так невнимательно изучал дело жертвы, то ли следователь слишком халатно и небрежно отнёсся к расследованию. Да уж...

Ну теперь хоть стало понятно, почему я о ней не слышал.

Это не та история, которую рассказывают за семейным столом. Такое вообще стараются не вспоминать. И, кажется, я догадываюсь, почему отец воспринял это дело, как личное. К ним в гости приехала сестра жены, побыла неделю, а потом её нашли мёртвой. Отец будто не смог её уберечь, вот и гонялся за призраком. Догонялся на свою голову... Хотя, не факт. Может это была одна из причин, которые толкнули его на поиски убийцы, а может он вообще вышел на маньяка случайно. Кто его знает.

— Чего задумался, Соколов? — заметив моё молчание, поинтересовалась Марина.

— Да так... — вздохнул я, поднимаясь из-за стола. — Пойду прогуляюсь с Туманом, подышу свежим воздухом.

Пёс услышал своё имя, подскочил с коврика, схватил в зубы лежащий на тумбочке поводок и выжидающе замер у двери, повиливая хвостом.

— Ну иди... — усмехнулась Маринка. — А мы тут пока потрещим по-женски и перемоем вам, мужикам, все косточки...

— Угу, — буркнул я. — Только глубоко не копайте, а то мало ли какие семейные секреты выберутся наружу...

Светка хмуро глянула на меня, повернулась к сестре и мило улыбнулась ей. А я сунул ноги в сандалии, взял поводок и вышел из комнаты, оставив девчонок трещать о своём...

Да уж... Собака, тётушка... Сюрприз на сюрпризе. Чего, интересно, ещё я не знал о своих родителях? Может они ма-

соны, или американские агенты? Нет, шутки шутками, но не рассказать мне о собаке и убитой тётушке — это уже перебор...

С прогулки я пришёл через час, как следует проветрив голову и разложив по полочкам полученную информацию. Девчонки уже спали — одна заняла кровать, вторая тихонько посапывала на раскладушке у стены.

Стараясь не шуметь, я сходил в душевую, помылся, почистил зубы, вернулся и растерянно замер посреди комнаты, пытаюсь понять, кто из них кто.

Чёрт! Не перепутать бы их в темноте — обе блондинки, обе похожи друг на дружку...

— Марин... — потормошил я лежащую на кровати ко мне спиной девушку.

— Чего тебе, Соколов?

Ага, значит, моя...

— Да ничего, спи... — мысленно усмехнулся я, скинул одежду, забрался в кровать, закинул руки за голову и устался в потолок.

Да уж, ситуация...

— Соколо-о-о-ов! — обдал моё ухо жаркий, слегка пьяненький женский шёпот, а к моему боку, скрипнув кроватной сеткой, прижалось крепкое и упругое женское тельце. — Хватит прикидываться спящим!

— Я не прикидываюсь. Я правда сплю... — проворчал я.

— Потом поспишь! — настойчиво попыталась стянуть с

меня семейные трусы блондинка, а я так же настойчиво и крепко вцепился в резинку этих самых трусов. — Соколов! — недовольно фыркнула она.

— Соколова! — не остался я в долгу.

— Ты собираешься исполнять супружеский долг или кто?

— Здесь?! — в ужасе прошептал я. — Сейчас?

— Нет, блин! Под куполом цирка! Через год! Не беси меня, Соколов!

— Твоя сестра в паре метров от нас, Марин! — напомнил я.

— Ну и что? Подумаешь... Она спит.

— А если не спит?

— Светка, а Светка! — громким шёпотом позвала сестру Марина. — Ты спишь? Вот видишь? Спит.

— Нет, — покачал я головой в темноте. — Я так не могу. Я не такой, Марин! Не при чужих же людях, ей-богу!

— Не такой он! — проворчала девушка. — Ну ты у меня ещё попросишь что-нибудь!

Она фыркнула, отстранилась, перевернулась на другой бок, красноречиво продемонстрировав мне гневную и недовольную мной спину, сдёрнула с меня одеяло и притихла.

— Марин... Ну правда... — осторожно произнёс я. — Ты что, дуешься?

— Сам ты дуешься! А я злюсь на тебя! И очень сильно!

— Ну Марин... Ну прости... Потерпи немного. Вот уедет девятого твоя сестра, тогда хоть всю ночь ко мне приста-

вай...

Марина тяжело вздохнула, повернулась ко мне передом, забралась мне подмышку, обняла рукой за грудь и забросила на меня ногу.

— Ладно, потерплю... — согласилась она. — Но ты всё равно ещё не прощён!

— Хорошо. Буду иметь в виду, — усмехнулся я, радуясь своей маленькой победе и отсрочке в исполнении супружеского долга хотя бы до девятого мая.

Маринка зашуршала в темноте тканью, дотянулась до моего лица и чмокнула в губы.

— Рано или поздно, Соколов, ты за всё мне ответишь, и я требую с тебя все накопившиеся долги! — пообещала она мне, обдав слегка хмельным дыханием, погладила меня по щеке, обняла крепче и через минуту притихла, тихонько засопев у меня подмышкой...

* * *

Разбудило меня весёлое щебетание женских голосов и звяканье ложки о чашку. Я приоткрыл глаза, посмотрел на двух блондинок, мило воркующих за обеденным столом, понял, что мне это не снится, тихонько застонал и накрылся подушкой.

— С Туманом я погуляла, завтрак на столе, — донёсся до меня голосок Марины, наверняка заметившей моё пробуждение.

— Угу, — буркнул я из-под подушки.

— Свету сегодня своди куда-нибудь. Город ей покажи.

— В смысле? — недоумённо пробормотал я, выбрался из-под подушки и внимательно посмотрел на девушек.

— В коромысле!

— А ты?

— А я на работу, Соколов. Не все у нас могут в будний день до обеда в постельке валяться.

— Эй! — возмутился я, приподнимаясь на локте. — А то, что я все праздники и выходные работал, это не в счёт?

— В счёт, — сочувственно вздохнула Марина. — Но Свету всё равно нужно развлечь. Она к нам в гости приехала не для того, чтобы в тесной комнатухе целыми днями сидеть.

— Так-то у меня своих дел полно, — проворчал я, покосившись на притихшую с кружкой чая гостью.

— Ну Андрюш... Пожалуйста, — жалобно заканючила Марина. — Ну ты же у меня хороший, самый лучший...

— Ладно, — сдался я, понимая, что спорить бесполезно. — Придумаю что-нибудь.

— Спасибо, дорогой! — прощebetала Маринка, подмигнула Светке, глянула на тонкие серебряные часики на запястье и тут же подскочила со своего места. — Блин! Я уже на работу опаздываю.

— Может, тебя подбросить? — предложил я.

— Правда? — обрадованно замерла она на месте. — А давай! С мигалкой и сиреной мы за пять минут домчим...

— Ага, как же, — фыркнул я, выбираясь из кровати и

натягивая штаны. — Чтобы мне потом по шапке надавали и машину забрали?

— Ну без сирены так без сирены, — огорчённо вздохнула Марина. — Я готова, если что. Тебя долго ждать?

— Пять минут...

Я подошёл к столу, закинул в рот пару бутербродов с докторской колбасой и сыром, запил сладким чаем, быстро умылся у тазика, почистил зубы, натянул рубашку, пригладил волосы мокрой ладонью и через десять минут мы с Мариной уже ехали по утреннему Орлу в сторону машиностроительного завода...

Дорогу и адрес мне выведывать не пришлось. Я хорошо помнил, что в восьмидесятом мать работала на заводе бухгалтером, в тесном женском коллективе, почти до начала девяностых. Приличная для этого времени профессия, хорошая должность, неплохая зарплата в 140 рублей, премии за выполнение планов, удобный график, отпуска, отгулы, дружный коллектив и уважение коллег...

Это потом, уже в девяностых, завод искусственно обанкротили, распродали по кускам за копейки, зарплату перестали платить месяцами, и мать ушла к частнику в кооператив, на какую-то овощную оптовую базу. Бухгалтеры нужны всегда...

К проходной мы подъехали без четверти восемь. Административный корпус завода выглядел солидно — добротный белый кирпич, широкие ступени, большой стенд с фо-

тографиями передовиков, под высокими деревьями стояли выкрашенные свежей краской скамейки, а к проходной со всех сторон стекался поток рабочих, спешащих на смену...

— Ладно, всё, давай, — торопливо открыв дверь и выскочив из автомобиля, произнесла Марина. — До вечера.

— Ты во сколько сегодня заканчиваешь? — выбравшись следом за девушкой, поинтересовался я.

— Как всегда, в шесть. А что?

— Если получится, приеду, заберу тебя, — пожал я плечами.

— Правда? — просияла Маринка. — Ой, девчонки в бухгалтерии обзавидуются! Будут думать, что меня личный шофёр возит, прямо как какую-нибудь киноактрису. Всё, я побежала. А то Нина Георгиевна жуть как не любит опоздашек, — выпалила она, быстро приблизилась ко мне, чмокнула меня в губы и лёгкой походкой побежала к проходной, ловко лавируя между работягами.

— Да уж... — задумчиво пробормотал я, поймав себя на том, что уже перестал уворачиваться от Маринкиных поцелуев. Хреново это...

— До вечера, Соколов! — обернулась она на полпути, улыбнулась и помахала мне рукой.

— До вечера, Соколова, — буркнул я, фальшиво улыбнувшись в ответ, дождался, когда Марина исчезнет за распашными дверями проходной, постоял ещё пару секунд, сел в авто, завёл двигатель и плавно тронулся с места.

Да уж. Теперь мне ещё и нянкой весь день работать. Обычный выходной советского милиционера, чего уж там — возить родственников из провинции по большому городу и показывать им достопримечательности.

Нужно как-то аккуратно избавиться от этой обузы. Может, быстренько показать Светке фонтан и центральную площадь, завезти её в ЦУМ, бросить там до вечера и смотаться по своим делам?

Хм... Звучит как план...

ОРЛОВСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД

ПЕРЕДОВИКИ ПРОИЗВОДСТВА

СЛАВА ЧЕЛОВЕКУ ТРУДА!

ГЛАВА 9 – «5 МАЯ. ЗАКОННЫЙ ВЫХОДНОЙ»

Обратно в общежитие я доехал минут за пятнадцать. Приткнул автомобиль у подъезда, легко поднялся на второй этаж (Чёрт! Как же это здорово снова ощущать себя в молодом, полном сил и энергии двадцатипятилетнем теле...) открыл дверь своим ключом и застал нашу гостью из провинции за уборкой...

Светка стояла посреди комнаты босиком с ведром, тряпкой и шваброй, сосредоточенно наводя чистоту в нашей и так до предела чистой комнате. Маринка тут и без того чуть ли не дважды в день всё вылизывала до зеркального блеска, а теперь, похоже, к ней в помощь прибыла ещё одна ударница труда. Да уж... Будет весело...

– Слушай, Свет... – остановился я на пороге, прикидывая, как бы помягче избавиться от навязанной мне через силу родственницы. – Ты, наверное, побудь тут, отдохни с дороги, отоспись, а я пока по делам сметаюсь.

– Ещё чего! – фыркнула девушка, оторвалась от своего занятия и недовольно посмотрела на меня. – Не буду я тут одна сидеть. Марина сказала, чтобы ты меня сводил куда-нибудь и город мне показал. Вашу комнатку я уже от и до изучила, а город не видела, – выпалила она на одном дыхании.

– У меня дела, Свет. Давай вечером? Как раз Маринка с работы придёт, мы вместе куда-нибудь и ходим...

– Нет. Если у тебя дела, я с тобой, – решительно заявила она, мазнула тряпкой по полу ещё пару раз, сполоснула её в воде, выжала и сунула мне в руки ведро. – Вынеси, пожалуйста. А то я тут у вас заблужусь. Как вы тут вообще ориентируетесь? У вас же всё такое одинаковое...

«Чёрт!» – мысленно выругался я, взял ведро, вышел из комнаты в коридор и направился в сторону общего туалета. Вылил грязную воду в унитаз (хотя, не такая она и грязная была – так, чуток пыли и катышков с пола), сполоснул ведро и неторопливым шагом двинулся обратно, надеясь что-то придумать по пути.

Спойлер: ничего я не придумал...

– Всё, я готова! – объявила мне Светка, едва я показался на пороге комнаты, готовая к подвигам и при параде – в нарядном платье, с косынкой на голове и сияющей улыбкой на лице.

– Я не могу тебя взять, Свет, – покачал я головой.

– Почему? – насупилась девушка. – Если это из-за того, что было в лесочке, то забудь. Я уже забыла.

– Не поэтому. У меня дела. По работе. И это не просто работа, – понизил я голос и для большей убедительности глянул на дверь. – Это милицейская операция. Под прикрытием. Слышала о таких?

– Как в кино, что ли? – нахмурилась Светлана.

– Именно. Только по-настоящему. И я не могу брать с собой гражданских.

– Марина сказала, у тебя выходной, – упрямо насупилась блондинка.

– Марина ничего об этом не знает. Это секретная операция, – терпеливо пояснил я. – Никто о ней не знает и не должен знать. Я и так по шапке получу от начальства за то, что тебе разболтал...

– Значит, Марина будет ругаться, если узнает? – прищурившись с каким-то подвохом уточнила блондинка.

– Будет, – машинально признался я и тут же понял, что сболтнул лишнего. – Чёрт! Это шантаж, Свет.

– Пф! – фыркнула она. – Слово-то какое. Я таких даже не знаю. Ну и что? Едем? Обещаю вести себя тихо, как мышка.

– Све-ета-а... – простонал я.

– Я и Маринке ничего не скажу, – пообещала Светка и невинно захлопала глазками. – Если ты меня с собой возмёшь...

Вот же деревенская простота. С косой, с чемоданом сала и картошки, а хватка такая, что иной опер позавидует.

– Чтобы никому ни слова! – сдался я. – Всё, что увидишь или услышишь – секретная информация, которую ты тут же должна забыть! Поняла?

– Поняла! – радостно просияла девушка. – Твоего барбоса с собой берём? – кивнула она в сторону внимательно слушающегося к нашему разговору Тумана.

– Нет. Пусть квартиру охраняет. И это... – задумчиво протянул я.

– Что?

– Сейчас прокатимся немного по городу – покажу тебе быстренько фонтан, площадь, ЦУМ, накормлю мороженым, чтобы у тебя было алиби и ты могла Маринке хоть что-нибудь внятное соврать. У тебя деньги есть? – строго глянул я на девушку.

– Деньги? Зачем? – удивилась она.

– Ну мало ли, вдруг захочешь себе что-то купить.

– А! Есть, конечно, – Светка нырнула рукой за вырез платья, оттянула бюстгальтер и через секунду достала и продемонстрировала мне небольшую пачку сложенных пополам двадцатипятирублёвых купюр. – Вот. Триста рублей. Васька дал, сказал, чтобы я ни в чём себе не отказывала.

– Ого! Да за триста рублей можно мотоцикл купить, – слегка удивился я.

– Это вряд ли, – хмыкнула девушка. – Мы в прошлом году «Иж-Планету» за пятьсот пятьдесят брали.

– Но всё равно, – покачал я головой. – Хороший у тебя муж, Свет.

– Ага, – проворчала она, пряча пачку обратно. – Если бы ещё не гулял и не пил, цены бы ему не было.

– А ты всегда там деньги хранишь? – кивнул я на её декольте.

– Нет. Просто мы же уходим. Опасно их в комнате остав-

лять, вдруг украдут. У вас в городе вечно что-нибудь из квартир воруют.

– Это точно, – вздохнул я. – Ладно, если ты готова...

– Я готова! – словно пионерка, отчеканила Светка.

– Тогда поехали, – вздохнул я, отворяя дверь и выпуская из квартиры свою тётушку. – А ты, блохастый, – потрепал я пса по загривку, – охраняй дом в наше отсутствие. И не вздумай спать на моей кровати! Понял?

Туман виновато отвёл взгляд в сторону, изобразил самое невинное выражение на своей морде и прикрылся лапой, спрятавшись от меня. Дилетант! Он думал, я его не вижу, если он не видит меня? Да уж...

Я ещё раз окинул комнату взглядом, прикинув, ничего ли я не забыл, вышел следом за девушкой, закрыл дверь на ключ и двинулся в сторону лестницы...

– Доброе утро, Андрюшенька, – ласково поприветствовала меня и хитро прищурилась сидевшая на лавочке возле подъезда старушка, внимательным и цепким взглядом пройдясь по стройной фигурке Светки.

– Доброе утро, баб Маш! – кивнул я в ответ.

– А Мариночка знает, что к тебе в гости шаландаются молодые мандаво... кхм... девчушки, пока её нет дома? – вкрадчиво, приторно-ласковым голосом поинтересовалась она.

– Я сестра Марины, – ответила за меня Света. – Приехала погостить на несколько дней к молодожёнам и город за-

одно посмотреть. Вот сейчас Андрей везёт меня как раз на экскурсию...

— Ну-ну, — скептически скривилась старушка, скорее всего не поверив ни единому слову девушки, проводила нас недовольным взглядом, проворно подскочила со скамьи и поковыляла к соседней пятиэтажке, наверняка торопясь рассказать подружкам и соседкам о творящемся в нашей общаге разврате, безнравственности и падении морали. В её время такого, поди, не было...

Мы подошли к автомобилю, я открыл перед Светкой дверь, дождался, пока она усядется, сел за руль, завёл двигатель и повёз свою будущую тётушку по городу...

Первым пунктом в списке достопримечательностей стояла центральная площадь. Мы прогулялись вдоль сквера, кинули монетки в фонтан, я купил ей мороженое в вафельном стаканчике, как и обещал, и минут десять терпеливо слушал восторженные комментарии про то, какие в городе красивые клумбы, какие высокие дома, как много людей ходит туда-сюда без всякого дела, как мы тут выживаем, в этих бетонных джунглях, не путаемся в названиях улиц, номерах маршрутов автобусов и троллейбусов, да и как вообще живём в этих душных пятиэтажных коробках...

То ли дело в селе — одна улица, один магазин, один транспорт, одна дорога на ферму и обратно, одна школа и один сельсовет... Всё просто и понятно...

После мороженого мы немного прогулялись по парку, и я,

честно отработав первую часть культурной программы, повёз Светку в ЦУМ...

Войдя в прохладное и строгое помещение огромного магазина с пятиметровыми потолками, Света растерянно притихла, крепче схватила меня за руку, боясь заблудиться и потеряться, и принялась с плохо скрываемым восторгом разглядывать стеклянные витрины, отделы с яркими люстрами и блестящей хромом посудой, нарядных людей и продавщиц с постными лицами...

– Это что такое?! – отойдя от первого шока, она тут же получила ещё один, застыла на месте и крепко сжала мою ладонь в своей. – Самодвижная лестница?

– Эскалатор, – не смог я сдержать улыбки, глядя на смешно морщащую лоб девушку.

– Он сам едет? – недоверчиво уточнила она.

– Сам.

– И людей везёт?

– Как видишь, – кивнул я, проследив вместе с ней за маленькой девочкой и её мамой, смело шагнувшими на ступеньку и медленно поехавшими наверх.

– А мы тоже можем прокатиться? Билет нужно в кассе покупать? – растерянno глянула она по сторонам.

– Можем. Билет не нужен, – коротко ответил я и потянул девушку за собой: – Идём...

На первую ступеньку Светка наступила с таким видом, будто входила на борт космического корабля, тут же испу-

ганно пискнула, покачнулась, с трудом удержав равновесие, вцепилась мне в руку, прижалась к моему плечу своим пышным сельским бюстом и замерла, боясь пошевелиться...

– Перепрыгивай! – скомандовал я на самом верху, переступил порог и дёрнул Светку на себя, поймал её, крепко сжал в объятиях и ощутил, как торопливо бьётся её сердечко в груди. – Один мальчик так зазевался и его утянуло в щель, – поучительным тоном произнёс я.

– Серьёзно? – с ужасом пробормотала она.

– Угу, – подтвердил я.

– Мамочки! Страшно-то как! – выдохнула блондинка, не отпуская мою руку, тяжело дыша и восторженно глядя на меня. – Давай ещё!

– Свет, мы не на карусели.

– Ну пожалуйста! – жалобно заканючила она.

Пришлось прокатиться на эскалаторе ещё три раза. Да уж. Давненько я не видел такого восторга. Как будто мы не на обычном эскалаторе проехали каких-то десять метров, а пережили мёртвую петлю и свободное падение с двухсотметровой высоты на американских горках.

Закончив с аттракционом на эскалаторе, мы поднялись на третий этаж в отделы одежды и неторопливым шагом двинулись по длинному коридору.

От обилия вещей и ассортимента у Светки глаза разбегались во все стороны. Она постоянно тянула меня за руку то к одному прилавку, то к другому, тыкала пальцем в платья,

кофточки, платки, чулки, задавала вопросы продавщицам, а те смотрели на нас слегка свысока, как на парочку деревенщин, случайно добравшихся до столичного бутика. Хотя, если подумать, именно такие деревенщины им здесь половину выручки и делали...

В отделе нижнего белья Светка застряла окончательно, замерев со смешно приоткрытым от восторга ротиком у стекла, отделяющего коридор от царства кружев...

– Можно я гляну? – робко спросила она у меня.

– Конечно, можно, – по-джентльменски разрешил я. – Деньги-то твои.

Света вошла в приоткрытые стеклянные двери, подошла к прилавку и принялась внимательно изучать монументальный и утилитарный ассортимент советской лёгкой промышленности с грубыми швами и лежащие рядами белые, телесные, плотные, грубоватые, с широкими лямками бюстгалтеры, прочные настолько, что их, наверное, можно было использовать альпинистам вместо страховочного троса.

Стоило это чудо советской промышленности от рубля с копейками до трёх, сносу им явно не было, но эстетика в этом отделе умерла ещё сразу после революции и воскресать явно не собиралась.

– А чего-нибудь поинтереснее у вас не бывает? – наконец произнесла Света, изучив явно не впечатлившие её изделия из плотного хлопка, сатина и бязи с этикетками фабрик «Чёрмушки» и «Работница».

– Бывает югославское и венгерское бельё, – равнодушно вздохнула продавщица, – но его быстро разбирают.

– И всё?

– Есть импортные кружевные гарнитуры – комплект из бюстгальтера и трусиков, в коробочке. Производство ГДР, – прогундосила явно не заинтересованная в продажах тётка. – Стоит двадцать пять рублей за комплект.

– Ну давайте гляну, что там немчура пошила, – заметно оживилась моя блондинка.

– Двадцать пять рублей, – напомнила продавщица, слегка возмущённо вздёрнув нарисованные карандашом брови.

– Я не глухая, – недовольно нахмурилась Светка. – Показывай.

Продавщица недовольно скривила губы, секунду помедлила и всё же нырнула под стойку. Достала из-под прилавка несколько коробок, разложила их на витрине и выжидающе посмотрела на покупательницу.

– Ого-го... – почти благоговейно произнесла Света, достав из первой коробки тонкий кружевной комплект. – Это мой размер?

– Твой.

– Отлично! А примерочная у вас тут есть?

– Вон там, – кивнула продавщица в сторону занавески в противоположном углу отдела. – Только осторожнее, товар импортный! – торопливо добавила она.

– Идём, – Светка сгребла коробки в охапку, схватила меня

за руку и потащила за собой.

– А я тебе зачем? – успел возмутиться я.

– А кто мне скажет, идёт мне или нет?

– Я?

– Ты! Да не бойся, я не кусаюсь, – успокоила меня блондинка.

– У нас вдвоём нельзя в примерочную! – выкрикнула нам вслед продавщица.

– Да я одна мерить буду, он только посмотрит, не переживай, – шаловливо хихикнула Светка, втолкала меня в небольшую кабинку, втиснулась следом, задёрнула за собой шторку и принялась раздеваться прямо при мне...

Торопливо скинула платье, повесив его на крючок, стянула косынку, распустила волосы и несколько секунд покрасовалась перед большим зеркалом на стене.

С благоговением достала немецкий комплект белья из коробки, приложила бюстгальтер к своей пышной груди, вздохнула, косо глянула на меня через зеркало и решительно стянула с себя старый лифчик, прикрыв тяжело качнувшуюся грудь рукой.

– Ой, какие мы стеснительные, – усмехнулась она, заметив мой отвёрнутый к стене взгляд.

– Маринка меня точно убьёт, – вздохнул я.

– Ага! – радостно подтвердила Светка, ловко накинула на плечи бретельки и втиснула грудь в чашечки немецкого бюстгальтера. – Застегни, пожалуйста...

Я застегнул застёжки у неё на спине, сделал шаг назад и оценивающе посмотрел на девушку.

– Отвернись! – скомандовала блондинка, дождалась, пока я прикрою глаза и зашуршала тканью. – Ну? – нетерпеливо произнесла она через секунду, покрутившись вокруг своей оси и продемонстрировав мне полноценный комплект нижнего белья со всех сторон. – Что скажешь?

Да уж...

Белый кружевной комплект сидел на ней так, словно был пошит под заказ в лучшем французском доме моды. Приятная шелковистая ткань мягко обхватывала грудь, бретельки не врезались в плечи, сквозь тонкие кружевные чашечки слегка просвечивали тёмные ареолы сосков, а трусики выгодно подчёркивали талию, делая её визуально ещё тоньше.

– Шикарно, – честно признался я. – А ты точно двух детей родила? По тебе и не скажешь.

– Точно, – гордо заявила Светка, приподняв грудь ладонями. – Лично вот этой грудью выкормила.

– Ну, про грудь у меня вопросов как раз нет, – хмыкнул я.

Светка довольно улыбнулась, ещё пару минут покрутилась перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон и ничуть не смущаясь меня, раскрыла следующую коробку, открыла и принялась примерять второй комплект белья, уже в строгом чёрном цвете...

– Вот блин... И что делать? – растерянно пробормотала она спустя несколько минут, уставившись в зеркало на идеально сидевшее на её фигурке чёрное бельё.

– Что тебя смущает? Цвет? Фасон?

– Да не... Мне оба нравятся. И белый, и чёрный. Хотя... – задумчиво нахмурилась она и тут же радостно просияла: – А, ладно! Один раз живём. Возьму оба.

– Разумно, – кивнул я. – Особенно если Васька велел ни в чём себе не отказывать.

– Вот именно! – мстительно хмыкнула девушка и приня-

лась переодеваться...

Из примерочной мы вышли минут через пять, проведя там в общей сложности почти полчаса. Светка подошла к продавщице со слегка надменным и деловым видом, положила коробки на прилавок и коротко произнесла:

– Я возьму этот и этот. И ещё... – на миг задумчиво приоткрыла она и через секунду продолжила: – И мне нужна ещё пара комплектов – на троечку, сорок четвёртый размер.

– То есть, всего вам нужно четыре комплекта? – удивлённо уточнила продавщица.

– Всё верно, – подтвердила Света, тётка пару раз моргнула и через секунду исчезла под прилавком.

– А ещё два ты кому берёшь? – насторожился я.

– Твоей Маринке, – усмехнулась Светка.

– Уверена? Это дорого. Да и я не уверен, что это её размер.

– Тю! С размером я точно попала, можешь не переживать, – отмахнулась Светка. – Девушки в таком разбираются.

– Угу. Если они так разбираются, почему тогда в примерочных по три часа проводят? – проворчал я.

– Чтобы вы, мужики, с ума сходили, – невозмутимо парировала блондинка. – И за цену даже не думай заикаться! Будем считать, это Маринке подарок на свадьбу. У неё, поди, такого белья нет?

– Нет, – признал я. – Наверное...

– Ну вот. Шикарный ведь подарок?

– Шикарный.

– Вот, ещё два гарнира, – вынырнув из-под прилавка с учтивой улыбкой на лице, проворковала продавщица. – Что-то ещё?

– Да. Вот тот шарфик, – кивнула Светка на явно приглянувшийся ей югославский шарфик за двенадцать рублей за спиной продавщицы. – И... и, пожалуй, всё. Сколько с меня?

– Сто двенадцать рублей.

– Хорошо, – кивнула девушка, расплатилась, сунула мне подмышку коробки с женским бельём, схватила за руку и с донельзя довольным видом потянула меня к выходу.

– Ты вообще понимаешь, что спустила сейчас в магазине месячную зарплату? – усмехнулся я.

– Угу... Зато, у нас теперь есть железное алиби для Маринки – она точно поверит, что мы с тобой провели полдня в магазине.

– Хм... Об этом я не подумал, – признал я.

– О! Прокатимся ещё разок на экскаваторе напоследок? – снова потянула она меня в сторону лестницы.

– Эскалаторе, – на автомате поправил я...

Мы ещё пару раз проехали на эскалаторе, съели мороженое в кафетерии и через полчаса покинули прохладное здание ЦУМа...

– Как же у вас классно в городе, – призналась мне Светка на улице, спускаясь по широким ступеням универмага. – У нас в селе ни мороженого нормально поесть, ни белья хорошего купить. Не, мороженое в сельпо привозят, но редко, и

оно уже не такое... Зато у нас дискотеки в клубе знаешь какие устраивают? – тут же нашла она плюсы в своём мирке.

– С мордобоем и кровопусканием? – уточнил я.

– Ага! – радостно подтвердила Светка. – Ну что, куда едем дальше?

Я глянул на часы, потом на её счастливую физиономию, потом на коробки с немецким кружевом и тяжело вздохнул. Да уж... Прогулялись. Уже начало второго...

– Дальше, гражданка Светлана Минаева, мы едем на дело... Ты есть не хочешь? – вспомнил я про обед и поинтересовался на всякий случай у девушки.

– Ну... – наморщила она свой лобик. – Можно...

– Ладно, поехали перекусим, а потом уже поедем по делу.

– По секретному? – уточнила блондинка.

– По секретному, – подтвердил я.

ГЛАВА 10 – «ФОТОАТЕЛЬЕ»

Мы заехали в самую обычную городскую столовую № 7 недалеко от ЦУМа, взяли суп с клёцками, котлеты с картофельным пюре и по стакану чая, заплатили за всё один рубль шесть копеек и уселись за круглый столик у окна. Я порасспрашивал Светку о жизни в селе, помимо своей воли узнал от неё свежие сельские новости, кто кому с кем изменяет, кто у кого подворовывает и кто кому завидует. Она пригласила нас с Маринкой в гости, но ближе к концу осени, когда у них работы будет поменьше, обещала показать мне хозяйство и сеновал... вот тут я не понял, шутила она или нет... и взяла с меня обещание приехать.

Да уж, даже не знаю, как отец потом будет всё это расхлёбывать после меня. Хотя, будет хорошо, если вообще будет это «после меня»...

Через четверть часа я вымакал хлебом подливку от котлеты с тарелки, запил чаем, поднялся из-за стола, и мы двинулись к выходу. Сели в припаркованный неподалёку от столовой служебный автомобиль и поехали на другой конец города по нужному мне адресу.

А нужно мне было фотоателье № 5. Самое обычное фотоателье, которое располагалось в старом двухэтажном доме на улице Металлистов, возле остановки троллейбуса и маленького сквера.

В советском городе фотоателье было местом почти сакральным. Здесь фотографировались на паспорт, на студенческий билет, на комсомольскую книжку, на доску почёта, на память перед армией, перед свадьбой, после свадьбы и иногда просто потому, что у девушки наконец-то появилась новая кофточка, которую нельзя было не увековечить для потомков. Сюда приходили семьями, парами, классами, бригадами, нервно поправляли воротнички, приглаживали волосы, улыбались по команде и верили, что за чёрной тканью, штативом, лампами и запахом проявителя скрывается не просто ремесленник, а почти волшебник, способный сделать человека чуть красивее, чем он был на самом деле.

Впрочем, это уже совсем другая история...

Мне фотоателье № 5 было нужно несколько по другой причине. Именно в этом ателье работал один из известных мне маньяков Орловской дюжины – Колесник Игорь Васильевич. Тихий, неприметный мужчина сорока лет, с лысиной, вежливым голосом и любезной улыбкой. Обычный такой советский мужичок, которому доверили бы сфотографировать класс, свадьбу, передовика производства или сделать семейную фотографию...

Колесник начинал свою деятельность ещё в середине семидесятых, и я сейчас говорю не о фотографии, а о второй его страсти, более тёмной и неизвестной никому.

Он был... хотя почему был? Он и сейчас официальный фотограф на мероприятиях, в школах и училищах. Он регу-

лярно ездит по учебным заведениям Орла, делает групповые снимки для выпускных альбомов и досок почёта. Его хорошо знают и учителя, и директора, и даже в райкоме комсомола. Он был свой, о нём хорошо отзывались. Ну ещё бы – непьющий, тихий, спокойный, уравновешенный, ответственный и надёжный.

Схема у этого «ответственного и надёжного» была до обращения простая. По работе, часто общаясь со студентками медучилища или пединститута, он заранее присматривал и выбирал свою жертву. Не младше семнадцати, не старше девятнадцати, комсомолку, спортсменку, отличницу, участницу самодеятельности. Возраст вроде и взрослый, но девушки даже в девятнадцать ещё достаточно наивные, чтобы поверить взрослому и хорошо знакомому мужчине.

Он говорил им про «кинематографичную, необычную внешность» и предлагал сделать бесплатные профессиональные портреты в его студии после закрытия ателье, когда никто не будет мешать и можно нормально выставить свет, а наивные девушки охотно шли на это, мечтая о красивых карточках и карьере манекенщицы...

А потом пропадали.

Пропадали они с семьдесят пятого аж до девяносто пятого года. Двадцать лет...

Тварь!

Ещё и фетиш у него был особый – красный пионерский галстук, который находили на его последних жертвах. Не по-

тому, что девушки были пионерками – как раз нет, возраст у них был уже другой, комсомольский, взрослый по советским меркам. Просто ему нравилось душить своих жертв пионерским галстуком...

Я припарковал «копейку» через дорогу от ателье, так, чтобы видеть центральный вход издалека, заглушил двигатель, мельком глянул на Светку, притихшую на переднем пассажирском сиденье и явно почувствовавшую всю серьёзность нашей «секретной операции», и снова задумался.

Двадцать лет. Его не могли поймать двадцать лет. Да и не ловили толком, если честно. Тела долго не находили, девушки числились пропавшими без вести – кто-то якобы сбежал из дома после ссоры с родителями, кто-то связался с плохой компанией, кто-то просто бесследно растворился между вокзалом, общежитием и родительским селом. То ли Колеснику так везло, то ли он специально подбирал таких...

Пару раз его опрашивали как свидетеля, и он охотно помогал следствию, делился снимками, вспоминал даты, время, называл фамилии и всеми силами показывал сострадание и изображал добропорядочного гражданина.

Мудак!

А в начале девяностых милиции вообще стало не до него. Страна трещала по швам и разваливалась на республики, люди пропадали пачками уже не только из-за маньяков, и руки у тихого фотографа из старого ателье развязались на полную катушку...

Всерьёз им заинтересовались снова лишь в девяносто пятом, когда нашли сразу несколько тел, его визитку у одной из жертв и следы, которые новая экспертиза уже могла связать с конкретным человеком. Слишком уж эта падла расслабилась за годы безнаказанности и слишком поверила в то, что советская система, которая не смогла поймать его двадцать лет, уже никогда до него не дотянется.

Официально на его руках числилась кровь трёх десятков жертв, но на самом деле, я был уверен в этом, их было в разы больше...

– Ну и что мы тут делаем? – спустя несколько минут не выдержала Светка, устав сидеть в засаде, нарушила молчание и покрутила головой по сторонам.

– Наблюдаем.

– За кем?

– За вон тем типом, – кивнул я на мужчину, как раз вышедшего покурить на крыльцо фотоателье. – Колесник Игорь Васильевич. Очень плохой человек.

– Американский шпион? – с ужасом в голосе прошептала девушка.

– Не настолько плохой, – усмехнулся я. – Всего лишь маньяк.

– Маньяк? – недоумённо нахмурилась моя напарница.

– Убийца. Он девушек убивает в свободное от работы время. Хобби у него такое. У кого-то самолётики клеить или марки собирать, а у этого – убивать...

– И он не в тюрьме? – удивилась Светка.

– Угу... Нет улик, нет свидетелей, нет никаких доказательств, – перечислил я. – И пока этого всего нет, он будет на свободе.

– Вот чёрт... – Светка осторожно выглянула из-за моего плеча в боковое окно, внимательно оглядела фотографа с ног до головы и спустя несколько секунд откинулась обратно на спинку своего сиденья. – А с виду так не скажешь. Вполне обычный мужик.

– А ты думала, у него на лбу написано будет, что он убийца? – хмыкнул я, осторожно скосил взгляд вбок и тожеглянул на нашего подопечного...

Чёрт... На фотографии в деле он был лет на пятнадцать старше – рыхлее, тяжелее, с мешками под глазами и почти лысый. А сейчас на противоположной стороне улицы стоял обычный сорокалетний мужик в сером пиджаке, с редкими волосами, модными усами и лицом человека, которому можно спокойно доверить проводить поздно вечером девушку до дома.

На какой-то миг я даже засомневался, он ли это... Но пригляделся повнимательнее, заметил бегающий хитрый взгляд и какие-то нечеловеческие, звериные черты в мимике и жестах, и успокоился. Он... Это он, голубчик...

Девушка справа от меня поёрзала на сиденье, тяжело вздохнула и, видимо, заскучала. Не знаю, чего она ждала. Погони, стрельбы или драк с бандитами. А может всего сра-

зу. Но простого сидения в авто и наблюдения явно не было в её фантазиях о тайной работе милиции...

– Слушай, Андрюш... А где ты так... кхм... целоваться научился? – задала мне Светка самый будничный и вот вообще не своевременный вопрос, никак не подходящий сейчас ни под атмосферу, ни под ситуацию в целом. Наверное, только она так могла.

– Что? – на всякий случай решил уточнить я.

– Ну... – она едва заметно смутилась. – Целоваться ты где так хорошо научился?

– Ты же сказала, что забыла о том, что было по пути с железнодорожного вокзала? – напомнил я.

– Ну... может, и забыла, а может, и нет, – невинно пожала она плечами и тут же хитро улыбнулась. – Я девушка, мне простительно.

– Ты тоже очень хорошо... кхм... целуешься, – польстил я в ответ.

– Да у меня это с восьмого класса, – легкомысленно отмахнулась блондинка. – У меня как грудь выросла в пятнадцать лет, так я готова была целоваться хоть всю ночь напролёт... Раз за разом... – вздохнула она и тут же покраснела, поняв, что сболтнула лишнего. – Слушай, а как так получилось, что ты на третий день после свадьбы уже был на работе? – попыталась она перевести тему.

– Я и в первый день уже был. Это у вас в селе неделю свадьбу гуляют, а у нас в городе с этим проще – расписался,

посидел в столовой, а утром уже как штык на рабочем месте.

– Да уж... – Светка тяжело вздохнула. – Невесело у вас.

Я согласно кивнул, задумчиво побарабанил пальцами по рулю и нетерпеливо глянул на часы. Время играет не на моей стороне. У нормального расследования были бы недели или даже месяцы, была прослушка, наружка, базы, ресурсы, люди... А у меня был я и Светка, было три месяца, двенадцать фамилий убийц и слишком много трупов, о которых я знал, но рассказать никому не мог. И труп моего отца в недалёкой перспективе... Нужно что-то делать, а не просто наблюдать со стороны...

– Что? – насторожилась Светка, наверняка заметив мой хмурый задумчивый вид.

– Да ничего... Думаю, как его ловить, – честно признался я. – Каждый день следить за ним и ждать, пока он найдёт себе новую жертву, чтобы поймать на горячем – не вариант.

– Угу... – согласилась со мной блондинка. – А если ты прозеваешь или недоглядишь, если он убьёт как раз тогда, когда ты не будешь за ним наблюдать, то ему снова сойдёт это с рук... – подлила она масла в огонь.

– Именно...

– Я могу помочь.

– Ты? – удивился я, глянув на девушку.

– Ага. Давай поймаем его на живца. Я в одном французском фильме у нас в клубе видела – там девушку подсылали к убийце, она его соблазняла, а когда он хотел её убить, его

арестовали.

– Ага, – хмыкнул я. – А я в одном французском фильме видел, как жандармы не успели вовремя и эту дурочку убили. Маринка после такого заодно и меня убьёт, за то, что не углядел за её сестрой. Я не готов так рисковать.

– Хм... Ну так то ж в фильме, – резонно заметила блондинка. – А если мы всё аккуратно сделаем?

– Нет, – категорично покачал я головой.

– Почему это сразу нет? – насупилась Светка.

– Потому! – отрезал я и через пару секунд добавил: – Да и ты всё равно не в его вкусе.

– Эй! – возмутилась Светка. – Чего это я не в его вкусе?

– Он убивает студенток, а ты точно на студентку не выглядишь... Мне нужно не ловить его на живца, а как-то незаметно провести обыск у него в ателье... – задумчиво проворковал я.

– Чтобы он не узнал об этом? – уточнила Светка.

– Угу...

– Я могу отвлечь его. Это не то же самое, – торопливо добавила она. – Просто отвлечь, заговорить зубы. Я умею!

– Хм... – хмыкнул я и глянул на Светку.

– Что? – насторожилась она.

– Да ничего. Не похожа ты на студентку, я же говорю. Студентка бы его точно отвлекла. Хотя...

Я перегнулся назад, порылся между сиденьями, вытащил старый кожаный пустой портфель, который, видимо, забыл

в машине прежний хозяин, наклонился к Светке, расстегнул верхнюю пуговицу на её платье, ещё больше открыв верх груди, сдавленной тесноватым бюстгальтером, и скептически оглядел свою напарницу...

– Волосы заплети в две косички, – распорядился я.

– Чего?

– Волосы, говорю, заплети в две дурацкие косички.

– Командир нашёлся, – проворчала блондинка, но послушно сняла косынку, распустила волосы и начала плести две косы, недовольно посматривая на меня... – Ну как? – кокетливо похлопав глазками, поинтересовалась она спустя пару минут, закончив с волосами.

– Пока не знаю... – неуверенно протянул я и кивнул в сторону бардачка на приборной панели. – Глянь, может там ещё что-то полезное есть...

– Есть какие-то предохранители, лампочки... изолента, отвёртка... – принялась перечислять Светка, склонившись над бардачком, – складной нож ещё, манометр...

– Манометр? – удивился я. – Ты знаешь, что такое манометр?

– Пф-ф! – фыркнула девушка. – У меня муж тракторист. Конечно знаю! Я и колесо сама поменять могу, и подкачать, если нужно... Тут есть ещё карта области, «Устав ВЛКСМ» и «Моральный кодекс строителя коммунизма», – прочитала она название с небольшой цветной брошюрки и вопросительно посмотрела на меня. – Не нужно?

– Нет.

– Ну и ладно... Значки ещё какие-то есть... – звякнула Светка металлом в бардачке, запустив руки поглубже. – Ай! Укололась, блин...

– Что за значки?

– Сейчас... – выгребла она из бардачка несколько разноцветных алюминиевых эмблем и разложила их на ладони. – Готов к труду и обороне с единичкой и двоечкой, воин-спортсмен и комсомольский ещё.

– О! Отлично! Давай его сюда.

– Комсомольский? – уточнила Светка.

– Угу.

– Держи, – сунула она мне в руку значок с красным флагом и золотым изображением вождя, и ссыпала лишние обратно, хлопнув бардачок.

– Та-а-ак... – протянул я, наклонившись к девушке и пытаясь прицепить значок к её платью.

– Осторожно, сию мне не проткни своей иглой! – проворчала блондинка, внимательно наблюдая за моими манипуляциями.

– А что, боишься, молоко потечёт?

– Дурак ты, Андрей! Обидно, между прочим, – обиженно насупилась она. – Я же не корова какая.

– Ну прости... Просто пытался разрядить обстановку.

– Ладно, уже простила... – сжалилась девушка надо мной.

– Только мороженое мне купишь фруктовое в знак извине-

ний.

– Идёт, – легко согласился я, прицепил значок, отстригся и критическим взглядом посмотрел на свою напарницу. – Хм... Ну ничего так. Сбитые коленки, комсомольский значок, портфель, косички... Похожа на слегка перезрелую старшеклассницу.

– Сам ты перезрелый! – огрызнулась блондинка. – Я в десятом классе, между прочим, точно так же выглядела. Ну, может, грудь всего на размер поменьше была.

– Да? – удивился я.

– Да!

– Тогда это хорошо.

– Это ещё почему?

– Потому что сейчас ты будешь не Светланой Минаевой, замужней женщиной, матерью двоих детей и грозой сельского клуба, а девочкой из района, которая приехала к тётке в Орёл и собирается поступать в медучилище.

– В медучилище? – Светка с сомнением покосилась на меня. – А если он спросит что-нибудь умное, а я ни бум-бум?

– Скажешь, что только думаешь поступать. Это будет твоя легенда.

– Как в шпионских фильмах?

– Именно. Ты простая девушка из маленького села, тебе нужны фотокарточки на документы для поступления в училище. Ты пока не готова делать фотографии, просто прицениваешься. Поболтаешь с ним, поохаеть – ты это умеешь.

Спросишь, сколько стоит сделать фото, как долго делается, можно ли дешевле, потому что ты голодная будущая студентка и денег у тебя мало. Твоя задача – вытащить его на улицу, заболтать и продержаться пять минут.

– А на какого врача я хочу пойти учиться?

– Это важно?

– Ну мало ли, – пожала она плечами. – Вдруг он спросит. Что мне говорить?

– Скажи... – я на миг задумался. – Что будешь учиться на медсестру или акушерку. В училище на врачей не учат.

– Точно! – восторженно произнесла блондинка. – А если он меня решит того? Убить! Ты меня спасёшь?

– За это можешь не переживать. Он настолько трусливый, что ни за что не решится напасть на тебя среди бела дня. Кишка у него тонка. Такие могут только по темноте, один на один нападать. Но если что, знай – я всегда рядом.

– Поняла, – серьёзным видом кивнула Света.

– Готова?

– Блин... страшно-то как, – честно призналась она, попыталась улыбнуться и продемонстрировала мне свои раскрытые ладони. – У меня аж ладошки взмокли.

– Можем всё отменить. Я сам справлюсь.

– Ну уж нет, – упрямо мотнула моя тётушка головой. – Я хочу помочь. Честное слово! – насупилась она, поймав на себе мой внимательный взгляд. – Я готова!

– Хорошо, – вздохнул я. – Тогда идём.

Я выбрался из машины, помог выйти девушке, сунул ей в руку старенький кожаный портфель, взял её слегка влажную ладошку в свою, коротко глянул по сторонам, дождался, по-

ка мимо нас проедет троллейбус, и потянул Светку за собой, перебегая дорогу...

Мы подошли к фотоателье, я выпустил ладонь Светки из своей руки, кивнул ей на вход и ободряюще улыбнулся. Проводил взглядом её ладную фигурку, скрывшуюся внутри ателье, задержался на секунду у витрины с выцветшими свадебными фотографиями и неторопливым шагом прошёл мимо дверей чуточку дальше. Небрежно прислонился плечом к кирпичной стене в нескольких метрах от входа и со скучающим видом тунеядца принялся поглядывать по сторонам...

Минуты через две из фотоателье вывалилась Светка на пару с гражданином Колесником. Она что-то быстро тараторила ему, щебетала, улыбалась, то прижимала портфель к груди, то показывала рукой куда-то в сторону остановки, то объясняла, какой замечательной акушеркой станет, когда отучится в медучилище...

Колесник с глупым выражением на лице кивал, делал вид, что внимательно слушает щебетание девушки, беззастенчиво пялился в декольте юной комсомолки и пускал слюни, не замечая ничего вокруг.

Да уж. Маньяки в этом времени совсем непуганные. Впрочем, как и остальные граждане.

Я дождался момента, когда Светка, изображая растерянность и сельскую непосредственность, повернулась к улице и потянула Колесника на полшага дальше от двери, скользнул у него за спиной внутрь ателье и быстро огляделся.

Обычный зал. Паркет на полу, обитые деревянными панелями стены, потёртый прилавок, десяток рамок с образцами портретов, прејскурант с ценами и лёгкий запах химии и реактивов. Никого из сотрудников внутри не было, видимо, Колесник справлялся со всем сам. Хотя, зная его хобби, это было не удивительно – лишние глаза и уши в ателье ему попросту не нужны...

Я бесшумно проскользнул за стойку, нажал на ручку двери с табличкой «Посторонним вход воспрещён», сделал шаг и оказался в тесной лаборатории с горящей красным светом лампой под потолком и обитыми такими же как и остальная часть ателье деревянными панелями стенами. На широкой рабочей столешнице стоял большой советский фотоувеличитель и ванночки для проявителя и закрепителя, в противоположном углу виднелась раковина с ржавыми потёками, а рядом стоял небольшой шкаф с открытыми полками, коробками, баночками и бумажными пакетами с химическими реактивами.

Я торопливо оглянулся, проверяя, всё ли в порядке у Светки и справляется ли она с возложенной на неё ответственной миссией по отвлечению подозреваемого, заметил две фигуры в окне, услышал звонкий голосок девушки и мысленно кивнул сам себе. Ну-с... приступим.

Достал из кармана носовой платок и принялся аккуратно и методично осматривать комнату, используя платок в качестве перчатки. Тщательно проверил ящики в столе, полки,

тумбу под раковиной и коробки, осмотрел несколько негативов, закатившихся в дальний конец одного из ящиков, перебрал и бегло просмотрел пару фотоальбомов...

Ничего.

На секунду замер, снова прислушавшись к звонкому голосу Светки, доносящемуся с улицы, и ещё раз внимательно оглядел лабораторию, освещённую противным красным светом лампы. Времени на всё про всё оставалось не так уж и много...

По-хорошему, я вообще не должен был тут находиться. В идеале, нужно было установить наблюдение за Колесником, узнать его привычки, поднять список пропавших, опросить друзей и родственников, собрать доказательную базу, проверить алиби и лишь потом приходить с официальным обыском.

Было бы у меня больше времени, а не жалкие три месяца на двенадцать маньяков, я бы именно так и поступил – по всем правилам, чтобы ни один адвокат не завернул дело и ни один судья не отправил обвиняемого на свободу только потому, что следователь нарушил процедуру.

Но у меня просто нет этого времени. Поэтому мне нужно действовать вот так – нагло, нахрапом, но при этом аккуратно, стараясь не попасться, не наследить и не испортить возможные улики. Только вот где те улики?

Я подошёл к стене, простучал возле раковины и двинулся по кругу, то поднимаясь выше, то опускаясь до самого

плинтуса. Примерно через минуту деревянная панель на стене отозвалась глухим эхом, и я замер, внимательно всматриваясь в щели между деревянными планками. Вот ты где... Чёрт, а ведь сразу так и не найдёшь, если не знать, что искать...

Фальшпанель была сделана аккуратно, я бы даже сказал, почти идеально. Лишь в одном месте щель была чуть шире и виднелась небольшая вмятина на дереве, то ли от постоянного использования отвёртки в виде рычага, то ли ещё от чего.

Я торопливо вытащил из кармана небольшую связку ключей от комнаты в общежитии, сунул кончик плоского ключа в щель и осторожно поддел край панели. Поймал легко поддавшийся деревянный прямоугольник, осторожно положил его на стол и заглянул в небольшое углубление в стене...

Бинго! У нас тут джекпот, товарищи!

В квадратном отсеке, размером сантиметров сорок на сорок и глубиной в сантиметров двадцать, лежала небольшая стопка студенческих билетов, комсомольские книжки, несколько наручных часов с тонкими женскими ремешками, заколки, цепочки, пара колец и серёжек, небольшая коробка с проявленной плёнкой и пачка чёрно-белых фотографий с обнажёнными, чаще всего связанными девушками, на которых из одежды был лишь серый пионерский галстук... Сука!

На секунду я просто замер с пачкой фотографий в руках. Хотелось просто выбежать из этой комнаты, выйти на ули-

цу, подойти к фотографу, сделавшему эти снимки, положить ему руки на шею и свернуть её с приятным хрустом, несовместимым с жизнью...

Нельзя. Не сейчас. Я и так сделал самое главное – нашёл улики. Для любого советского опера эта гора документов пропавших девушек, личных вещей, украшений, негативов и фотографий была не уликой, а приговором. С такой коллекцией Колесник уже не выкрутится и никуда не денется. Это вышка. Без вариантов.

Я набрал побольше воздуха в лёгкие, выдохнул, сложил всё найденное обратно, аккуратно вернул фальшпанель на место, на всякий случай протёр платком в тех местах, где я ненароком мог оставить свои «пальчики», развернулся и двинулся на выход...

Светка всё так же весело щебетала на улице с фотографом, прохожие шли мимо, даже не подозревая о том, что периодически творится в этом ателье после закрытия и какие секреты оно хранит, воробушки возле бордюра беззаботно купались в пыли... Жизнь в городе шла своим чередом.

Я незаметно выскользнул из двери за спиной Колесника, встретился взглядом со своей напарницей, кивнул ей и неторопливым шагом направился к ближайшему таксофону на углу. Пора сделать один короткий, но очень важный звонок...

Я дошёл до перекрёстка, подошёл к висевшему на стене здания таксофону, снял трубку и набрал номер «02»...

– Дежурная часть УВД, капитан Воробьёв слушает, – недовольно произнёс уставший мужской голос, раздавшийся после третьего гудка.

– Товарищ начальник, тут такое дело... – я заговорил быстро и сбивчиво, стараясь изобразить взволнованного и обеспокоенного советского гражданина. – В фотоателье номер пять, на Металлистов, фотограф Колесник после закрытия штампует на государственном оборудовании порнографию – непристойные календари с голыми заграничными актрисами, и продаёт их из-под полы. Негативы, карточки и деньги он прячет в лаборатории, за фальшпанелью на стене. Проверите – сами всё найдёте.

– Кто говорит? – насторожился мужчина на другом конце телефонного провода.

– Бдительный гражданин.

– Представьтесь, гражданин! – раздражённо буркнул капитан милиции. – Фамилия, адрес...

– Простите, связь пропадает... Кхш-ш-ш... Кхш-ш-ш... – зашипел я в микрофон. – Помехи... Кхш-ш-ш... Я вас не слы...

Я повесил трубку, воровато огляделся, незаметно протёр платком свои отпечатки с телефонного аппарата и двинулся к служебному автомобилю...

Да, как ни странно, милиция этого времени охотнее отреагирует на фотографии голых заграничных актрис и левые доходы граждан, чем на сигнал о возможном серийном убийце.

На дворе восьмидесятый год, страна готовится к Олимпиаде, моральный облик советского гражданина берегут очень ревностно, а сигнал о порнографии и спекуляции просто не могут оставить без внимания.

Ну а то, что они не найдут в тайнике фото голых актрис, а найдут документы и фото пропавших девушек, это уже другая история... Если найдут, конечно. Осталось только дождаться и посмотреть, так ли хорошо работает советская милиция, как я о ней думаю...

Я сел в машину и, наконец, выдохнул. Улыбнулся перебежавшей дорогу Светке, предупредительно открыл ей дверь из салона и впустил девушку внутрь.

– Ну как я? – выпалила она, не успев отдышаться и успокоить наверняка бешено колотящееся сердце в груди. – Жуть как страшно было! Нет, ну ты видел? Как я его заболтала, а? Он мне про фотографии, про свет, про ракурс, про то, что у меня лицо выразительное, а я ему про медучилище, про тётку и про документы... Этот хмырь так заливал, что я почти поверила, какая я самая красивая и исключительная. Он меня сегодня вечером после восьми даже сниматься позвал. Не, ну ты видел?

– Видел, видел, – кивнул я. – Ты молодец.

– Правда?

– Правда, – искренне признал я.

Светка на секунду замерла, смешно хлопая своими большими глазами и через мгновение кинулась мне на шею,

крепко обняла, поцеловала в губы и тут же сама и смутилась, отпрянув обратно на сиденье.

– Ой... Это я так... от радости, – несвязно забормотала она. – Ты хоть нашёл, что искал? Не зря всё?

– Нашёл, – коротко ответил я. – Не зря.

– И что дальше? Нужно же его арестовать или как? – удивлённо посмотрела она на меня.

– Дальше мы просто ждём.

– Чего ждём?

– Я уже вызвал людей.

– Из секретного отдела? – шёпотом спросила Светка и округлила глаза.

– Угу, – подтвердил я и уставился в окно. – Всё, Свет. Давай сейчас просто понаблюдаем...

– Как скажешь, напарник, – хмыкнула сбоку от меня Светка, поправив слегка задравшееся на коленках платье, стрельнув в мою сторону глазками и молча уставившись в окно...

Примерно через полчаса, когда я уже стал заметно сомневаться в своём плане, к фотоателье подкатила чёрная «Волга» и невзрачный «Бобик». Из автомобилей вышли два человека в гражданском, участковый в форме и милиционер с капитанскими погонами с папкой под мышкой. Мужчины пожали друг другу руки, перекинулись несколькими фразами и уверенным шагом двинулись внутрь ателье, а справа от меня восхищённо выдохнула Светка...

Прошло ещё минут десять или пятнадцать. Из дверей фо-

тоателье вышел хмурый участковый, за ним двое в гражданском вывели Колесника в полусогнутом состоянии, с перекошенным от страха и злости лицом и заведёнными за спину руками. Капитан вышел последним, бережно неся в руках коробку, накрытую газетой. Он аккуратно поставил коробку в багажник «Волги», помог усадить задержанного на заднее сиденье, проводил взглядом отъезжающий автомобиль, закрыл дверь фотоателье на ключ, сел в машину к участковому и через несколько секунд они покатали следом за своими коллегами...

– Его арестовали, Андрюш! – радостно прошептала Светка, схватив меня за рукав. – Сработало! Мы молодцы!

– Угу, – буркнул я.

Мы молодцы. Теперь как минимум у нескольких десятков студенток и комсомолок, которых этот ублюдок уже не успеет убить, появится новая жизнь. Обычная, скучная, с учёбой, мужьями, детьми, разводами, очередями, зарплатами, глупыми ошибками и всеми теми радостями, которые обычно начинают ценить только тогда, когда их у тебя отняли.

Минус два. Из Орловской дюжины осталось десять.

– Теперь куда?

– Поехали за Маринкой, заберём её с работы, – я глянул на часы, вздохнул, завёл двигатель и осторожно тронулся от тротуара...

ГЛАВА 11 – «ВЕЧЕР»

– Как же у вас тут в городе всё... опасно, – не переставала тараторить Светка, восторженно глядя то на меня, то на проносящиеся мимо дома, деревья и людей. – И захватывающе. Прямо как в кино. Маньяки, убийцы, секретный отдел... У меня аж дыхание перехватывает и руки трясутся, – продемонстрировала она мне свои слегка подрагивающие ладошки.

– Вижу, – хмыкнул я. – Глаза горят, щёки красные, голова, небось, кружится, сердце стучит, дыхание перехватывает. Ты сейчас под действием мощного коктейля из адреналина и эндорфинов.

– Какого-какого коктейля? – нахмурилась девушка.

– Ты же будущая акушерка, должна знать, – усмехнулся я.

– Пф-ф! – фыркнула Светка. – Я уже не акушерка. Побывала ей всего пять минут.

– Когда твой организм работал на пределе, блокируя страх, когда ты лично общалась с убийцей и даже пыталась шутить, улыбаться и вести себя естественно – все твои нервы были сжаты, как пружина, – пояснил я, просто, чтобы не молчать. – И только когда ты поняла, что его арестовали, что опасность миновала, и ни тебе, ни окружающим больше ничего не угрожает – твой организм выдохнул и позволил тебе

разжаться... Да так, что на тебя нахлынула небольшая эйфория – тебе хочется бежать, что-то творить, вытворять и целоваться с чужими мужьями.

– Ой! – возмутилась Светка. – Больно ты мне нужен – целоваться с тобой!

– Кстати, Маринке об этом всём ни слова, – напомнил я, включил поворотник, перестроился левее и остановился на перекрёстке, дожидаясь зелёного сигнала светофора.

– Блин! – Светка сразу помрачнела. – Такая история, а никому рассказывать нельзя? Это же несправедливо! Андрюш... А, может, я расскажу, но просто тебя упоминать не буду, как будто тебя и не было? Скажу, что случайно зашла в ателье и сумела разоблачить преступника...

– Маринка спросит, почему я тебя одну бросил, а когда начнёт уточнять детали – тут и посыплешься, и запутаешься во вранье. Да и что ты расскажешь? Что поговорила с фотографом, а потом приехала милиция и арестовала его? Слишком много белых пятен получится в твоей истории.

– И правда... – признала Света. – Без тебя история выглядит вообще какой-то выдуманной... Ну пожалуйста, Андрюш, – жалобно заканючила она, наклонившись ко мне и продемонстрировав глубокое декольте. – Ну совсем никому-никому нельзя рассказать?

– Нет. Маринка меня прибьёт.

– А своим? В селе? – оживилась девушка. – Ваське, куме, девчонкам на ферме? Дальше села всё равно никто не узнает.

Честно-честно! – посмотрела она на меня своими большими, самыми честными глазами.

– Ладно, – обречённо вздохнул я. – Своим в селе можешь рассказать. Всё равно тебе никто не поверит.

– Спасибо! – обрадовалась блондинка и тут же кинулась мне на шею, умудрившись поцеловать в щёку.

– Свет, мать твою! – выругался я, вильнув на дороге и тут же выровняв машину. – Ты что творишь? И вообще, ты почему не пристёгнута? – строго глянул я на неё. – Пристегнись немедленно!

– Ой! Прости... – Светка виновато захлопала глазками, вернулась на своё место и послушно пристегнулась ремнём. – В общем, мои в селе с ума сойдут! – выдохнула она с мечтательной улыбкой на лице. – Я эту историю ещё и приукрасю как следует. Мама дорогая...

– Вот в этом я почему-то даже не сомневаюсь, – проворчал я...

Минут через десять мы вырулили на широкую дорогу, ведущую к заводу, я скинул скорость и недоумённо нахмурился. Что-то здесь явно было не так. Не так я себе представлял конец рабочего дня на большом предприятии.

Слишком много людей толпилось в одном месте – не у ворот и не у остановки, а сбоку, возле торца административного корпуса. Слишком пустыми стояли рабочие автобусы, и никто из трудяг не спешил по домам после смены. Слишком зловеще и тихо было вокруг. Ладно, про последнее я на-

думал, но холодок по моей спине пробежал совсем не выдуманный, а под ложечкой ощутимо засосало...

Люди не гудели, не смеялись, не обсуждали рабочий день и не выкрикивали первомайские лозунги – они просто сбились кучками, вытягивали шеи, поглядывали в одну сторону и тихо перешёптывались между собой.

Это не было похоже ни на собрание профсоюза, ни на стихийный митинг или демонстрацию, ни на выступление директора или главного инженера. А ещё сбоку административного здания находилось слишком много людей в хорошо знакомой мне серо-синей милицейской форме.

Вот чёрт!

Я приткнул служебную «копейку» у бордюра, заглушил двигатель, вышел из автомобиля, непроизвольно нахмурился и уставился вдаль через головы людей, пытаясь хоть что-то разглядеть и понять, что тут происходит.

– Что тут произошло? – словно озвучив мои мысли, прошептала выбравшаяся следом за мной из авто Светка, подойдя ко мне и встав рядом плечом к плечу.

– Может, несчастный случай какой, – пробормотал я, хотя сам уже не верил в эту версию. – Завод всё-таки. Пошли посмотрим... – буркнул я и двинулся к высокой заводской стене...

Мы со Светкой пересекли асфальтированный пятачок напротив проходной, прошли по аллейке мимо Доски почёта и замедлили шаг. Гул голосов стал громче, а среди людей то и дело проскальзывали фразы «Убил», «Совсем молодая ещё»

и «Вот оно как бывает»...

У торца здания действительно стояло милицейское оцепление – между побеленными деревьями была натянута верёвка, несколько постовых отгоняли любопытных, у стены топтался следователь с папкой и криминалист с чемоданчиком, чуть в стороне двое оперативников общались с кем-то из руководства завода, судя по строгому костюму высокого мужчины с интеллигентным лицом, а возле газона стояло два милицейских автомобиля и машина скорой помощи...

– Похоже, что-то серьёзное, – тихо произнесла Света, не отходя от меня ни на шаг. – Столько людей...

– Угу, – буркнул я, бросил взгляд на проходную и посмотрел на часы, показывающие шесть пятнадцать. – Чёрт... Где Маринка? – недовольно проворчал я. – Говорила, заканчивает ровно в шесть...

– Может, мы разминулись, и она домой поехала? – предположила Света, проследив за моим взглядом.

– Да не должна была. Мы договаривались, что я её заберу. Наверное, из-за этого задержалась, – кивнул я на оцепление и снова непроизвольно нахмурился.

– Простите... – раздался сбоку от нас тихий женский голос. – А вы муж Марины Соколовой? Андрей, кажется?

– Да, Андрей, – повернулся я на голос и посмотрел на стоящую в трёх шагах от нас невзрачную женщину лет сорока, в просторном, каком-то бесформенном платье, с туго стянутыми в жидкий хвост волосами мышиного цвета и толстыми

очками на лице. — А что?

— Мне так жаль... — она скорчила виноватое выражение на лице, прижала к губам скомканный платок и всхлипнула. — Примите мои соболезнования. Такое несчастье...

— В смысле? — не понял я.

— А вам разве... Ой, господи! — испуганно округлила она свои и так увеличенные очками глаза. — Вам ещё не сообщили?

— Не сообщили что? — я непроизвольно рыкнул и заметно повысил на женщину голос.

— Марину... — она вздрогнула и судорожно сглотнула. — Мариночку убили. Здесь, у завода. Я... я с ней работаю. Работала, теперь уже правильно говорить... Мне так жаль... Такая молодая... Симпатичная... Ей бы ещё жить и жить...

Справа коротко пискнула Светка и схватила меня за руку.

— Марину? — тупо переспросил я у тётки. — Мою?

— Да, — подтвердила она...

Женщина что-то ещё говорила... Про милицию, про нож, про какого-то поклонника, про то, что Марина была хорошая, весёлая, никому зла не делала. Но я её уже не слушал... словно в замедленной съёмке я повернулся к огороженному верёвкой участку и двинулся напролом, не замечая ничего вокруг...

— Гражданин, куда! — выскочив из-за дерева и перегородив мне проход, строго бросил пожилой старшина с обветренным лицом, седыми висками и усталыми колючими гла-

зами.

– Младший лейтенант Соколов, – выдохнул я, на ходу доставая удостоверение. – Это моя жена. Пропусти.

– Нельзя, парень, – покачал он головой, глянув в корочку. – Не положено.

– Отец, пропусти, – упрямо повторил я. – Там моя жена.

– Сочувствую. Правда сочувствую. Но не могу. Следовательно работает. Пока всё не осмотрят, никого туда нельзя. Сам ведь знаешь...

Я молча стиснул кулаки, глянул поверх плеча старшины, заметил лежащее у высокого кирпичного забора на полянке среди жёлтых одуванчиков накрытое брезентом тело и выбившиеся из-под брезента светлые длинные волосы, и молча кивнул...

– Сочувствую, сынок... – старик покачал головой. – Говорят, это кто-то из поклонников сделал. Кому-то она отказала, или сердце разбила... Девка она видная была, судя по всему... Сочувствую, – повторил он.

– Как так-то... Маринка... – растерянно пробормотала Светка сбоку от меня...

Действительно, как так-то... Почему? Она ведь не должна была умереть! Что я изменил в истории, что натворил такого, что её не стало? И почему тогда я всё ещё здесь? Если Марина умерла до моего рождения, значит, я никогда не рождался. А если я не родился, значит, не мог попасть в прошлое, не мог сделать то, что привело её к смерти. Тогда почему?

Дерьмо! Где этот сраный парадокс?! Почему не работает?!

Но самое главное! Я не слышал ни о каких убийствах в 80-х на территории завода, и никакие маньяки здесь точно не орудовали. Тогда как? И самое главное – кто? Хотя, теперь это уже не важно – Маринку это уже не вернёт...

– Соколов... – окликнул меня со спины до боли знакомый голос.

Я вздрогнул, резко обернулся и наверняка с довольно глупым видом уставился на светловолосую симпатичную девушку, которую только сегодня утром подвозил сюда.

– Марина? – удивлённо выдохнул я. – Ты живая?

– Маринка! – пискнула Светка, подпрыгнула на месте, забавно качнув своей большой грудью, и кинулась к сестре, повиснув у неё на шее мёртвой хваткой.

– Ты дурак, Соколов? – растерянно пробормотала Марина, бережно придерживая за талию Светку, не желавшую с неё слезать. – Конечно, живая.

– А там тогда кто? – я кивнул на лежащее за оцеплением

тело, всё ещё не до конца веря собственным глазам.

– Марина Звягинцева, – нахмурилась наша со Светкой Марина. – Работала в ОТК. Говорят, с парнем своим поссорилась, он её и... Ну, ты понял. Неразделённая любовь... Жутко всё это, – вздохнула она. – Я даже не представляю, как вы с таким постоянно сталкиваетесь и потом спокойно домой возвращаетесь.

– Нам сказали, что это ты, – оторвавшись от сестры, пробормотала Светка.

– Я? Кто вам такое сказал?

– Да вон та тётка, – Светка нашла взглядом в толпе рабочих нужную фигуру и обвиняюще ткнула указательным пальцем в испуганно рванувшую в сторону автобусной остановки женщину с жидким мышинным хвостиком волос на голове.

– А, Зинка, – протянула Марина и тяжело вздохнула. – Местная сплетница. Что-то где-то краем уха услышит и тут же разносит по всему заводу, только ещё раз в десять прибрехнёт. Наверное, услышала имя Марина – и сама всё остальное додумала.

Я сделал шаг вперёд, сграбастал Маринку в охапку, обнял и крепко прижал к себе, на миг почувствовав запах земляничного шампуня на её волосах...

– Живая... – едва слышно произнёс я.

– Ого, Соколов! – удивлённо хмыкнула Марина и осторожно обняла меня в ответ. – То есть, чтобы ты наконец про-

явил ко мне хоть какие-то чувства, меня обязательно должны убить? Ну знаешь ли...

– Да иди ты, – беззлобно буркнул я, разжимая объятия. – Я правда думал, что это ты там лежишь.

– Прости, – виновато улыбнулась она, обхватила моё лицо ладонками, внимательно посмотрела в глаза и поцеловала в губы.

Я уже даже не пытался сопротивляться. Кажется, это бесполезно...

– Кхм... – кашлянула сбоку от нас Светка.

– Тебя что, тоже поцеловать? – Марина оторвалась от меня и покосилась на сестру.

– Я так-то тоже переживала, – обиженно напомнила Светка, надув губы. – Даже больше него. Он вон молча стоял, а у меня чуть сердце не остановилось.

– Ну иди сюда, страдальца, – улыбнулась Марина, поставила руки, поймала сестру в объятия и чмокнула в лоб. – Всё, успокоились? Я живая, никто меня не убил. Домой поедем?

– Поедем, – согласился я.

– А тебя что, в комсомол приняли? – удивлённо глянула Марина на комсомольский значок на груди сестры.

– Ага! – улыбнулась та. – Но не по-настоящему. Долгая история... – тут же отмахнулась она.

– Сынок, – окликнул меня старшина.

– Да? – обернулся я к коллеге.

– Так что, твоя жива, выходит?

– Жива, отец.

– Ну и слава богу, – улыбнулся старшина и через секунду снова вернулся за оцепление, потеряв к нам всякий интерес.

– Ладно, поехали домой, – отдал я команду и неторопливо двинулся к служебной «копейке».

Марина взяла меня под руку и прижалась к плечу, Светка ревниво глянула на сестру, тяжело вздохнула и пристроилась с другой стороны. Мы прошли мимо проходной, вышли на парковку, я усадил девчонок в машину, сел за руль и тронулся, взяв курс в сторону дома...

– Ну, рассказывайте, – произнесла Марина, устраиваясь на переднем сиденье вполоборота, чтобы видеть и меня, и сестру. – Как прошёл ваш день? Чем занимались? Что делали?

Мы со Светкой загадочно переглянулись в зеркале заднего вида, и я покрепче вцепился в баранку, предпочитая промолчать.

– Да так... – пожала плечами Светка. – Поели мороженого, зашли в ЦУМ, погуляли немного... В столовой ещё были и у фонтана... Скучно, в общем... – наморщила она носик, снова покосившись на меня в зеркало.

– Понятно, – протянула Марина и осуждающе уставилась на меня. – Я просила тебя показать нашей гостье город, а вместо экскурсии ты её накормил мороженым и протащил по магазинам? Молодец, Соколов! Развлекательная программа высшего уровня!

– Ей понравилось, – пожал я плечами.

– Мне понравилось. Очень! – с готовностью подтвердила Светка.

– Ну ничего, – повернулась Маринка к сестре. – Я на работе отгулы до конца недели взяла. Со мной ты точно не заскучаешь. Завтра я покажу тебе город по-настоящему – парк, центр, набережную, в филармонию заглянем, может, билеты удастся купить. Ну или ещё куда-нибудь сходим, а не по магазинам...

– Ой! Точно! – всполошилась Светка. – Я же тебе подарок к свадьбе купила. Вот! – протянула она одну из лежащих на заднем сиденье коробок.

– Мне? – удивилась Марина.

– Тебе-тебе!

Марина приняла от сестры картонную коробку, положила её на колени, откинула крышку и изумлённо уставилась на кружевной, полупрозрачный комплект женского белья.

– Ох! Какая красота-то... Оно же, наверное, стоит целое состояние, Свет! Не нужно было так тратиться, – смутилась она.

– Пустяки, – великодушно отмахнулась Светка. – Для любимой сестрёнки ничего не жалко. Носи на здоровье. Андрюшке тоже должно понравиться.

– Свет! – одновременно возмутились мы с Мариной...

В общагу мы вернулись около семи. Светка убежала на общую кухню жарить котлеты, а заодно, по её словам, зна-

комиться с соседками. Судя по оживлённому гомону, донёсшемуся из коридора уже через пару минут, знакомство прошло успешно.

Маринка закинула коробки с подарками в шифоньер, стянула юбку и кофточку, щёлкнула застёжкой бюстгальтера, лениво потянулась, выгнув спинку, и на носочках двинулась к окну в противоположную часть комнаты.

– Фух! Какая духота... – простонала блондинка, прикрыв грудь рукой и распахнув оконные створки на проветривание. – Наверное, гроза будет. Сейчас бы в душ... – мечтательно протянула она.

– Марин! – возмутился я, стараясь не смотреть на девушку, гуляющую по комнате практически голышом. – Ну нельзя так!

– Почему это? – лукаво усмехнулась она и двинулась прямо в мою сторону. Подошла ко мне вплотную, обвила руками за шею и заглянула в глаза. – Ты меня не любишь, Соколов?

– Люблю, – буркнул я, стараясь смотреть куда угодно, только не на обнажённую девушку. – Но вдруг кто-нибудь зайдёт?

– Ну и пусть, – фыркнула Маринка. – Мне стесняться нечего. Или ты считаешь, есть чего? – прищурилась она.

Вот с этим спорить было сложно. Стесняться Марине действительно было нечего...

– Оденься! – строго приказал я.

– Ой, какие мы сердитые и грозные, – умилилась она. –

Ути-пути...

Марина быстро поцеловала меня в губы, отстранилась и неторопливо направилась к шифоньеру, нарочно покачивая бёдрами и наверняка прекрасно осознавая свои сильные стороны. Достала с полки лёгкое домашнее платье, натянула его через голову и повернулась ко мне.

– Так лучше?

– Гораздо, – буркнул я.

– Ну вот, – довольно улыбнулась она. – А то разворчался, как старый дед. Так не ходи, эдак не ходи... Бе-бе-бе, Соколов!

– Бе-бе-бе, Соколова! – по-детски перекивлял я её. – Ладно, пойду прогуляюсь немного. Проветрю голову... Пошли, Барбоскин, – позвал я внимательно наблюдавшего за нашим разговором пса. – Расскажу тебе, как мой день прошёл, да пожалуюсь на свою тяжёлую долю. Ты единственный в этом доме, кто меня понимает...

Туман радостно вскочил с коврика, схватил в пасть поводок и пулей вылетел в приоткрытую дверь.

– Идите, – усмехнулась мне в спину Маринка. – Только долго не гуляйте, а то ужин скоро.

– Хорошо, мамуль, – ехидно бросил я...

ГЛАВА 12 – «КИНО»

Маринка была права – ночью действительно разразилась гроза. Да ещё какая! С оглушительными раскатами грома, яркими молниями, периодически освещавшими комнату, и дождём, назойливо барабанившим несколько часов подряд по металлическому оконному отливу.

Хотя ласковое утреннее солнце, пробивающееся лучами сквозь прикрытые гардины, и щебет птиц, доносящийся через оконную щель, уже ничуть не напоминали о ночном ненастье...

Проснулся я в не самой удобной позе, лёжа на боку, прижатый голой спиной к тонкому настенному гобелену с оленями, ощущая хребтом холодок бетонной стены и практически лишённый возможности пошевелиться. Рядом, мирно посапывая мне в плечо, лежала Маринка, а с другого края кровати, небрежно прикрытая до пояса краем нашего простенького советского пледа, устроилась Светка, бесцеремонно выставив на обозрение свою немаленькую грудь в новом импортном кружевном бюстгальтере.

Чёрт! Мы что, спали втроём? Как мы вообще здесь поместились? И почему втроём?

– Свет, – тихо позвал я блондинку, стараясь не разбудить Марину. – Свет, твою мать!

– Чё? – сонно отозвалась девушка, натянув плед до шеи

и стянув его с меня.

– Ты что здесь делаешь?

– Она ночью пришла, – недовольно вздохнув и нагло закинув на меня ногу, ответила за сестру Марина, не открывая глаз. – Страшно ей, видите ли, стало. Грома испугалась. Дайте поспать ещё пять минут, а?!

Да уж... Взрослая тётка, двадцать три года от роду, двое детей... А она до сих пор боится грома и молнии. Не думал, что такое бывает.

– Слушай, Марин... А кофе у нас нет? – поинтересовался я.

– То есть поспать ты мне не дашь, Соколов? – сфокусировав на мне взгляд своих сонных голубых глаз, проворчала Марина. – Верно?

– Угу, – честно признался я. – Так что там насчёт кофе?

– Есть из цикория... – задумчиво наморщив лоб, произнесла Маринка. – Но ты же не любишь его и не пьёшь никогда.

– Почему сразу из цикория? – удивился я. – Я бы и от обычного не отказался.

– Так это и есть обычный, – недоумённо хмыкнула Марина.

– Да?

– Караганда, – недовольно буркнула блондинка. – Могу ещё ячменный у соседок спрашивать. У кого-нибудь наверняка найдётся. Будешь?

– Не, из цикория или ячменя я не хочу... – печально вздохнул я.

– То есть не спрашивать у соседок? – всё же решила уточнить Марина.

– Не спрашивай.

– Ну и ладно. Ты, Соколов, сам не знаешь, чего хочешь. То хочу кофе, то не хочу...

– Я нормальный хочу. Свежесмолотый. И желательно, чтобы он был сделан не из корней одуванчика и не из хлеба, а из кофейных зёрен, как и полагается, – мечтательно перечислил я.

– Откуда у тебя такие буржуйские замашки, Соколов? Не пойму, – внимательно посмотрела на меня Маринка. – Может, тебе ещё тапочки к кровати принести?

– Было бы неплохо...

– Обойдёшься! – фыркнула девушка.

Она выбралась из-под пледа, перелезла через свою младшую сестрёнку, прошла по комнате к шифоньеру в одном нижнем белье, накинула короткий домашний халатик и направилась к двери.

– Я на кухню. Чайник поставлю. Кофе из зёрен не обещаю, но свежий грузинский чай сделаю... О! – прихватив по пути с полки шкафа небольшой фарфоровый чайник, открыв крышку и заглянув внутрь, обрадовалась Маринка. – Тут даже заварка есть. Мы её, кажется, всего пару раз заваривали. Чай и гренки на завтрак подойдут? – обернулась она к нам.

– Подойдут, – согласился я.

– Свет?

– Пойдёт, – сонно пробормотала та.

– Ну и отлично, – кивнула Марина.

Дверь за хозяйкой нашей маленькой общажной комнатки захлопнулась, а я красноречиво уставился на притихшую на краю кровати Светку.

– Да всё! Встаю я, встаю, – недовольно проворчала она, нехотя поднялась с постели, бесцеремонно стянула с меня плед, укуталась в него до подбородка и двинулась на выход. – Я в душевую, – зачем-то сообщила она мне, прихватив с полки кусок мыла и полотенце.

Мы недоумённо переглянулись с лежавшим на коврикe Туманом, проводили девушку взглядами, я рывком поднялся с кровати, влез в лежащие на стуле спортивные штаны, накинул тельняшку, взял поводок и отправился с отцовским Барбосом на утреннюю прогулку...

Вернулись мы минут через пятнадцать. За столом сидела сонная Маринка с чашкой чая и тарелкой гренок, а возле окна у гладильной доски сутилась Светка, переглаживая небольшую кучу выстиранной ещё вчера одежды. Идиллия, мать её!

Я повесил поводок на вешалку, прошёл в комнату, сцапал с общей тарелки одну зажаренную гренку и за три укуса отправил её в рот.

– Симпатичное бельё, – произнёс я, заметив под распахнутым халатиком Марины новый кружевной бюстгальтер.

– Это тот, что Света подарила! – с гордостью за сестру похвасталась Марина и посильнее распахнула халат, давая мне получше рассмотреть свадебный подарок. – Правда, красивый?

– Очень! – честно признал я.

Светка у гладильной доски самодовольно хмыкнула, будто лично сшила этот комплект где-нибудь между дойкой коровы и прополкой картошки, я сделал несколько глотков чая из Маринкиной чашки и схомячил ещё одну гренку.

Расправившись с нехитрым завтраком, я быстро сбегал в душевую, вернулся через пять минут, надел форму, прове-

рил содержимое карманов и кивком головы указал своему верному четвероножному на дверь.

– Идём, дружище. Служить и защищать! Хотя, нет. Служить и защищать – это у капиталистов в США. А мы же с тобой не капиталисты? Нет, конечно. Значит... – я задумался, припоминая лозунг советской милиции. – Мы идём верно и добросовестно служить народу.

– Не задерживайся сегодня после работы, – бросила мне вслед Марина. – Может, вечером в кино сходим. Ты как, Соколов? Хочешь сводить двух красивых девушек в кино? Там сейчас «Кинг-Конга» показывают. Девчонки с работы говорят, фильм просто потрясающий! Народу на вечерний сеанс не протолкнуться, а перекупщики билеты втридорога продают! Представляешь?

Хм... Кино... А почему бы и нет? Почему бы не совместить приятное с полезным? Посмотреть фильм, порадовать девчонок и заодно присмотреться к человеку, который на досуге заманивает старшеклассниц в аппаратную кинотеатра...

Дядя Валера... Валерий Павлович Гуров, сорок пять лет, убеждённый холостяк. Живёт один в аккуратной маленькой хрущёвке, не пьёт, не дебоширит, работает киномехаником. Не удивлюсь, если его портрет вдобавок ко всему висит на местной доске почёта с подписью «Образцовый сотрудник» или «Ударник коммунистического труда».

В молодости Валерий Павлович, насколько я помнил из протоколов следствия, пережил тяжёлую личную драму. Ну

как тяжёлую... Для кого-то это банальная мелочь, а вот молодой Валера считал это чуть ли не катастрофой вселенского масштаба. Его невеста, девушка, с которой он просидел три года за одной партой и с которой он наверняка планировал построить дружную, крепкую ячейку советского общества и завести кучу сопливых детишек, бросила его за неделю до назначенной свадьбы, укатив на юга с более перспективным женихом.

Из-за этого у нашего Валеры сформировалась стойкая неприязнь к «ветреным» современным девчонкам, которых он ежедневно наблюдал из окошка своей аппаратной. Девушки в кино не думали исключительно о комсомоле, заводе и семье, не выглядели скромняжками, громко смеялись, пользовались импортной помадой и погрязли в разврате, обжигаясь с парнями на задних рядах.

Убивая таких, Гуров наверняка искренне считал себя не убийцей и не монстром, а вполне себе достойным и справедливым санитаром общества. Как, впрочем, и все его коллеги по ремеслу. И это я сейчас не о киномеханиках говорю.

Время от времени под невинным предлогом он заманивал в аппаратную свою жертву, обещая подарить редкий импортный плакат с Ален Делоном или показать новый фильм, который выйдет в кинотеатре через месяц. Так сказать, устроить ранний закрытый показ. Ну а потом... Потом понятно, что...

Дядя Валера был не самым плодовитым представителем

Орловской дюжины, но одну, иногда двух старшеклассниц в год он всё же убивал, пытаясь утолить свою страсть, заглушить одержимость ну и заодно очистить общество от ростков разврата и порока...

Так что, спрашивая меня, не хочу ли я сходить в кинотеатр, Маринка даже не подозревала, насколько сильно я этого хотел...

– Эй, Соколов! – окликнула меня Марина. – Ты чего это задумался? Это был риторический вопрос. Хочешь ты или нет, но сегодня ты ведёшь нас в кино! – строгим начальственным тоном, не терпящим возражений, произнесла она.

– Да я что, я ничего, – пожал я плечами. – Я ж не отказываюсь. Давно хотел посмотреть, как огромная обезьяна отбивается от вертолётчиков на крыше башен-близнецов Всемирного торгового центра.

– погоди! А когда это ты этот фильм успел посмотреть? – подозрительно прищурилась Марина.

– А я успел? – удивился я.

– Ну ты только что сказал, о чём он! – подловила она меня на горячем.

– А! Да это мужики в отделе обсуждали, – отбрехался я.

– Вот! – укоризненно погрозила мне пальчиком блондинка. – Даже твои коллеги уже жён сводили в кино, а ты всё телишься...

– Угу... Ладно, до вечера, – бросил я, развернувшись к двери.

– Погоди, Соколов!

– Ну что ещё? – проворчал я, обернулся, успел заметить, как в мою сторону метнулась стройная женская фигурка в тонком халатике, обвила меня руками за шею, поцеловала в губы и так же неожиданно отпрыгнула.

– Теперь всё, – довольно хмыкнула Маринка. – До вечера, Соколов. И чтобы без задержек!

* * *

Рабочий день прошёл на удивление тихо, мирно и спокойно. Мы с Туманом оттопали положенные часы по маршруту, дважды заглянули на подконтрольный нам рынок, проверили подвалы возле старых гаражей, помогли участковому вытащить из кустов уснувшего тунеядца, злостного нарушителя советского образа жизни, и минут двадцать искали мальчишку, который якобы потерялся, а потом обнаружился у ларька с мороженым, совершенно довольный жизнью и не понимающий, зачем вокруг него собралась половина городской милиции.

Домой я вернулся без четверти семь – без задержек и опозданий, как и обещал. Девчонки крутились вокруг невзрачного зеркала на дверце шифоньера – нарядные, причёсанные, в выходных платьях и на каблучках, словно собрались не в кино, а как минимум на приём к английской королеве.

– Соколов! Где тебя носит? – кинув в мою сторону строгий взгляд, спросила Марина. – Сеанс в восемь!

– Так ещё больше часа, – отмахнулся я, скидывая на вешалку пиджак и фуражку. – Успеем.

– Ага! Ты всегда так говоришь, а потом мы никуда не успеваем, – проворчала Марина. – Давай переодевайся быстрее. Нам ещё нужно билеты купить.

– Билеты так-то заранее нужно покупать, – заметил я, поймал испепеляющий взгляд Маринки и виновато умолк. Ненадолго, правда. – Марин, а есть у нас что-нибудь поесть?

– По дороге поешь. Давай-давай! Переодевайся! Мы опаздываем, – отмахнулась она от меня и тут же сжалилась надо мной. – Ладно, сейчас пельменей отварю. Только переодевайся быстрее! Пожалуйста...

Она схватила со стола кастрюльку и скрылась за дверью в коридоре, умчавшись в сторону общей кухни. А я прихватил с полки мыло, полотенце и чистую одежду, глянул на подкрашивающую губы у зеркала Светку и отправился в душевую.

Сегодня мне не повезло – судя по шуму воды и валившему из-под двери пару, душевая была занята. Я быстро ополоснулся в раковине, освежился, пригладил волосы мокрой ладонью и вернулся в комнату. Навернул тарелку пельменей, обжигая рот и язык под укоризненным и поторапливающим Маринкиным взглядом, надел свой самый нарядный костюм, который нашёлся у отца, и с двумя симпатичными девушками, отличавшимися между собой лишь размером груди, парой сантиметров роста и выглядевшими словно сестры-двойняшки, отправился приобщаться к культур-

но-развлекательной программе советской молодёжи.

К кинотеатру мы подошли ровно в половине восьмого. Я же говорил, что успеем.

Возле кассы, видимо, в ожидании чуда, суетилось человек двадцать, над окошком кассы висел нарисованный от руки плакат с огромной обезьяной, сжимающей в лапе испуганную блондинку, а рядом кто-то из сотрудников приклеил лист бумаги с жирной трафаретной надписью:

«На сеанс в 20:00 билетов нет»

– Блин! – выругалась Маринка. – Как так-то?

Она растерянно остановилась на месте, тут же упрямо нахмурилась и уверенным шагом двинулась к кассе, оставив меня со Светкой в конце очереди. Протолкнулась сквозь толпу, помогая себе локтями, и самоуверенно протянула полтора рубля в окошко.

– Девушка, нам на восемь три билета, пожалуйста... Пожалуйста, нам очень нужно, – состроила она умильную мордашку.

– Билетов нет, граждане! – устало объявила кассирша, возвращая деньги. – На сегодня всё распродано.

– Совсем нет? – расстроилась Марина.

– Есть на завтра.

– Нам нужно на сегодня.

– Билетов нет, граждане, – произнесла кассирша заученную до автоматизма фразу. – На сегодня всё продано!

– Понятно... – вздохнула Маринка, отошла от кассы, про-

тиснулась сквозь толпу в обратном направлении и растерянно посмотрела на меня. — И что теперь делать, Андрюш?

— Сейчас что-нибудь придумаем, — пообещал я и покрутил головой по сторонам в поисках перекупов. О! А вот, кажется, и один из них...

Заметив мой заинтересованный взгляд, худой патлатый парень в спортивной куртке и широко расклешённых до безобразия штанах, стоящий в тени высокой ели, воровато огляделся и двинулся к нашей дружной компании.

— На вечерний сеанс билетики нужны? — поинтересовался он, приблизившись к нам ленивой, вальяжной походкой. — Хорошие места, в центре. Всего по рублю.

— В кассе по пятьдесят копеек, — возмутилась Маринка.

— Так в кассе и берите, — пожал парень плечами. — На завтра, небось, — хмыкнул он.

— Нам на сегодня нужно, — насупилась Марина.

— На сегодня по рублю. Есть ещё билеты на места для поцелуев, — оценивающе посмотрев на моих спутниц, предложил парень. — По два рубля с носа.

— Для поцелуев? — заметно оживилась Марина, косо глянув на меня.

— Последний ряд, — пояснил перекупщик и многозначительно усмехнулся. — Подальше от посторонних глаз.

— Нам три! — торопливо выпалила Маринка и полезла в сумочку за деньгами.

— Марин! — насторожился я. — Зачем переплачивать? Да-

вай возьмём обычные.

– Я хочу места для поцелуев! – капризным тоном заявила блондинка и сердито зыркнула на меня, заставив проглотить все вертящиеся на языке аргументы и мысленно смириться со своей незавидной участью...

Мы отдали шесть рублей, получили взамен три слегка помятых билета и двинулись ко входу в кинотеатр. До начала сеанса оставалось ещё почти полчаса...

Мы успели пройтись по просторному фойе, поразглядывали афиши будущих фильмов, купили по молочному коктейлю в кафетерии и прошлись вдоль небольшого зоопарка за стеклом, устроенного прямо внутри кинотеатра.

Светку абсолютно не впечатлили кролики и толстые мыши, которыми она обозвала морских свинок – по её словам, этого добра она и в своём селе повидала немало, а вот у террариума они с Маринкой застряли надолго, прилипнув к стеклу и совершенно забыв о времени.

– Глянь, Андрюш, какие здоровенные! – восторженно прошептала Светка, тыкая указательным пальцем в двух больших пятнистых удавов. – А они человека могут проглотить?

– Если человек будет очень маленький, очень медленный и очень мёртвый, то, всё возможно, – согласился я.

Девчонки прыснули от смеха, правда, скорее всего, из вежливости, а не из-за моего врождённого и искромётного чувства юмора, и снова уткнулись в стекло, с интересом на-

блюдая за жизнью ползучих тварей в террариуме. А я ненадолго оставил их одних и какое-то время потолкался среди скачущих в ожидании сеанса людей.

Карманник из меня был неважный, но учитывая то, что советский народ по природе своей был достаточно наивным, непуганым и в какой-то степени неискушённым, а в центральном кинотеатре города публика ещё и прилично расслабилась и мало следила за своими карманами, повернуть дельце мне было несложно.

Результатом моего «толкания» стали три бумажника и партийный билет какого-то серьёзного человека, судя по размеру его пуза и едва сходившейся на нём рубашке, с грозящими вот-вот оторваться от перенапряжения пуговками.

Да, с партийным билетом я, пожалуй, погорячился – коммунисты относились к партбилету как к святыне, и мне могло неплохо так прилететь за это. Но включать заднюю было уже поздно...

Через пять минут я с чистой совестью и чувством выполненного долга вернулся к девчонкам, а ещё через минуту двери зрительного зала распахнулись, и наружу хлынула возбуждённая и восхищённая толпа. Люди громко обсуждали гигантскую обезьяну, вертолёты и высотные здания, детишки изображали Кинг-Конга, размахивая руками и громко топая ногами, кто-то спорил, можно ли вообще убить такую громадину из обычного автомата, а кто-то доказывал, что американцы уже давно проводят эксперименты по выращи-

ванию таких монстров и этот фильм просто предостережение тому, кому надо...

– Всё, пошли, – я пропустил толпу мимо нас, прихватил своих девчонок за талии и потащил в зал.

– Ну, Андрюш, – заупрямилась Светка, оглядываясь на террариум. – Давай ещё змей посмотрим.

– Потом посмотришь. После сеанса, – пообещал я.

– А если живой уголок закроют?

– Живой уголок? – не сдержался и усмехнулся я.

– Ну... – смутилась Света, наверняка подумав, что ляпнула что-то не то, деревенское. – Зверинец...

– Тогда завтра ещё раз придём.

– Правда?

– Правда. Всё, идём, Свет...

Она тяжело вздохнула, в последний раз посмотрела на парочку удавов и послушно поплелась рядом со мной в сторону кинозала...

ГЛАВА 13 – «КИНОМЕХАНИК»

Мы вошли в просторный, слегка душный зал одними из первых, пробрались к своим местам в центре последнего ряда, я плюхнулся в обитое бордовым дерматином кресло и повертел головой по сторонам, с интересом разглядывая самый обыкновенный советский кинотеатр изнутри.

Кинозал постепенно наполнялся людьми, Маринка со Светкой счастливо улыбались и шептались между собой, словно две девчонки, впервые выбравшиеся без родителей в кино, а я мысленно прикидывал, под каким предлогом мне лучше всего отлучиться, не вызывая лишних вопросов и подозрений...

– Блин! – опомнился я, поднимаясь с кресла. – Я, наверное, в туалет схожу...

– А заранее нельзя было это сделать? – недовольно проворчала Маринка.

– Так это и есть заранее, – пожал я плечами и кивнул на большой белый экран. – Фильм ведь ещё не начался.

– Ну иди...

Я ненадолго замешкался, пытаюсь определить, в какую сторону получится выйти быстрее, улучил момент, когда Маринка отвернулась и заинтересовалась висевшими на противоположной стене плакатами, и незаметно кивнул

Светке в сторону выхода.

– Я? – одними губами прошептала она, удивлённо округлив глаза и ткнув себя пальцем в грудь.

– Ну не я же, – так же беззвучно произнёс я, состроив заговорщическое выражение на своём лице.

– Ой! Мне тоже нужно, – правильно поняла меня блондинка, торопливо поднялась со своего места следом за мной и невинно поправила подол своего платья.

– Чего это вы парой в туалет ходите? – подозрительно прищурившись, посмотрела Марина сначала на сестру, потом на меня.

– И ничего не парой! – фыркнула Светка, оскорблённая столь беспочвенными подозрениями. – Андрей в мужской, а я в женский.

– Выглядит слишком уж подозрительно, – не сдавалась Маринка.

– Марин! Да ты что?! – возмутилась Светка, набрала в грудь побольше воздуха и затарахтела на выдохе: – Мне твой Андрей вообще как мужчина не нравится! Слишком он у тебя какой-то... – скривилась она, подбирая нужное слово. – Городской. Изнеженный. Да у него даже мозолей на ладошках нет. Он, поди, и работать руками толком не умеет. Меня такие мужики совсем не привлекают. Ты уж прости, сестрёнка...

– Ладно, идите уже. Не привлекают её, видите ли, такие... – проворчала Марина. – Только недолго. Фильм скоро нач-

нётся.

Светка радостно кивнула, получив разрешение от старшей сестры, и двинулась следом за мной по узкому проходу между кресел. Мы выбрались из ряда, спустились по ступеням и выскользнули обратно в фойе. Я оттащил Светку к стене, подальше от посторонних ушей, и быстро заговорил, стараясь уложиться в отведённый нам небольшой временной промежуток:

– Свет, мне нужна твоя помощь. Нужно проникнуть в аппаратную к механику, ну и отвлечь его...

– Что? У тебя снова секретная операция? Прямо здесь, в кинотеатре? – восторженно прошептала она, округлив глаза и озираясь по сторонам.

– Да нет, – поморщился я. – Просто я с детства мечтал посмотреть, как работают киномеханики.

– Тогда почему Маринку не попросил, а просишь меня? – Светка недоверчиво прищурилась.

– Потому что она будет задавать слишком много вопросов. К тому же, у тебя неплохо получается.

– Значит, всё-таки секретная операция! – самодовольно хмыкнула блондинка.

– Нет, – обречённо вздохнул я.

– Ладно, не переживай, – примирительно улыбнулась мне Светка. – Я – могила! Никому ничего не скажу. Честное слово! Говори, что нужно делать. Только давай быстрее, пока Маринка нас с тобой действительно не начала во всех грехах

подозревать...

Я тяжело вздохнул и посмотрел в сторону лестницы, ведущей к аппаратной.

– Просто пойдёшь со мной и будешь отвлекать киномеханика. Изображай восторг, задавай вопросы, трогай всё подряд руками, лезь куда не просят. Главное, улыбайся и не давай ему следить за мной.

– Это я могу, – уверенно кивнула она.

– И ещё... – я ненадолго замялся. – Используй свои сильные стороны.

– Какие именно? – непонимающе нахмурилась девушка, поймала мой взгляд, направленный на её глубокое декольте, и недовольно сложила губы уточкой. – Пф-ф! А без этого никак нельзя?

– Можно и без этого, – согласился я. – Если получится.

– Получится, – самоуверенно заявила она и на всякий случай всё же поправила грудь, сделав её чуточку пышнее, а декольте ещё более откровенным. – Так хорошо?

– Отлично!

– А что мы вообще ищем в этой, как её... аппаратной?

– Ничего. Ты просто отвлекаешь.

– А ты?

– А я осмотрюсь.

– Значит, что-то всё же ищем, – удовлетворённо подытожила Светка.

– Значит, просто осматриваемся! Вернее, я осматриваюсь.

Всё поняла?

– Всё.

– Тогда пошли, – указал я взглядом в сторону служебной лестницы.

Светка деловито кивнула, взяла меня под руку и двинулась рядом со мной с самым невинным и безобидным видом...

Мы поднялись на второй этаж, прошли по узкому служебному коридору и остановились возле невзрачной серой двери с облупившейся по краям краской и небольшой табличкой: «Аппаратная. Посторонним вход воспрещён».

– Стучи, – указал я на дверь. – Скажешь, что искала туалет и заблудилась. Переминайся с ноги на ногу, держись за живот. В общем, изображай, будто тебе совсем нестерпимо.

Светка кивнула с серьёзным видом, набрала в грудь воздуха и решительно побарабанила кулачком по двери.

Дверь открылась после второго стука. Из аппаратной выглянул усталый усатый мужчина лет сорока пяти в тёмном халате, накинутым поверх одежды, недружелюбно глянул на меня, перевёл взгляд на стоящую напротив с жалобным выражением на лице девушку, непроизвольно зацепился взглядом за её декольте и раздражённо буркнул:

– Чего вам?

– Простите... – растерянно пробормотала Светка, переминаясь с ноги на ногу. – Я... мы, кажется, заблудились. Я туалет искала.

– Туалеты на первом этаже. Возле гардероба.

– Ух ты! Это вы здесь кино крутите? – восхищённо выдохнул я, бесцеремонно отодвинул мужика плечом в сторону и зашёл внутрь аппаратной.

– Эй! Куда?! – опомнился он. – Сюда посторонним нельзя!

– Да я только одним глазком, – отмахнулся я, вертя головой по сторонам.

Аппаратная оказалась тесной, жаркой и явно знавшей лучшие времена. На стенах местами облупилась штукатурка, под потолком висела тусклая лампочка, напротив маленьких прямоугольных окошек, через которые белый экран был виден как на ладони, стояли два громоздких кинопроектора, а на стеллажах громоздились круглые металлические коробки с плёнкой, пустые бобины, банки и инструменты.

– Ух ты! – повторила Светка мою фразочку, протиснулась мимо киномеханика следом за мной и принялась трогать один из проекторов. – А что это за кнопочка? А эта камера крутит фильм, да? А как это всё работает?

– Да чтоб вас! – взвыл киномеханик. – Осторожнее! Здесь оборудование! Не трогайте ничего!

– А она уже с картинками? – не унималась Светка, склонившись над заряженной в проектор плёнкой и рассматривая кадры. – Это же как диафильмы? У нас дома такой есть... А как картинки превращаются в фильм? – недоумённо пробормотала она, отыгрывая роль настоящей, стопроцентной блондинки.

– Девушка! Отойдите от техники! – суется вокруг Светки и тщательно следя за тем, чтобы она ничего не наклацала, строго произнёс мужчина.

– А звук откуда берётся? Тоже на плёнке? В диафильмах такого нет... А почему проекторов два? – ринулась Светка ко второму аппарату. – Один запасной, если второй сломается?

– Не запасной! На одном одна часть идёт, на втором следующая приготовлена. Потом переключаем, – сдался механик. – А звуковая дорожка находится на киноплёнке и считывается оптической системой проектора. Всё просто!

– А свет отсюда прям на экран идёт? – Светка потянулась к проектору, и киномеханик мгновенно метнулся к ней.

– Не лезьте! Горячо! Да что ж это такое...

Пока он спасал аппаратуру от любознательной деревенской девушки, я быстро осмотрел помещение, незаметно сунул один из бумажников за стеллаж, второй отправил в щель между столом и стеной, а третий вместе с партийным билетом пристроил в полуоткрытый ящик под стопкой старых технических журналов.

– Чёрт! – выругался киномеханик, посмотрев на часы. – У меня сеанс через пять минут! Покиньте помещение немедленно!

– А вы тут один работаете? – поинтересовался я.

– Со сменщиком. По очереди работаем, – рявкнул мужчина. – Всё, уходите! Или я сейчас дружинников позову!

– Ладно, идём, Зай, – обиженно вздохнул я. – Нам здесь явно не рады.

– Идём, – оскорблённо фыркнула моя «зайка», одарив киномеханика укоризненным взглядом. – Можно было быть и

повежливее! Мы просто интересовались.

Светка подхватила меня под локоть, и мы вместе вышли в коридор. Дверь аппаратной захлопнулась за нашими спинами, а через секунду сухо щёлкнул дверной замок.

— Ну что? — счастливо улыбаясь и восхищённо заглядывая в мои глаза, прошептала моя помощница. — Получилось сделать то, что ты хотел?

— Получилось. Спасибо, Свет. Тебе бы в разведку идти. Ты настоящая, актриса, соблазнительница и шпионка.

— Скажешь тоже, — смутилась и заметно покраснела она.

— Ладно, пошли, пока Маринка нас нехватила...

Светка живо кивнула, тряхнув своими забавными хвостиками, и послушно пристроилась рядом, не выпуская мою руку, словно боясь, что я брошу её на произвол судьбы в этих тесных коридорах кинотеатра...

В зал мы вернулись как раз вовремя, одновременно с последними погасшими лампами и засиявшей на экране заставкой кинокомпании с горой и звёздами...

— Вы где ходите?! — зашипела на нас Марина. — Фильм уже начался!

— Очередь в туалет была, — соврал я.

— И у меня, — так же легко соврала Светка.

Марина подозрительно посмотрела на нас обоих, посопела, но смолчала. Дождалась, пока я усядусь, демонстративно строго взяла меня за руку, переплела свои пальцы с моими и устоялась на начавшуюся на большом экране погрузку кон-

тейнеров в порту и промелькнувшего в кадре на несколько секунд молодого Джеффа Бриджеса...

Фильм, кстати, оказался вполне ничего. Даже устаревшие спецэффекты, кукольные небоскрёбы и человек в костюме гориллы не особенно портили мне просмотр классики. За нашими спинами ровно гудел проектор, над головами из маленького окошка аппаратной тянулась яркая полоса света, а весь зал то затихал, то дружно ахал...

Минут через пять Маринка расслабила свою железную хватку и осторожно положила мою ладонь себе на внутреннюю сторону бедра, в опасной близости от того сакрального места, откуда у девушек растут ноги. Зло шикнула на меня, упрямо зажала мою руку между ног и успокоилась только после того, как я перестал вырываться и сопротивляться.

Слава богу, до поцелуев дело у нас так и не дошло. Я бы... да хрен его знает, что бы я делал в таком случае. Но ситуация была бы странная до предела...

Девчонкам было одновременно страшно и весело. Они то прижимались ко мне с двух сторон, то закрывали глаза от ужаса, то снова смотрели на экран, особенно когда гигантская горилла швыряла машины, крушила улицы и втаптывала людей в асфальт своими огромными лапами. Визжал весь зал, в том числе и мои...

Через каких-то два часа на экране поползли финальные титры, в зале зажёгся свет, и народ разочарованно загудел. Советским гражданам, не избалованным зарубежным кине-

матографом, явно хотелось продолжения, желательно ещё часа на два или больше.

Мы поднялись со своих мест и вместе с толпой двинулись к выходу. В фойе я остановился, растерянно похлопал себя по карманам, для убедительности ещё раз проверил внутренний карман пиджака и громко выкрикнул, стараясь добавить в голос как можно больше истерических ноток:

– Люди добрые! Это что ж творится-то?! Меня обокрали! Мой бумажник пропал!

Несколько мужчин поблизости от меня машинально полезли по карманам и точь-в-точь повторили мои движения.

– Твою мать! – взревел один из них. – У меня тоже бумажник украли!

– И у меня! – подхватил ещё один, выворачивая карманы брюк. – Вызывайте милицию! Быстрее!

Толпа мгновенно насторожилась, прониклась сочувствием, зашумела и начала сбиваться вокруг потерпевших. Одни проверяли кошельки, другие хватались за сумки и прижимали к груди ридикюли, третьи, особенно сознательные граждане, требовали закрыть двери кинотеатра и никого не выпускать до выяснения обстоятельств.

– Кажется, я видел вашего киномеханика здесь, в фойе, – осторожно подлил я масла в огонь. – Он тут тёрся среди людей перед сеансом. Где он сейчас? Пусть милиция его допросит!

– Точно! – неожиданно поддержал меня какой-то мужик

в шляпе. – Я тоже видел усатого возле кафетерия! Он явно что-то выглядывал там.

– И возле меня он тоже ходил, – тут же припомнил ещё один.

Как же легко, оказывается, управлять толпой. Достаточно бросить нужную мысль, а дальше народ сам добавит и подробности, и вполне живые детали, и даже то, чего не было на самом деле...

Маринка со Светкой молча жались ко мне с двух сторон и тревожно наблюдали за происходящим. Светка, правда, выглядела не столько испуганной, сколько восхищённой, но хотя бы держала рот на замке и не болтала лишнего.

На шум и гомон толпы из служебной двери вышел дежурный администратор кинотеатра – плотный мужчина лет пятидесяти в тёмном костюме, с красным значком на лацкане пиджака.

– Граждане, спокойно! – громко потребовал он, подняв руки. – Не создавайте панику. Наряд милиции уже вызвали. Сейчас они приедут и во всём разберутся.

– А пока вор уйдёт? – возмутился пузатый.

– Двери никто не закрывает! – поддержала его женщина из толпы. – Потом ищи-свищи вора! Безобразие!

– Никто никуда не уйдёт, – заверил администратор, хотя по лицу было видно, что уверенности у него не больше, чем у остальных. – Товарищи, прошу соблюдать порядок и не расходиться!

Народ снова загалдел, но уже не так буйно и возмущённо, и минут через пять приехала милиция.

Скрипнув тормозными колодками, перед кинотеатром остановился ярко-жёлтый «уазик», а ещё через минуту в фойе вошли двое патрульных и молодой мужчина в гражданском с потёртой папкой под мышкой, судя по всему, дежурный оперуполномоченный.

– Что тут произошло, граждане? – строгим голосом поинтересовался дежурный. – Почему дебоширим?

– Борисов, Лев Юрьевич, – поспешил к оперативнику и на ходу представился администратор кинотеатра. – Я тут за главного. Это я вас вызвал...

Толпа зашумела с новой силой, оперативник поморщился, призвал граждан к тишине и принялся наводить порядка. Поставил одного милиционера у выхода, второму велел записывать фамилии и данные свидетелей, а сам по очереди опросил потерпевших, уточнив, что именно пропало, когда люди последний раз видели свои вещи и кого подозревают, и пообщался с администратором кинотеатра...

Я всё это время старался не отвечивать, стоял с девчонками в сторонке и наблюдал за работой советской милиции издалека...

– Сотрудника своего сюда позовите, – оценив произошедшее, потребовал опер у администратора спустя пятнадцать минут, и дальше всё завертелось и закрутилось ещё быстрее и стремительнее.

Через пару минут администратор привёл в фойе Валерия Павловича Гурова, и оперативник взял механика в оборот.

– Гражданин Гуров, поступило несколько заявлений о кражах, – спокойно сообщил опер. – Некоторые граждане утверждают, что видели вас в фойе как раз перед пропажей личных вещей.

– Меня? – киномеханик даже задохнулся от возмущения. – Я весь сеанс в аппаратной провёл! Я работал! Да, выходил на пару минут между сеансами, чтобы чая попить в кафетерии, но это всё...

– Это мы проверим, – равнодушно покивал оперативник. – А пока я предлагаю вам добровольно показать нам своё рабочее место, чтобы снять все вопросы.

– Да смотрите сколько хотите! – вспыхнул Гуров, уверенный в своей правоте. – У меня ничего нет. Я чужого сроду не брал!

– Помещение государственное, – любезно вмешался администратор. – С моей стороны возражений нет. Я лично буду присутствовать, если потребуется.

– Отлично, – кивнул опер и посмотрел на толпу. – Нужны двое понятых. Вы и вы, гражданки, пройдёте с нами.

Он указал на двух женщин, пропустил Борисова и Гурова вперёд, и сделал знак одному из патрульных следовать за ним.

– Мы тоже идём! – недовольно загалдели и потребовали потерпевшие.

– Всем идти незачем, – остановившись на лестнице, ведущей на второй этаж, попытался возразить милиционер.

К нему шагнул солидный мужчина, владелец большого пуза, у которого, как я подозревал, мог пропасть аж целый партбилет, что-то шепнул на ухо, милиционер заметно побледнел, выпрямился и коротко переглянулся с оперуполномоченным.

– Хорошо, – поразмыслив пару секунд, кивнул оперативник. – Потерпевшие могут присутствовать на осмотре, но руками ничего не трогать и под ногами не мешаться. Остальные остаются здесь, – коротко распорядился он, развернулся и направился вверх по служебной лестнице.

Разумеется, кроме потерпевших, наверх двинулись ещё человек десять зевак, я, Маринка и увязавшая за нами Светка, а тесный коридор жалобно закрипел от такого количества людей.

Администратор открыл своим ключом служебную дверь, Гуров первым вошёл в аппаратную и раздражённо развёл руками в стороны.

– Вот! Смотрите! – недовольно проворчал он. – Два проектора, плёнка, инструменты. Что вы здесь хотите найти?

– Это мы сейчас выясним, – отмахнулся оперативник. – Так... – обвёл он толпу в коридоре уставшим взглядом. – Понятые, идите сюда. Остальные... Ну вы хотя бы не мешайте, граждане... Товарищ сержант, помогите. Начнём осмотр со стеллажей и стола...

Сержант коротко кивнул, подошёл к старенькому, засаленному от времени столу и решительно выдвинул верхний ящик. Покопался среди карандашей, отвёрток и каких-то квитанций, нахмурился и вытащил из-под стопки технических журналов потёртый кожаный кошелёк и партбилет. Раскрыл красную книжечку, изучил содержимое и красноречиво кивнул оперуполномоченному.

– Это не моё! – заметно занервничал и побледнел Гуров, поняв, что дело пахнет керосином. – Мне его подбросили!

– Это мой кошелёк! – выкрикнул один из потерпевших, пытаясь протиснуться в аппаратную. – Товарищ милиционер, это мой кошелёк! Посмотрите, там в кармашке моя фотография должна быть с женой.

– Успокойтесь, гражданин! – строго произнёс оперативник. – Разберёмся...

Он подошёл к сержанту, взял у него из рук кошелёк, раскрыл, извлёк небольшую чёрно-белую фотографию и недоверчиво посмотрел сначала на неё, потом на стоявшего в коридоре мужчину.

– Фотография есть. Только здесь мужчина с волосами, а вы почти лысый.

– Так это я и есть! – обиделся потерпевший. – Только пять лет назад... У меня тогда ещё волосы были. Вы приглядитесь хорошенько, товарищ милиционер!

Опер передал снимок сержанту, тот посмотрел на фотографию, затем на блестящую под лампочкой макушку по-

терпевшего и неуверенно передёрнул плечами:

– Вроде он.

– Я это! Я! – торопливо закивал мужчина.

– Хорошо, гражданин, успокойтесь, – вздохнул оперативник и перевёл взгляд на стоящего в углу механика.

– Мне подбросили! – упрямо повторил Гуров.

– Разберёмся, – коротко кивнул опер и повернулся к милиционеру: – Осматриваем помещение дальше, остальные вещи тоже могут быть здесь...

Гуров облизнул пересохшие губы и невольно покосился в сторону пары неприметных узких металлических шкафчиков, стоящих в противоположном углу комнаты.

– Что там? – поймав взгляд механика, поинтересовался сержант.

– Где?

– В шкафах.

– Личные вещи, – пожал Гуров плечами. – Сменная одежда, рабочий халат, запасная обувь, инструменты... чай ещё, сахар, – перечислил он и добавил: – Один шкаф мой, второй моего сменщика. Я не знаю, что он в нём хранит.

Милиционер смерил механика внимательным, задумчивым взглядом, пересёк комнату, подошёл к шкафчикам и дёрнул дверцу с фамилией «Гуров В.П.», написанной самой обычной белой краской в верхнем правом углу.

– Закрыто, – произнёс он, глянув на механика.

– Что в шкафах, гражданин Гуров? – подключился опера-

тивник.

– Я ж говорю – личные вещи.

– Откройте! – потребовал оперативник.

– Да я им практически не пользуюсь... – поморщился Гуров.

– Всё равно, – не желал отступить оперативник. – Нам нужно осмотреть. Возражения против добровольного осмотра есть?

– Нет. Осматривайте, – снова нервно дёрнул плечами Гуров.

– Ключ дайте, – требовательно протянул руку сержант.

– У меня нет ключа, – заметно занервничал киномеханик и глянул в сторону выхода.

– Как это нет? Ваше рабочее помещение, ваш шкаф, а ключа нет?

– Дома забыл. Можем сходить, я здесь неподалёку живу...

– У меня есть запасной ключ, – встрял администратор, сделал шаг вперёд и достал из кармана пиджака связку ключей. – У меня есть дубликаты для всех замков. Кажется... вот этот... – протянул он один из ключей сержанту.

– Спасибо! – коротко поблагодарил сотрудник милиции, вставил ключ в замочную скважину, провернул, со скрипом отворил дверку шкафчика и заглянул внутрь...

Внутри действительно ничего особенного не обнаружилось – несколько металлических коробок из-под плёнки, связка проводов, старые журналы, инструменты, рабочий ха-

лат и обувь. Сержант бегло осмотрел содержимое, ощупал одежду и разочарованно поморщился.

– Ничего, – коротко доложил он старшему по званию, неловко задел одну из круглых жестяных коробок, с грохотом уронил её на пол, виновато смутился и опустил на колени, принявшись собирать выпавшие из коробки газетные вырезки, цветные заколки и аккуратно сложенные в одну кучку и перетянутые капроновой ниткой девичьи банты.

– Это ваше, гражданин? – кинув взгляд на девичьи украшения, заинтересовался оперативник.

– Это вещи моей племянницы, – пояснил киномеханик.

– Валер, у тебя есть племянница? Я не знал, – простодушно удивился администратор кинотеатра.

– Есть, – хмуро буркнул Гуров.

– Товарищ оперуполномоченный, – удивлённо пробормотал сержант, подняв с пола девичьи банты и газетные вырезки. – Тут какие-то коричневые пятна... Похоже на кровь... И заметки все о пропавших в городе девушках...

Гуров медленно попятился и через секунду резко рванул вбок, оттолкнул в сторону стоящего у него на пути администратора, сшиб плечом с ног женщину-понятую, бросился к двери и тут же нарвался на упрямое, яростное сопротивление советских граждан, перегородивших ему путь к побегу.

– Держи его!

– Убивца!

– Душегуб!

– Девочек убивал, гад! – загудел народ в коридоре.

Кто-то из мужиков умудрился подставить механику подножку, кто-то под шумок сунул для остроты кулаком по рёбрам, а кто-то от души приложился по морде. Из носа опасного серийного убийцы, промышлявшего в моей реальности до зимы восемьдесят пятого года, хлюпнула кровавая юшка, он упал на колени и прикрыл голову руками, защищаясь от побоев...

– Граждане, прекратить самосуд! – рявкнул сержант, рванув на помощь подозреваемому. – Назад все! Назад!

Следом за патрульным подскочил дежурный оперуполномоченный, вывернул Гурову руки за спину, защёлкнул на запястьях наручники и поднял его с пола.

– Ладно, – тихо произнёс я и потянул девчонок в сторону лестницы. – Нам пора. Идём.

– Андрей, подожди, – удивлённо пробормотала Маринка, остановившись у спуска на первый этаж. – А как же твой кошелёк?

– Да я уже нашёл его... – поморщился я. – Просто не в тот карман положил.

– Ты же говорил, что его украли.

– Ну я так думал. Получается, не украли...

– Вот ты охламон! – осуждающе покачала головой Марина.

– Есть такое, – честно сознался я, переглянувшись с загадочно посматривающей на меня и помалкивающей Светкой и

кивнул в сторону ступеней. – Пошли уже, не будем мешать следствию.

Маринка тяжело вздохнула, взяла меня за руку и двинулась следом за мной вниз по лестнице...

Чёрт! А получилось даже лучше, чем я рассчитывал. Я-то думал, что милиция найдёт подброшенные кошельки с партийным билетом, Гурова обвинят в кражах и он отправится года на четыре или пять туда, где никого уже не убьёт. А вместо этого они случайно добрались до настоящего тайника с настоящими уликами. Сегодня мне определённо везло...

ГЛАВА 14 – «С ВЕЩАМИ НА ВЫХОД, СОКОЛОВ!»

Из кинотеатра мы вышли около одиннадцати. На улице уже давно стемнело, но народ расходиться не торопился – на лавочках сидела молодёжь, возле клумбы кто-то негромко перебирал струны гитары, а чуть дальше, у фонтана, несколько парней слушали огромный кассетный магнитофон, поставив его прямо на бетонную плитку.

– Ну что, домой? – поинтересовался я у девчонок.

– Домой, – почти одновременно согласились они и с двух сторон взяли меня под руки, увлекая за собой.

Мы спустились по широким ступеням, свернули направо и неторопливым прогулочным шагом двинулись по тёмной аллее, обсуждая фильм. Светка восторженно рассказывала, как она испугалась, когда Кинг-Конг впервые появился на экране и чуть не выпрыгнул в зрительный зал, Маринка утверждала, что ей вообще не было страшно и глаза она не закрывала, а просто мы вечно смотрели на неё как раз тогда, когда она моргала чуть дольше обычного.

А ещё обе девушки дружно спорили между собой, настоящая ли обезьяна снималась в кино или всё-таки человек в шерстяном костюме, так и не придя к какому-то общему

знаменателю...

– Закурить не найдётся, фраерок? – хриплым голосом произнесла шагнувшая из темноты на дорожку аллеи и замершая прямо у нас на пути невысокая тёмная мужская фигура в небрежно надвинутой на глаза кепке, спортивном костюме и с вальяжно сунутыми в карманы спортивных штанов руками.

Ещё двое парней отделились от деревьев и неторопливо окружили нас с боков. Девчонки испуганно замолчали и плотнее прижались ко мне, покрепче взяв меня под руки.

– Не курю, – миролюбиво произнёс я, внимательно наблюдая за парнями по бокам. – И вам не советую.

– Ого! – удивился стоявший впереди парень. – А чё такой борзый?

Он вытащил руку из кармана, демонстративно щёлкнул кнопкой и выкинул из тёмной рифлёной рукояти короткое лезвие, блеснувшее в свете далёкого фонаря. Несколько раз угрожающе повёл запястьем из стороны в сторону, рисуясь перед нами и выписывая лезвием в воздухе восьмёрку, и гаденько усмехнулся...

– Андрюш... Пойдём, – тихо попросила Марина, потянув меня за руку. – Не связывайся с ними.

– Да, Андрюша, не связывайся с нами, – ухмыльнулся парень с ножом. – А то мы тебя плохому научим.

– А чего это он сразу с двумя краями гуляет? А, Гвоздь? – поинтересовался второй парень, разглядывая Светку, и по

блатному сплюнул на асфальт прямо нам под ноги, за что тут же мысленно получил от меня кличку «Сморчок». – Не многовато ему одному?

– А чего ты у меня спрашиваешь? Ты у него спроси! – недовольно поморщился Гвоздь, не переставая играть с выкидным ножичком.

– Слышь! Одну нам оставь, не будь жлобом, – глянул на меня Сморчок, и вся троица дружно заржала.

– Зачем вам девушка? Вы и друг друга приласкать сможете. Вас же трое, – ухмыльнулся я, высвободил руки и осторожным движением спрятал девчонок у себя за спиной.

– Чё ты сказал? – оборвав смех, переспросил парень в кепке и совершил самую банальную в драке ошибку, опустив руку с ножом и двинувшись ко мне.

Я сделал короткий шаг навстречу, резко выкинул руку перед собой, воткнул костяшки кулака аккуратно в подбородок парнишки, да так, что его голова дёрнулась назад, а кепка отлетела в сторону, и впечатал носок своего ботинка ему между ног, заставляя беднягу рухнуть на колени, жадно хватать ртом воздух и на некоторое время напрочь забыть о радостях сексуальной жизни...

Нож парня с весёлым «дзинь» звякнул об асфальт, а я уже уходил в сторону, не давая одуматься и прийти в себя двум оставшимся противникам.

Первому достался короткий удар кулаком в нос и способность пускать волшебные кровяные пузыри, раздался влаж-

ный хруст, брызнула кровь, и парень, зажав лицо ладонями, отшатнулся к дереву. Второй успел замахнуться, но я легко ушёл в сторону, перехватил его руку, дёрнул на себя и подсёк ногу, уронив спиной на асфальт и подарив ему дебафф под названием «Хромоногий».

На всё про всё ушло не более нескольких секунд. Двое противников лежали на земле, стонали и пытались понять, почему вечер внезапно перестал быть томным, третий вовсю юзал свою новую способность у дерева, а у меня даже дыхание не сбилось...

Я поднял с асфальта нож, сложил лезвие и сунул оружие в карман. От греха подальше, как говорится, и чтобы эти придурки снова не решили тыкать им в живого человека. Обернулся к девчонкам, испуганно жавшимся друг к дружке и смотревшим на меня широко раскрытыми глазами, и удивлённо произнёс:

– Ну и? Чего стоим? Кого ждём? Пошли уже домой...

Реакции на мои слова особой не последовало, я тяжело вздохнул, подошёл к блондинкам, взял их под руки и повёл дальше по аллее.

– Идём, – повторил я. – А то ещё милицию придётся ждать. Потом полночи объяснительные писать и рапорты... А я спать хочу...

Некоторое время мы шли молча. Маринка то и дело оглядывалась назад, словно проверяя, не померещилось ли ей, а Светка не сводила с меня восхищённого взгляда.

– Ты... Соколов... – спустя пару минут, отойдя от шока и вернув себе способность связно говорить, растерянно пробормотала Марина, прижимаясь ко мне плечом. – Ты где так драться научился?

– Помнишь, я рассказывал, что тех, кто десять раз подтягивается, сразу в лейтенанты берут?

– Угу... – подтвердила она.

– Вот и представь теперь, что могут люди, которые тридцать раз подтягиваются. Этим ещё повезло, – кивнул я себе за спину, – что они нас встретили. Легко отделались. А попадись им капитан или, не дай бог, майор – от них бы и мокрого места не осталось.

Маринка несколько секунд подозрительно смотрела на меня, потом поняла, что я издеваюсь и возмущённо фыркнула:

– Да иди ты, Соколов! Дурак! – обиделась она на меня, но уже через несколько секунд простила, крепче вцепилась в мою руку и с гордым видом зашагала рядом...

Домой мы вернулись ближе к полуночи. Я сходил в душевую, постоял под горячими струями, смывая с себя пот и накопившуюся за день усталость, вернулся в комнату и без сил завалился на кровать, вспомнив почему-то стихотворение товарища Корнея Чуковского...

А лисички

Взяли спички,

К морю синему пошли,

Море синее зажгли...

К чему это я? Да к тому, что две мои блондинки где-то раздобыли бутылку коньяка и половинку лимона, нарезали хлеб, колбасу и солёные огурцы, уселись под тусклым ночником за обеденный стол возле окна и принялись вполголоса обсуждать насыщенный вечер, кино, обезьяну, аппаратную, киномеханика-вора, оказавшегося убийцей, и встречу с хулиганами...

– А как он первого-то... – восхищённо зашептала Светка.
– Тот только нож достал, а твой Андрей его раз – и тот уже лежит!

– Не раз, а два, – поправила её Маринка. – Сначала сюда ударил, потом между ног заехал...

– А второго?

– Второго в нос.

– Нет, в нос третьего. Второго он через себя бросил.

– Да никого он не бросал, просто подсечку поставил! А ты говорила, что мой Андрей... Как ты там сказала? Изнеженный и работать руками не умеет?

– Я такого не говорила, – фыркнула Светка.

– Говорила!

– Давай лучше выпьем, Марин.

– Давай. Наливай!

Я прикрыл глаза, натянул плед до подбородка и уже через несколько секунд вырубился под тихое бормотание девчонок и негромкое цоканье стаканов...

Проснулся я от грозного и настойчивого стука в дверь. Судя по неяркому свету ночника, непроглядной тьме за окном и упрямому желанию повернуться на бок и вернуться к прерванному занятию, ночь была в самом разгаре.

Я полежал ещё немного, пялясь в тёмный потолок и надеясь, что тот, кто взял моду ломиться по ночам в чужие дома и квартиры, поймёт намёк, развернётся и уйдёт, дождался ещё одного стука, ещё более настойчивого и наглого, и понял, что иногда люди просто не понимают намёки.

Сел на кровати, скрипнув сеткой под матрасом, нащупал босыми ступнями прохладный пол, неохотно поднялся на ноги, прошлёпал в противоположный конец комнаты и распахнул дверь, удивлённо посмотрев на стоящих на пороге представителей советской милиции. Один постарше, с лейтенантскими погонами, второй – молодой сержант с сонным лицом и надвинутой на лоб фуражкой.

– Соколов, Андрей? – не самым вежливым и приветливым тоном произнёс лейтенант.

– Возможно, – кивнул я, почесав голый живот.

– Возможно? – удивлённо повторил милиционер.

– Спросили бы вы это часов в восемь утра, товарищ лейтенант, я был бы более уверен, – вздохнул я.

– Ты пил? – нахмурился мой собеседник, подозрительно присматриваясь ко мне.

– Не имею такой привычки, товарищ лейтенант. Мне

утром на службу.

– Хорошо. Давай, одевайся. Проедешь с нами, – хмуро буркнул он.

– Что-то случилось? – проснувшись окончательно, поинтересовался я.

– На месте узнаешь.

– С вещами? Сухари сушить?

– Умничать потом будешь, – недовольно поморщился лейтенант. – Сейчас лучше штаны найди. Да побыстрее, мы не намерены тут полночи препираться...

– Понял, – кивнул я, собираясь прикрыть дверь, но упёрся в выставленную лейтенантом ладонь.

– Пусть будет открыта. Нам так спокойнее.

– Хозяин-барин, – равнодушно пожал я плечами, развернулся и двинулся к шифоньеру в углу, бросив быстрый оценивающий взгляд на комнату.

На столе стояла опустошённая больше чем наполовину бутылка коньяка, два пустых гранёных стакана, блюдец с одиноким ломтиком лимона и фольга от сырочка «Дружба». Светкина раскладушка у стены была не расстелена, а наша с Маринкой кровать могла похвастаться полным отсутствием этой самой Маринки. Девчонок в комнате не было, видимо, ушли к соседкам продолжать банкет. Но так даже лучше – не нужно будет слушать их возмущённые причитания и отговаривать от попыток увязаться следом за мной...

Я открыл дверцу шифоньера и скользнул взглядом по

небогатому ассортименту одежды, большей частью состоявшему из Маринкиных платьев, юбок и блузок. На нижней полке нашёл синие спортивные штаны и белую майку в рубчик, снял с деревянной вешалки тёмно-синюю олимпийку с высоким воротником-стойкой и белыми полосками вдоль рукавов, и неторопливо влез в эдакий импровизированный костюм-тройку...

Как сказал бы Леонид Каневский, бренд Adidas стал официальным поставщиком экипировки для советской сборной. Именно она завезла в Союз те самые культовые темно-синие куртки с воротником-стойкой, тремя полосками и молнией во всю длину, и советская лёгкая промышленность тут же наладила массовый выпуск трикотажных аналогов. Неудивительно, что такая необычная и оригинальная для советской молодёжи вещь моментально ушла в народ. В олимпийском 1980 году носить такую спортивную кофту считалось пискom моды, признаком крутизны и достатка.

Впрочем, это уже совсем другая история...

Я сунул ноги в старенькие кеды, застегнул ремешок часов на запястье, машинально глянул на циферблат, отметил два часа ночи и направился на выход...

Вышел из комнаты и двинулся в сопровождении двух милиционеров по длинному коридору семейной общаги в сторону лестницы. Мы спустились на первый этаж, сели в при-

паркованный напротив подъезда автомобиль, двигатель под капотом утробно заурчал, и машина лениво тронулась с места, на мгновение осветив яркими фарами детскую площадку, гаражи и тополя.

Короткая поездка по ночному Орлу на заднем сиденье милицейского «бобика» немного проветрила мне голову, встряхнула остатки сна, привела в чувства и заставила, наконец, всерьёз задуматься, за какие именно заслуги ко мне прислали наряд среди ночи...

Так. Разберём по полочкам... За что меня могли взять?

Уж точно не за то, что я попаданец из будущего. Узнай об этом хоть кто-нибудь, за мной приехали бы совсем другие люди – молчаливые товарищи в строгих костюмах на чёрных «Волгах». Значит, этот вариант пока отмечаем. Идём дальше...

Возможно, киномеханик всё-таки вспомнил, что незадолго до обнаружения подброшенного кошелька к нему в аппаратную вломились светловолосый парень с симпатичной блондинкой. Но тут возникает вопрос – как милиция успела так быстро найти меня, всего за пару часов? Я не оставлял свои данные оперативнику, не показывал удостоверение, не называл фамилии и всё время держался в стороне...

Хотя... лицо у меня приметное, рост выше среднего, да и Светка тоже не теряется в толпе, с её-то ладной фигуркой, симпатичной мордашкой и выдающимися... хм... выдающимся внутренним миром. Согласен, кто-то из граждан

мог нас вспомнить, описать и указать, куда мы пошли после сеанса. Но версия так себе – с большой натяжкой.

Ну либо дело тут в тех трёх придурках, решивших поиграть в крутых грабителей на тёмной аллее парка. Может, я слегка перестарался и покалечил кого-то из них? Хотя нет. Не мог я. Работал я почти вполсилы, можно сказать, нежно и любя. Ничего никому не ломал, по голове ногами не бил, лежащих не добивал. Пределы необходимой самообороны соблюдал настолько тщательно, насколько это вообще возможно, когда у тебя перед лицом размахивают ножом и предлагают поделиться женщинами.

Но с другой стороны, кто-то из них вполне мог оказаться сыном какого-нибудь важного партийного работника. Вернулся домой с разбитой мордой, рассказал папаше, как на него, бедного и невинного, набросился неизвестный псих, и заботливый родитель тут же дал команду найти и наказать обидчика своей кровинушки.

Но и в этой версии всю картину портит тот же вопрос – как меня так быстро нашли? Не могла родная милиция справиться за столь короткое время, учитывая очень скудное техническое оснащение, полное отсутствие камер, компьютерных баз и цифровых технологий в этом времени. Или всё же могла?

Чёрт! И вот, спрашивается, нахрена я вообще полез в драку? Мог ведь решить вопрос спокойнее и дипломатичнее. Мог... Да, не так красочно, но зато бесппроблемно. Решил

покрасоваться перед двумя симпатичными девчонками? Одна из которых моя будущая мать, а вторая – двоюродная тётка...

Да уж, Соколов... Вроде взрослый мужик, а ведёшь себя как сопливый пацан, который впервые пошёл на свидание с девочкой. Стыдно должно быть, товарищ! Очень стыдно.

Ладно, рвать волосы на причинном месте всё равно уже поздно. Нужно думать, как выкручиваться и что делать...

Я осторожно покосился на сидевшего за рулём сержанта и монотонно покачивающегося на переднем пассажирском лейтенанта. Оба достаточно молодые, не самые крупные, расслабленные.

Одного из них, желательно того, что постарше, можно вырубить, воспользовавшись эффектом неожиданности. А со вторым один на один я точно справлюсь. Заберу у него пистолет, выясню причину задержания... Вот только после нападения на сотрудников милиции назад дороги у меня уже не будет. Вернее, будет, но только одна – бегство... А так как бегать всю жизнь я не собирался, то в этом нет никакого смысла. Значит, этот вариант мы отмечаем...

Да уж, дурная мысль, которая могла прийти только в уставшую голову среди ночи. Нападать на сотрудников я точно не собирался. По крайней мере, точно не по такому непонятному поводу.

Сейчас мне просто нужно дождаться, узнать, что от меня хотят и дальше действовать по обстоятельствам. Тем более

наручники мне не надели, карманы не обыскивали, руки не заламывали и даже позволили самостоятельно одеться. Значит, всё ещё может и обойдётся. Может, всё действительно закончится простым разговором, выговором, ну или условным сроком на крайний случай...

Минут через пять милицейский «бобик» свернул с главной улицы, проехал ещё пару перекрёстков, попетлял по дворам и остановился перед невысоким одноэтажным зданием районного отдела милиции. В этом отделе я раньше не бывал, дежурных не знал и даже устройство здания представлял только приблизительно.

Я выглянул в окно, быстро глянул по сторонам, оценивая диспозицию и внутренне подобрался, готовясь к разговору с представителями советской милиции.

Двигатель автомобиля затих, фары потухли, а товарищи милиционеры не спешили выходить из машины и вести меня в кабинет для допроса. Интересно...

– Значит, слушай сюда, Соколов. Дело серьёзное... – лейтенант повернулся ко мне вполоборота, снял фуражку и устало провёл ладонью по коротко остриженным волосам. – Сегодня ночью задержали двух пьяных девушек и собаку, разъезжавших на милицейской машине. Они влетели в столб. Как ты, наверное, уже догадался, одна из девушек – Марина Соколова, вторая – некая Светлана Минаева, её сестра.

– Вот чёрт! – простонал я, откинувшись на холодную спинку сиденья.

– Именно. Всё серьёзно, – подтвердил лейтенант, но тут же заметно смягчился. – Слушай, Соколов... Ты на них сильно не ругайся. Молодые ещё, дурные, ветер в голове. Мы и сами не лучше были. Я вот, к примеру, трёхлитровую банку сгущёнки однажды нашёл у родителей в шкафу и в одну ряху умял. Мать меня потом так ремнём отходила, что я неделю сидеть нормально не мог.

– А я новогоднюю ёлку спалил, – неожиданно поддержал разговор сержант за рулём. – Родители вату под неё подкладывали, вроде как снег. А я заметил, что если кусочек ваты поджечь, она вспыхивает, горит, но не обжигает. Её можно прямо голыми руками тушить. Ну и я так развлекался: поджигал – тушил, поджигал – тушил... И в один прекрасный момент не сумел вовремя локализовать очаг возгорания, – хмыкнул он. – Сначала вспыхнула вся вата, потом загорелась ёлка, потом ковёр...

– Потушили? – поинтересовался я.

– Потушили, – кивнул сержант. – Родители как раз домой вернулись, открывают дверь, а там ёлка полыхает. Я даже представить не могу, что они в тот момент подумали. Обугленное пятно на ковре ещё лет пять о моём эксперименте напоминало. Я после этого даже в пожарные пойти хотел, но передумал.

– Это всё-таки не то же самое, что пьяными разбиться на милицейской машине, – покачал я головой.

– Ну, это да, – согласился сержант. – Но всё равно по мо-

лодости всякое бывает.

– В общем, – снова заговорил лейтенант, – твои красавицы просто решили немного покататься по району. Проехали метров сто по территории двора, на первом же повороте не справились с управлением и на малой скорости ткнулись в столб. Никто не пострадал, машина по большому счёту тоже цела, только фара передняя разбита. Их почти сразу обнаружил наш патруль и сообщил в дежурную часть.

– А с псом что? – вспомнил я о Тумане.

– К псу претензий никаких, – заверил меня лейтенант. – Трезв как стёклышко и даже пристёгнут был.

– Ну хоть кто-то в нашей семье сохранил здравый смысл, – вздохнул я. – И что теперь будет?

– Да ничего уже не будет, – махнул рукой лейтенант. – Никто не пострадал, ущерб небольшой, да и машина, как выяснилось, закреплена за тобой. Забирай их, проведи воспитательную работу и впредь ключи от служебного автомобиля прячь получше.

– А оформление? – осторожно произнёс я.

– Какое ещё оформление? – поморщился он. – Хочешь, чтобы мы официально записали, что она без разрешения взяла служебную машину и села пьяной за руль? Рапорты, объяснения с начальством, служебная проверка... Тебе самому потом мало не покажется.

– Не хочу, – честно признался я.

– Вот и правильно. И это... Парней из патруля поблагода-

ри как-нибудь. Всё же они правильно среагировали и, можно сказать, спасли твою семейную жизнь и служебную биографию.

– Спасибо! – совершенно искренне поблагодарил я. – С меня магарыч.

– О! Отлично! Значит, дело решено, – удовлетворённо подытожил лейтенант и надел фуражку. – Идём, заберёшь своих гонщиц.

Дверцы «бобика» почти одновременно щелкнули замками, мы выбрались из машины и направились ко входу в отдел. Дежурный за застеклённым окошком проводил меня сочувственным взглядом, мы прошли по короткому коридору и остановились возле обычной кабинетной двери.

– Здесь? – удивился я. – А почему не в обезьяннике или хотя бы в вырезвители?

– Скажешь тоже, – хмыкнул лейтенант. – Они же сами испугались до полусмерти того, что натворили. Мы не стали уж сильно зверствовать. И вот ещё... – порылся он в кармане служебного пиджака, вытащил ключи от автомобиля и протянул мне. – Держи. Твоя машина стоит на стоянке с торца здания. Заберёшь. Там дядя Федя охраняет, он в курсе, выпустит без вопросов.

– Ещё и дяде Феде придётся проставиться, – усмехнулся я.

– Это уже по желанию, – усмехнулся мне в ответ лейтенант и предупредительно открыл передо мной дверь.

Я вошёл в кабинет и остановился в шаге от порога. Гля-

нул на двух заметно притихших, испуганных и уже явно начинающих понемногу трезветь светловолосых девушек, молчаливо сидевших на жёстких стульях возле стены, и тяжело вздохнул.

Заметив меня, они синхронно вздрогнули и виновато опустили глаза в пол. Светка принялась нервно теребить пальцами подол платья, Маринка зажала ладони между коленями, а лежащий под столом Туман радостно вильнул хвостом и сделал вид, что он вообще впервые видит этих двух женщин и совершенно не понимает, почему его задержали вместе с ними.

– А нельзя их до утра в камере подержать? – поинтересовался я у стоящего за моей спиной лейтенанта. – Чтобы подумали над своим поведением.

Услышав мой голос и осознав, что я сказал, девушки одновременно подняли глаза и испуганно уставились на меня.

– Можно... – согласился милиционер. – Но тогда придётся оформлять их по всем правилам, ты же знаешь. У нас тут не гостиница.

– Ясно, – разочарованно протянул я. – Жаль.

– Андрюш... – жалобно прошептала Маринка.

– Ладно, пошли, – скомандовал я, развернулся, ещё раз благодарно кивнул лейтенанту, пожал его руку и, не оборачиваясь, направился к выходу из отдела.

Судя по скрежету стульев по полу за моей спиной, девчонки пулей вскочили со своих мест, зацокали босоножка-

ми по деревянному паркету и послушно засемили следом. Туман догнал меня через несколько секунд и пристроился с левой стороны, всем своим видом показывая, что он-то как раз ничего плохого не делал и вообще оказался втянут в эту историю против собственной воли.

Мы вышли из здания, я ненадолго оставил Маринку и Светку под присмотром пса у входа, наведаясь на стоянку, отыскал дядю Фёдора, забрал у него машину и внимательно осмотрел её со всех сторон под тусклым светом уличного фонаря. Передняя фара действительно была разбита, но в остальном служебная «копейка» выглядела на удивление целой.

Я сел за руль, завёл двигатель и неторопливо выехал за шлагбаум. Забрал девчонок по пути, хотя был соблазн оставить их куковать здесь, усадил их назад, чтобы не видеть их виноватых лиц каждую секунду, пристроил Тумана на переднее пассажирское сиденье и поехал в сторону дома...

– Ну? – произнёс я спустя минуту, не выдержав тишины. – Ничего не хотите мне рассказать? Как вы вообще додумались до такого?

– Мы немного выпили... – призналась Маринка.

– Это я уже понял.

– А потом решили чуть-чуть покататься, – добавила Светка.

– Кто за рулём был? – вздохнул я и внимательно посмотрел на них через зеркало заднего вида.

– Светка, – тут же сдала сестру Марина. – Она на тракторе ездить умеет.

– Трактористка хренова! – выругался я. – А Тумана зачем с собой взяли?

– Чтобы не так страшно было, – призналась Маринка.

– А ключи где взяли?

– У тебя в штанах, – буркнула она.

Я глубоко вдохнул, медленно выдохнул и крепче сжал руль.

– Идиотки! А если бы вы убились?

– Мы пристегнулись, – попыталась оправдаться Светка. – Ты же говорил, нужно пристёгиваться. Вот!

– Какая предусмотрительность! – хмыкнул я, сворачивая на перекрёстке. – А если бы сбили кого-нибудь?

– Ну мы же осторожно, Андрюш... Да и ночь на дворе, все спят... А мы просто по двору хотели кружочек сделать.

– Пару кружочков, – добавила Светка. – Мы правда очень осторожно...

– Вы в столб въехали! – заметил я.

– Он неожиданно оказался на повороте, – пояснила Светка.

– Столб?

– Ну да.

– Подкрался из темноты?

Сзади снова стало тихо. До нас с Туманом доносилось только упрямое девичье сопение.

– Ещё и фару разбили... – подытожил я. – Где мне её теперь менять? Вы вообще понимаете, что меня могли из милиции попереть? Или вообще посадить! Вы хоть немного думали своей башкой?

– Бошками... – машинально поправила меня Марина.

– Сомневаюсь, – скептически хмыкнул я, сбрасывая скорость и сворачивая к нам во двор. – Мне кажется, она у вас одна на двоих. Да и то – это слишком щедрое предположение.

– Прости, Андрюш, – тихо произнесла Марина.

– Мы больше не будем, – поддержала её Светка. – Правда...

– Мы правда не хотели ничего плохого, – состроила жалобную мордашку в зеркале заднего вида Маринка. – Просто выпили чуть-чуть, потом Светка сказала, что умеет водить...

– А ты сказала, что Андрей всё равно спит и ничего не узнает! – мстительно заметила Светка.

– Предательница!

– Ты сама первая на меня наябедничала!

– Тихо обе! – прикрикнул я. – Ещё одно слово, и вернёмся обратно. Попрошу лейтенанта всё-таки оформить вас по полной программе.

Я пристроил «копейку» напротив нашего подъезда, заглушил двигатель и вышел из машины. Проводил осуждающим взглядом выскользнувшие из задних дверей автомобиля в сторону дома две девичьи фигурки, потрепал своего четве-

роного друга по голове, ещё раз глянул на разбитую фару и неторопливым шагом направился к тёмной лестнице.

Поднялся следом за девчонками на этаж, вошёл в нашу маленькую квартирку и закрыл за собой дверь, всерьёз подумывая о том, не спрятать ли от этой парочки ключ от комнаты, чтобы они ещё чего не учудили.

– Так, быстро спать! – строго приказал я, так и не придя к какому-то решению. – Чтобы я от вас даже сопения не слышал!

Девчонки послушно поскидывали платья и молча нырнули каждая на своё место, даже не пытаясь спорить. Туман улёгся на коврик возле моей кровати, спрятал морду между лапами и тоже на всякий случай изобразил раскаяние. Хотя, если честно, у меня к блохастому претензий особых и не было.

Я глянул на часы на своём запястье, отметил половину четвёртого ночи, прикинул, сколько мне осталось поспать и тяжело вздохнул. Да уж, связался на свою голову...

ГЛАВА 15 – «7 МАЯ. ДВА ДНЯ ДО ДНЯ X»

Утро началось с хлопот...

Я погулял с Туманом, пробежал трусцой десяток кругов вокруг общаги и очень старательно и скрупулёзно позанимался на турнике, следуя заветам товарища Челентано. Только тот дрова рубил, а мне приходилось изматывать себя вот таким примитивным способом. Последние пару дней находиться в одной комнате с двумя симпатичными блондинками, которые периодически бессовестно и совершенно не стесняясь расхаживали при мне в одном нижнем белье или коротких халатиках, становилось всё сложнее и сложнее.

Нет, умом-то я всё прекрасно понимал, вот только молодое, полное сил тело жило своей отдельной, крайне несознательной для комсомольца и советского милиционера жизнью и прислушиваться к голосу разума категорически отказывалось...

Да уж. Чёрт! Нужно с этим что-то делать, вот только что именно, я даже пока придумать не мог...

Закончив с турником, я позвал рыскающего по кустам блохастого и дошёл до телефонной будки, опустил предусмотрительно прихваченную из дому монетку в аппарат и позвонил в отдел. Отпросился у дежурного до двенадцати

по семейным обстоятельствам и с чистой совестью двинулся обратно к общаге...

Осталось как-то решить вопрос с машиной. Нужно будет найти какой-нибудь автосервис, что ли... Или заехать на ба-рахолку, поискать фару к «копейке» и заменить её самому. Проблема не в замене – заменить разбитую фару я смогу, руки всё-таки не совсем из задницы растут. Но вот с самой покупкой наверняка выйдет какая-то затычка – я почти уверен, что фара окажется либо дефицитным товаром, либо под заказ, либо «вчера были, товарищ, приходите через месяц». На дворе так-то восьмидесятый год.

Ладно, разберёмся. В крайнем случае, если ничего не получится, пойду с повинной к своему непосредственному начальнику, майору Медведю. Авось, не уволит и не разжалует. Хотя, за разжалование точно можно не переживать – опускаться в звании ниже младшего лейтенанта было уже попросту некуда...

В нашу скромную общажную комнатку я вернулся около семи. Скинул кеды и удивлённо замер на пороге, ощутив витающий в воздухе запах жареных оладушек. На обеденном столе у окна стояли тарелки, чашки и блюда со сметаной, а по самой комнате всю порхали две мои белокурые сожительницы.

– Ой! Андрюша вернулся! – заметив меня в дверях, от неожиданности подпрыгнула на месте Светка и расплылась в счастливой улыбке.

– Андрюш, а мы тут завтрак тебе сготовили... – виновато улыбнулась Маринка.

– И форму погладили, – тут же добавила Светка.

Я непонимающе нахмурился, пытаюсь понять, что тут происходит и не хотят ли они меня отравить или завербовать в какую-то секту, переглянулся с недоумевающим не меньше моего Туманом, явно не привыкшему к таким любезностям, и через секунду мысленно хлопнул себя по лбу. Ну конечно! Эти две вертихвостки просто пытались загладить свои ночные грешки...

– Андрюш, а может, кофейку? – предложила Светка. – Я тут у девчонок поспрашивала, могу одолжить зёрна. Только нужно где-то кофемолку найти.

– А я оладушек нажарила, на кефире, – заворковала Маринка. – Как ты любишь. И сметанку у Катьки взяла. Домашнюю.

Я прикрыл за собой входную дверь, сполоснул руки в тазике с водой, прошёлся по комнате, молча уселся за стол, взял с тарелки первый оладушек, обмакнул его в сметану и отправил в рот.

– А я рубашку погладила, – похвасталась Светка.

– А я позвонила нашим мужикам на завод, – не выдержала Маринка, явно решив зайти с главного козыря. – Насчёт фары. Заедешь к ним в гараж, они посмотрят. Сказали, за пять минут поменяют. Я предупредила на проходной, тебя пропустят. Спросишь Алексея Митрофаныча, это наш мастер.

Я всё ему объяснила...

– Прямо всё? – усмехнулся я, глянув на подошедших и робко переминающихся с ноги на ногу возле моего стола девушек.

– Ну... не совсем всё, – замялась блондинка. – Сказала, что фара разбилась. Без подробностей.

– Ясно, – покачал я головой и подсунул один оладушек положившему морду на край стола Туману, не отрывавшему гипнотизирующего взгляда от тарелки и яростно пускавшего свисавшую до пола слюну.

– А магазины у вас тут во сколько открываются? – деловито поинтересовалась Светка.

– Гастроном работает с восьми, – подсказала Маринка.

– Отлично! Я тогда сразу, как откроется, за коньяком сбегая. Ой! Это не то, что ты подумал, Андрюш! – тут же виновато забормотала Светка, заметив мой молчаливый укоризненный взгляд. – Это для дела! Ну коллегам же в знак благодарности нужно магарыч проставить? – со знанием дела заявила она. – Ребята тебя... нас выручили. Нельзя же просто так взять и не отблагодарить. Неприлично.

– Андрюш, ты ешь, ешь... – Маринка заботливо пододвинула ко мне тарелку с оладьями ещё ближе. – И чаёчек вот пей. Могу кофе сделать...

– Не нужно. Чай подойдёт... – вздохнул я, подкинув очередной оладушек Туману, сделал глоток горячего чая и задумчиво повернулся к окну.

– И вообще... Чего ты такой сердитый, Андрюш? – непонятно с чего набравшись храбрости, заявила Светка. – Дуешься за то, что было ночью? Ну дали мы маху разок, так что нас теперь всю жизнь этим попрекать?

Сердитый? Я? Да нет, с чего бы это вдруг? Хотя, погодите-ка... Может, это потому, что одну дурочку я пытаюсь спасти от смерти, второй стараюсь мужа уберечь, а они в это время устраивают мне бег с препятствиями и подкидывают проблем так ловко, словно пытаются получить за это премию ударника социалистического труда.

Чёрт! А ведь за всеми этими хлопотами и беготнёй у меня как-то вылетело из головы, что Светка должна погибнуть вечером девятого мая. Да, её убийцу мы вроде бы взяли, но что-то не нравилось мне в этом всём...

Да уж... Нужно что-то думать...

– Вы вообще знаете, что полагается за угон служебной машины? – озвучил я совсем не то, о чём думал, взял горячий оладушек, окунул его в густую сметану и отправил в рот.

– Мы ничего не угоняли, – проворчала Светка. – Мы взяли покататься.

– Ну да, конечно, – скептически хмыкнул я. – На суде бы потом так и объясняли.

– А почему нас тогда отпустили, раз всё так серьёзно? – упрямо нахмурилась блондинка.

– Потому, – я ткнул пальцем в сторону Марины, – что она моя жена. А ты... – перевёл взгляд на Светку. – Кто ты там

мне вообще?

– Свояченица, – буркнула она.

– Угу. Допустим. В общем, вам просто повезло, что никто не пострадал, а сотрудники нашей доблестной милиции отнеслись с пониманием к ситуации и решили не портить мне жизнь из-за двух пьяных дурочек.

– Вот прям так взяли и просто решили? – съязвила Светка.

– Не просто так, – вздохнул я. – Как ты правильно заметила, Свет, мне теперь придётся выставиться хорошим коньяком перед коллегами.

– Я куплю! – торопливо закивала она. – Как только гастроном откроется, сразу куплю. Самый дорогой! Я же обещала!

– Самый дорогой не надо, – поморщился я. – А то ещё подумают, что я взятку даю. Обычный подойдёт...

Девчонки переглянулись, одновременно выдохнули, поняв, что гроза миновала, скрипнули ножками отодвигаемых стульев по деревянным половицам и осторожно уселись напротив меня за стол.

– Андрюш... – вкрадчиво произнесла Светка.

– Что?

– А ты научишь меня машину водить?

– Свет! – шикнула на сестру Маринка и с опаской покосилась в мою сторону.

– Ну а что такого? – искренне удивилась та. – Мы же уже извинились за вчерашнее. Андрюш, ну пожалуйста... Мало ли. Вдруг в жизни пригодится.

– Я подумаю, – вздохнул я.

– Спасибо! Вот видишь, – просияла Светка и мстительно продемонстрировала Маринке кончик своего длинного языка. – Андрей больше на нас не сердится!

– Сержусь, но уже меньше, – поправил я, допил в несколько глотков чай и глянул на часы. – Ко сколько мне нужно быть на заводе, Марин?

– В любое время. Тебя там уже ждут. Я сказала, что ты подъедешь, как только сможешь.

– Хорошо. Тогда я схожу в душ и сразу поеду к ним. И давайте вы двое только без приключений сегодня. Дайте мне хотя бы один день передохнуть, – строго глянул я на девушек.

– Хорошо... – одновременно буркнули две блондинки, виновато спрятав от меня свои бесстыжие глаза.

Я удовлетворённо кивнул, поднялся из-за стола, взял в шкафу мыло, полотенце, чистую майку и двинулся в душевую...

Из общаги я вышел около восьми. Прихватил с собой Тумана, ещё раз обошёл свой многострадальный служебный автомобиль и внимательно оглядел его на этот раз уже при свете дня. Повздыхал немного, мысленно придумал парочку изошрённых и не самых приятных наказаний для любительниц погонять пьяными по ночным улицам, пожалел, что мы живём не в средневековье и что дыбу успели запретить, и так же мысленно махнул рукой на двух блондинок, пялившихся

на меня из-за шторы окна второго этажа и думавших, что я их не замечаю. Новых повреждений при дневном свете я, слава богу, не обнаружил, так что немедленная расправа моим сожителям пока не грозила.

Я прыгнул за руль автомобиля, глянул на пса, нагло пристроившегося с умным видом на переднем пассажирском сиденье... понравилось ему, видите ли, кататься спереди... завёл двигатель и неторопливо выехал со двора...

Первым делом я заехал в гастроном. Светку за коньяком гонять не стал, не женское это дело, но она всё равно умудрилась перед выходом всучить мне две купюры по двадцать пять рублей и заявить, что это её вина, значит, и платить будет она.

Спорить я слишком настырно не стал, денег у меня своих особо-то и не было, поэтому молча и с чистой совестью принял деньги от своей двоюродной тётушки...

В отделе «Вино-водка» я постоял в хвосте небольшой очереди из местных хануриков, желавших опохмелиться с утра пораньше и ворчавших на какой-то закон, запрещающий продажу крепкого алкоголя до одиннадцати утра. Понял, что дело никуда не движется, обогнул мужиков, подошёл к прилавку и без особых проблем под завистливые взгляды тех же хануриков купил у растерянной и наверняка опешившей от моей наглости продавщицы три бутылки трёхзвёздочного коньяка. Отдал за всё двадцать шесть рублей двадцать пять копеек, охренел от цен, стараясь не ду-

мать, сколько раз на эти деньги можно было сводить девчонок в кино и сколько сдобных булочек и мороженого можно было закупить, вышел обратно к машине и поехал на завод...

На проходной меня действительно пропустили без вопросов. Дежурная тётка сверилась с какой-то бумажкой, подозрительно посмотрела на Тумана, с гордым и независимым видом восседавшего на переднем сиденье с высунутым языком, глянула на милицейский автомобиль с разбитой фарой, смерила меня изучающим взглядом и махнула рукой в сторону вереницы складов и заводских корпусов.

– Пятый цех, прямо и направо, – буркнула она, через секунду потеряв ко мне всякий интерес и заинтересовавшись выезжавшим с территории завода грузовиком. – Ты куда прёшь, ирод! Ослеп, что ли! Я разве документы проверила? Или разрешила проезжать? А табличку «Без остановки не проезжать» тут для кого повесили?

Я усмехнулся, глядя на то, как тётка отчитывает незадачливого водителя, сел в авто и поехал в указанном направлении...

Нужный гараж или цех нашёлся быстро. Алексей Митрофаныч оказался невысоким, жилистым, усаемым мужичком лет шестидесяти, с хитрым прищуром и в промасленной робе. Он обошёл мою «копейку», посмотрел на разбитую фару, покачал головой и укоризненно цокнул языком.

– Проблема? – осторожно поинтересовался я.

– Да какая проблема... – фыркнул он. – Фару заменим, раз Марина Николаевна попросила. Поставим новенькую от ЗИЛа или ГАЗона, у нас их полно. Никто даже не заметит...

– От ЗИЛа? – удивился я. – А подойдёт?

– А какая тебе разница? ФГ-140 она и в Африке ФГ-140. Что на твою ласточку, что на ЗИЛ – один хрен. Подойдёт, в общем, – небрежно отмахнулся мастер. – Унификация, товарищ милиционер – великая вещь! Проблемка у нас только в другом...

– В чём? – непроизвольно напрягся я.

– В том, что машины надо беречь, – назидательно произнёс он и снова укоризненно глянул на меня. – Особенно служебные. Нельзя же так с машиной, товарищ младший лейтенант.

– Да я нечаянно, – сокрушённо вздохнул я. – Преследовал опасных преступников, пришлось идти на таран.

– Преступники хоть задержаны? – прищурился Митрофанч.

– Задержаны, наказаны и поставлены в угол. Выпороть бы их ещё, – мечтательно вздохнул я. – Но это не наши методы...

– А, ну тогда понятно, – важно кивнул он, покрутив ус. – Ну тогда да... Ладно, сейчас всё сделаем в лучшем виде, не переживай. Погуляй пока пять минут, и зверя своего забери, чтобы он тут никого мне не цапнул.

– Туман! – скомандовал я, хлопнув себя по бедру.

Пёс дёрнул ухом, молнией выпрыгнул из открытого окна и молча пристроился у моей ноги, склонив голову набок и внимательно наблюдая за усатым мастером.

Митрофаныч хмыкнул, повернулся к открытым воротам цеха и громко гаркнул:

– Мужики! А ну тащите сюда инструменты. Тут у нас пациент прибыл, надо вернуть его к жизни...

Через пятнадцать секунд вокруг моей машины собрался небольшой консилиум охающих и ахающих специалистов, мне искренне посоветовали больше не таранить передней фарой слишком уж чёрствых преступников, а выбирать кого помягче, и за полчаса сделали всё так, будто никакого ночного происшествия и не было.

Я искренне поблагодарил мастера и его сотрудников, вручил им в благодарность одну из бутылок коньяка, увидел счастливые лица и загоревшиеся глаза, прыгнул в автомобиль и покатил дальше...

Заехал в отдел, из которого ночью забирал двух пьяных блондинок и одну собаку, поблагодарить мужиков. Оставил две бутылки коньяка у дежурного, с просьбой передать кому надо, и поехал уже в свой родной отдел...

– Доброе утро, Калинин! – поприветствовал я скучавшего за стойкой дежурного коллегу. – Как дела? Что новенького?

– О! Соколов! – обрадовался тот. – Ты же до обеда отпрашивался?

– Закончил дела пораньше и сразу на службу, – усмехнул-

ся я, лениво оперевшись локтем об окошко дежурки. – Так как? Что у нас новенького?

– Вчера вечером наши взяли киномеханика в центральном кинотеатре. Сначала думали, кошельки у посетителей подрезает, начали у него копать и такое нашли, что мама дорогая! – радостно сообщил мне Калинин последние новости.

– Да ты что?! – выдохнул я.

– Ага! – подтвердил Калинин. – Я толком не слышал ещё, но, похоже, этот хмырь школьник убивал. Там улик полный шкаф. Бантики какие-то, газетные вырезки, нож, верёвка... Этот гад даже бежать пытался, когда понял, что его накрыли. Но наши его быстро скрутили.

– Да иди ты! – удивился я настолько искренне, насколько мог. – Вот гнида!

– И не говори! – покачал головой дежурный. – Прямо у нас под носом...

– Да уж... Дела-а-а... А почему в кинотеатр наши поехали? – нахмурился я. – Это же вроде чужой район.

– Так вчера ещё вечером на вокзале массовая драка случилась, цыгане с кем-то сцепились, – махнул рукой Калинин. – Туда почти все свободные экипажи снимали, а тут из кинотеатра сигнал пришёл. Ну, дежурный по городу наших и перенаправил – они как раз ближе всех оказались.

– Ясно, – кивнул я, мысленно радуясь, что никого из знакомых милиционеров вчера не встретил в кинотеатре. А то

пришлось бы потом объяснять, как я там очутился и почему заходил в аппаратную механика.

Хм... Ну и всё равно, по итогу вышло всё неплохо. Минус три... Из Орловской дюжины осталось всего девять фамилий. Такими темпами я справлюсь с ними к концу месяца и... И дальше уже посмотрим, прав я был в своих умозаключениях, спасу я отца таким макаром или нет...

– Да, кстати, – выдернул меня из собственных мыслей и сочувствующе глянул на меня Калинин. – Тебя майор ждёт в кабинете...

– Меня? – удивился я.

– Угу.

– А чего это он меня ждёт?

– Не знаю, – пожал Калинин плечами. – Но вид у него был такой... – дежурный поморщился, – недобрый...

– Обнадёживает, – буркнул я.

– Угу, – хмыкнул Калинин. – Ладно, всё. Иди давай, нечего здесь лясы точить. Ты и так на два часа опоздал на смену, прям как начальство.

– Я же утром звонил, отпрашивался у тебя, – обиженно возмутился я.

– Ну звонил. И что? Майору это расскажешь. Мне-то зачем? – указал он взглядом в сторону коридора. – Иди, говорю.

– За барбосом моим присмотришь? – вздохнул я и кивнул на сидящего у моей ноги пса.

– Конечно. Заводи.

Калинин поднялся со стула, приоткрыл дверь дежурки, запустил пса внутрь и закрыл дверь на защёлку. Туман деловито обнюхал углы, нашёл себе место у стены и улёгся с видом сотрудника, заступившего на ответственное дежурство.

– Спасибо, – поблагодарил я Калинина и двинулся по коридору в поисках кабинета начальства.

Слегка поблукал, пытаюсь вспомнить, где тут у нас заседает начальник отделения, несколько раз заглянул не туда, через пару минут всё же нашёл нужный кабинет, глубоко вдохнул и решительно постучал в дверь.

– Входите! – раздался с той стороны грозный начальственный оклик.

Я опустил ручку, потянул дверь на себя и через секунду переступил порог, прекрасно понимая, что начальство никогда не вызывает на ковёр просто так...

– О! Соколов... – при виде меня недовольно поморщился майор Медведев, оторвав взгляд от бумаг на своём столе. – Проходи. Садись.

Я прикрыл за собой дверь, преодолел разделявшее нас расстояние и опустился на предательски скрипнувший подмоной стул, выжидаяще замер под тяжёлым взглядом товарища майора и с самым невинным и простодушным видом оглядел кабинет своего непосредственного начальника.

Большой стол, дисковый телефон, стеклянная чернильница, несколько аккуратных стопок бумаг, настольный бюст

Ленина и его же портрет на стене, красный вымпел на шкафу, запах табака и старой мебели. Всё по-спартански скромно, строго и функционально, никаких тебе буржуазных излишеств.

– Мне тут майор Громов звонил, – наконец нарушил он тишину. – Знаешь, по какому поводу?

– Э-э-э... – протянул я. – Звал вас на дачу? Рыбалка, шашлычок, сто грамм из морозилочки?

– Если бы, – заметно смягчился майор и, кажется, сам не заметил, как его кадык предательски прогулялся по горлу вверх-вниз. – Нет, Соколов. Громов сказал, что ночью его орлы задержали двух барышень на служебной машине. Потом, правда, через пару часов отпустили. Без протокола и бумажек. Барышни были пьяны вусмерть. И ещё собака с ними служебная была.

– Тоже пьяная? – на всякий случай уточнил я.

– Нет, собака как раз трезвая. Знаешь что-нибудь об этом? – хитро прищурился майор и внимательно посмотрел в моё лицо.

– А должен? – вопросом на вопрос ответил я.

– Ты тут в игры со мной не играй, Соколов! – строго пристукнул он кулаком по столу, отчего бюст Ленина едва заметно дрогнул, но устоял, как самый настоящий вождь мирового пролетариата. – Фамилия у одной из барышень – Соколова. Точно ничего не знаешь об этом?

– Никак нет, товарищ майор.

– Понятно, – тяжело вздохнул он. – Машина хоть целая?

– Ни царапинки, – отрапортовал я.

– Ясно... – задумчиво протянул Медведев. – Прочухана своим барышням вставил?

– Так точно.

– Эх, Соколов... – майор осуждающе покачал головой. – Почему не доглядел?

– Не думал, что они такой дуростью заниматься будут.

– А надо было подумать! – нравоучительно произнёс хозяин кабинета. – Женился – думай. Внимания жене больше уделять нужно, Соколов. Тогда она и по ночам на служебной машине с подругами кататься не будет.

Я хотел заметить, что, возможно, тут дело не в недостатке внимания, а в избытке коньяка и Светкиной врождённой тяге к приключениям, но благоразумно промолчал.

– Эх, Андрюша... Я же тебя ещё вот таким знал, – перешёл майор на более дружелюбный тон и показал рукой где-то на уровне стола. – Отец твой, Василий Михалыч, хорошим человеком был. И начальником хорошим... – он на секунду задумался и тяжело вздохнул. – Я ведь тоже в твоём возрасте бедокурил, не хуже тебя. А он мне всегда говорил: «Петя, вот станешь ты когда-нибудь начальником, появится у тебя такой же оболтус в подчинении, тогда я посмотрю, как ты запоешь». Как в воду глядел. Хороший мужик был твой отец, Андрей. Правильный... И справедливый... Ладно, – Пётр Петрович махнул в мою сторону рукой. – Иди уже.

И приглядывай получше за женой.

– Идти? – не поверил я своим ушам.

– Иди, – подтвердил майор.

– Хорошо, – кивнул я, поднялся со стула, развернулся и двинулся к двери.

Кажется, мне повезло. Майор Медведев явно был знаком с моим дедом, поэтому я так легко и отделался. Можно сказать, лёгким испугом...

– И ещё, Соколов... – догнал меня у самой двери голос майора.

– Да? – обернулся я, так и не успев дёрнуть дверную ручку и скрыться в коридорных лабиринтах отдела.

– Я надеюсь, ты не думал, что так легко отделаешься одним разговором по душам с начальством, – недобро усмехнулся Пётр Петрович, – и уйдёшь отсюда вообще без наказания?

– Не думал, – честно соврал я.

Ну, вообще-то, я так и думал.

– Вот и славно. Понизить в звании я тебя не могу. Ты уже у нас и так, можно сказать, на самом дне... – задумчиво побарабанил он пальцами по столешнице, растягивая время и наслаждаясь моей беспомощностью, словно заранее не отрепетировал этот манёвр и не придумал мне подходящее наказание. – Но я могу поступить иначе. И даже предоставляю тебе право выбора, из уважения к памяти твоего отца. Выбирай: либо будешь месяц дежуришь в ночные смены, либо

месяц работать без выходных.

– Ночные смены! – торопливо произнёс я, наверняка так и не сумев до конца скрыть на своём лице радостную ухмылку.

Чёрт! Это же полноценное официальное освобождение от выполнения супружеского долга на целый месяц. О таком подарке я даже не мечтал. Если бы знал, сам бы давно разбил эту злосчастную фару на машине или проехался пьяным по городу. Делов-то.

– Как-то ты уж слишком легко согласился, Андрюша, – подозрительно прищурился майор. – Значит... Значит, будешь у меня весь месяц работать без выходных. Поставлю тебя во все усиления, праздничные дежурства и подмены. А в ночные смены я тебя, так и быть, не отправлю, учитывая то, что ты у нас только женился и создал новую, полноценную ячейку общества. Не хватало мне ещё, чтобы твоя жена пороги кабинета обивала и говорила, что я лишил её законного мужа... – проворчал он.

– Не похоже это на обещанную свободу выбора, товарищ майор, – разочарованно буркнул я.

– Похоже, – не согласился со мной Медведев, хмыкнув в усы. – У тебя всегда есть выбор – либо рапорт мне на стол, либо выполнение приказов. Всё, иди, – небрежно махнул он в мою сторону рукой.

– Так точно, Пётр Петрович, – сокрушённо вздохнул я. Не получилось. Жаль. А ведь счастье было так близко... Я вышел из кабинета, прикрыл за собой дверь и вернул-

ся в дежурку. Получил наряд от Калинина, забрал Тумана и поехал служить Родине.

Была у меня мысль провести ещё одного человечка из Орловской дюжины, но я её благоразумно отложил. Не к спеху. Хотя бы сегодня, да и завтра заодно, нужно для приличия закончить рабочий день без приключений, без выговоров, взысканий и отлучений с маршрута...

Определившись с нехитрым планом действий на ближайшее будущее, я вышел из отдела, сел в автомобиль и поехал выполнять свои прямые служебные обязанности, стараясь выглядеть самым обычным советским милиционером...

Рабочий день пролетел тихо, спокойно и размеренно. Мы с Туманом отдежурили без серьёзных происшествий, вернулись в отдел к половине седьмого, доложились, подписали журнал дежурств и с чувством выполненного долга и моральным удовлетворением поехали домой.

По пути заехали в гастроном, я купил пару бутылок «Буратино» себе, девчонкам – мороженое... правда без цветочков в этот раз, не заслужили ещё... и в начале восьмого я уже поднимался на второй этаж по лестнице семейного общежития...

Как ни странно, никакого подвоха меня не ждало и дома. И это даже слегка настораживало.

Мы спокойно поужинали варениками с картошкой в тесном семейном кругу. Я коротко рассказал про починенную фару, полученный от майора выговор и честно заслуженную

возможность потрудиться на благо общества без выходных, ещё раз выслушал извинения от девчонок и окончательно простил их.

Маринка со Светкой рассказали, как они провели день. Исключительно мирно и цивилизованно гуляли в парке, как приличные советские женщины, покатались на каруселях и совместными усилиями прибрались в нашей маленькой комнате, отдраив её до зеркального блеска. Перегладили и перестирали все вещи, до которых у Маринки не доходили руки, и даже вытрусили от пыли на уличной выбивалке два наших небольших половичка и настенный гобелен с оленями.

После ужина мы ещё немного погоняли чай, девчонки убрали со стола и вымыли посуду. Маринка подошла с задумчивым видом к шкафу, достала чистую блузку, юбку и простенькие туфли и принялась куда-то собираться, изредка поглядывая на тонкие женские часики на своём запястье.

– А куда это ты намылилась на ночь глядя, Марин? – насторожился я, удивлённо глядя на прихорашивающуюся у зеркала блондинку.

– Мне нужно на работу, – вздохнула она.

– В смысле? Ты же говорила, что взяла отгулы до конца недели.

– Говорила, – подтвердила Маринка. – Только начальница у нас больно вредная. Ты же сам знаешь, я тебе рассказывала про эту кикимору, – поморщилась она. – Позвонила, сказала, если я не выйду, могу искать другую работу. А где я другую

такую найду?

– Погоди... – я нахмурился. – А разве у бухгалтеров бывают ночные смены?

– У бухгалтеров, Андрюш, бывают не ночные смены, а не очень умное начальство, которое не может предупредить заранее и всё делает в последний момент, – устало ответила Маринка, подкрашивая губы розовой помадой. – К нам завтра комиссия с ОБХСС приезжает, и всё руководство весь день на ушах стоит. А нам теперь за ночь нужно успеть привести в порядок все приходно-расходные ордера, накладные и провести экстренную ревизию, чтобы завтра комар носа не подточил. Причём, я и так уверена, что у нас всё в полном порядке. Но если начальство сказал «надо», значит надо. Не мне тебе рассказывать.

– Это да... – вздохнул я и потянулся за пиджаком, висющим на спинке стула. – Давай отвезу.

– Не нужно. За мной служебная машина приедет через пять минут, – Маринка закончила с простеньким макияжем, подбежала ко мне, чмокнула меня в губы и тут же вытерла с моих губ следы своей помады. – Всё, пока. Утром увидимся. Не шалите мне тут! – строго сдвинула она бровки, погрозила нам со Светкой пальчиком и через мгновение исчезла за дверями в коридоре общаги.

Я поднялся со стула, подошёл к тёмному окну и выглянул на улицу. Через минуту из подъезда вышла Марина, огляделась, села в чёрную «Волгу» с усталым усатым водителем за

рулём, и машина, мягко качнувшись, через несколько секунд скрылась за углом соседнего дома.

– Странно... – пробормотал я.

– Что именно? – поинтересовалась Светка, подойдя ко мне сзади, привстав на цыпочки и выглянув в окно из-за моего плеча.

– Маринка вот так спокойно оставила нас вдвоём в одной тесной комнатке на всю ночь? И даже ничего не сказала?

– Это она тебе ничего не сказала, – хмыкнула Светка.

– А тебе? – я повернул голову и посмотрел на блондинку.

– А мне много всего, – вздохнула она и, явно передразнивая Марину, сдула со лба непослушную прядь волос, ткнула в меня указательным пальчиком и сложила губки бантиком.
– «Светик, весь спрос с тебя! Если я узнаю, что у вас с Андреем что-то было, я тебе все патлы повыдираю. С Андрюши какой спрос? Он мужчина. Все мужчины слабые на передок. Так что я ему даже говорить ничего не буду. А вот ты! Ты смотри у меня!»

– Так и сказала? – я не сдержался и помимо воли улыбнулся.

– Слово в слово! – поморщилась Светка. – И про слабые на передок и про то, что с вас спросу нет, и что патлы мне повыдирает, если узнает...

– Забавно... – хмыкнул я.

– Забавно? – удивилась Светка.

– Забавно, что она сказала не «если что-то будет», а «если

я узнает».

Светка задумчиво наморщила свой лобик, пытаясь понять, к чему я клоню.

– Хм... Действительно. Погоди... И что это значит?

– Да ничего, – отмахнулся я. – Маринка оговорилась. Просто прозвучало забавно.

– Уверен? А если не оговорилась?

– Оговорилась! – заверил я девушку, отошёл от окна и направился к кровати, на ходу сбрасывая штаны и рубашку.

– Ладно, давай спать. Мне завтра рано на службу вставать...

– Гроза сегодня будет, – вздохнула у меня за спиной Светка, пошире приоткрыв оконную створку и подперев её цветочным горшком. – На улице парит.

– Даже не думай! – строго приказал я, откинувшись на подушке, закинув руки за голову и припомнив, чем закончилась прошлая гроза. – Будет страшно – укрывайся одеялом с головой, молись, пой песни. Но на мою кровать даже не покушайся!

– Пф-ф-ф! – фыркнула Светка. – Больно ты мне нужен, покушаться на тебя!

– Вот и хорошо, – удовлетворённо кивнул я.

– Вот и хорошо, – обиженно проворчала блондинка и направилась к своей раскладушке у стены.

– Свет по пути выключи, – напомнил я.

– Тебе надо – ты и выключай!

ГЛАВА 16 – «8 МАЯ. КОЗЁЛ»

Утро восьмого мая было... странным. Опустим то, что Маринка вернулась домой в четыре утра, незаметно пробралась в мою... ладно, в нашу кровать, и бессовестно воспользовалась тем, что сплю я очень крепко... Ну как воспользовалась... Судя по тому, что проснулся я, сжимая в своих объятиях свернувшееся калачиком хрупкое и почти обнажённое женское тельце, она умудрилась не разбудить меня и при этом заставить обнимать её... Да уж, женщины очень коварны...

Но, как я и сказал, опустим это...

И опустим даже то, что ночью всё же была гроза и Светка всё же пробралась в мою... ладно, в нашу с Маринкой кровать, испугавшись грома и молний. И хорошо, что Маринка не видела нас двоих в одной кровати, а то бы так и не начавшаяся супружеская жизнь моих родителей на этом и закончилась, а Светка наверняка лишилась бы части своих волос и вернулась бы в своё село раньше срока, словно побитая и отодранная кошка.

Но даже если опустить всё это, то утро всё равно было каким-то странным...

Я молча доедал на завтрак вчерашние вареники со сметаной, запивая крепким горячим чаем, и задумчиво наблюдал за двумя блондинками, непринуждённо хлопочущими и

порхающими по нашей маленькой общажной комнатке.

Выглядели они обе на удивление счастливо. Щебетали о чём-то между собой, хихикали... Маринка гладила бельё, напевая под нос песенку про «девчат», Светка поливала цветочки на подоконнике и протирала от пыли листочки, про себя подпевая старшей сестре и бесшумно шевеля губами...

Странно ведь? Вот и я о том же. С чего они обе такие счастливые? Одну должны убить через два дня, у второй нет никакой семейной жизни... Чему радоваться? Тут горевать впору...

– Марин, а куда мы сегодня с тобой пойдём? – не отрываясь от домашних растений, поинтересовалась Светка.

– Да я ещё не думала... – пожала плечами Марина, не отвлекаясь от глажки. – Андрюшу проводим на службу, потом решим...

Вот! Точно! Я понял, что меня беспокоило. Идиллия! Ну вот вы видели когда-нибудь двух сестёр, которые не ссорятся и не ругаются? Нет? Вот и я не видел. А эти две уже несколько дней живут под одной крышей, в тесной комнатухе, без всякого личного пространства и личных границ – и у них ни одной ссоры...

– Свет... – окликнул я вздрогнувшую при звуке моего голоса девушку. – А ты ведь завтра уже уезжаешь? – решил я прояснить для себя мучивший меня вопрос. – Вечером?

– Угу... – грустно вздохнула блондинка. – Я бы ещё у вас погостила, но детишки и хозяйство... Как они там без меня?

– Это точно, – согласился я.

– Но вы не переживайте! – поспешила утешить меня Светка. – Я у Васьки ещё и на Новый год к вам попробую отпроситься. Да и вы в гости осенью обещались приехать, – напомнила она, загадочно глянула на меня, покраснела и тут же торопливо отвела взгляд в сторону.

– Дожить бы ещё до этой осени, – буркнул я, закинул в рот последний вареник, запил остатками чая и поднялся из-за стола.

Надел фуражку, взял блохастого, попрощался с девчонками и вышел из квартиры, прикрыв за собой дверь. Служба зовёт...

– Да чего ты ноешь и ноешь?! – прорычал стоящий посреди коридора высокий, широкоплечий и слегка грузный мужчина. – Починю я твою розетку!

– Когда? – недовольно буркнула замершая на пороге своей комнаты Галина. – Мне уже соседей просить приходится, потому что ты только обещаешь и обещаешь...

Чёрт! Так у неё и правда розетка сломалась? А я тут уже нафантазировал себе, что она строит мне глазки и заманивает к себе, чтобы предаться поправанию коммунистических идей и опорочиванию семейных ценностей. Да уж, правильно мне говорила моя учительница по литературе: «Каждый думает в меру своей распущенности, Соколов!»

– Ты тупая или как?! – зло бросил мужчина. – Сказал же – починю! Я только домой вернулся, а ты меня сразу своими проблемами нагружаешь. Всё, некогда мне! У меня важная встреча. Вечером буду. Приготовь хоть пожрать что-нибудь...

Он раздражённо махнул рукой, заставив девушку испуганно вздрогнуть, развернулся и, так и не заметив меня, тяжёлым шагом двинулся в сторону лестницы.

– Семён из рейса вернулся... – виновато пробормотала соседка, встретившись со мной взглядом. – Устал просто, вот и сердится. А так-то он хороший. Просто работа у него тяжёлая...

– Угу, – согласился я, замедлив шаг, и на несколько секунд

задержался возле Галиной комнаты. — А это у тебя что, — кивнул я на небольшой, тщательно замазанный тоналкой и пудрой синяк на правой скуле девушки.

— Это... — растерянно коснулась она щеки и едва заметно поморщилась. — Наткнулась в темноте на дверной косяк.

— Понятно, — кивнул я и совершенно невинным тоном поинтересовался: — А Семён у нас левша?

— Левша, — подтвердила Галя. — А почему спрашиваешь?

— Да так... Просто, — соврал я.

— Ладно, Андрюш... Ещё увидимся, — Галя кинула на меня последний взгляд и через секунду захлопнула дверь прямо перед моим лицом.

Мы с Туманом многозначительно переглянулись, почти одновременно вздохнули и двинулись в сторону лестницы. Спустились по бетонным ступеням на первый этаж общаги, вышли из подъезда на свежий, слегка прохладный утренний воздух и неторопливым шагом направились к одиноко стоящему в небольшом дорожном карманчике служебному автомобилю.

Я услужливо распахнул переднюю дверь перед своим четвероногим напарником, категорически отказавшимся ехать сзади и секунду назад демонстративно отвернувшим от меня морду в сторону, дождался, пока он поудобнее устроится на сиденье, захлопнул дверцу за этим буржуем с непонятно откуда взявшимися у него аристократическими замашками, обошёл машину и сел за руль. Задумчиво побарабанил паль-

цами по рулю и глянул на часы на своём запястье...

– Что, Бродяга? Думаешь о том же, о чём и я? – поинтересовался я у внимательно прислушивающегося к моим словам пса. – Угу, вот и я так думаю...

Если честно, маленький червячок сомнения грыз меня всё утро. Не то чтобы я всерьёз подозревал Маринку в том, что она наставляла рога моему батю, но слишком уж подозрительно всё выглядело. Ну какая внезапная ночная проверка, служебная чёрная «Волга» и работа до четырёх утра?

Ладно, разберёмся. Время у меня есть, я специально вышел из дома пораньше, чтобы успеть заехать к Маринке на работу по пути в отдел.

Я решительно провернул ключ в замке зажигания, крутанул баранку и рванул в сторону машиностроительного завода...

К проходной мы подъехали около половины восьмого. Я припарковал автомобиль под деревцем, вышел из авто, наблюдал за мужичками, спешащими с остановки на работу, заметил курящего у забора то ли вахтёра с проходной, то ли сторожа и направился к нему, приказав Туману сидеть на месте и сторожить служебный автомобиль ценою своей жизни...

– Доброе утро, отец... – поприветствовал я мужичка предпенсионного возраста в потёртой форменной одежде. – Закурить не найдётся?

– Да как же найти... – усмехнулся он, достав из карма-

на смятую пачку «беломора», вытряхнул одну папироску и протянул мне. – Найдётся...

– Спасибо, отец. Выручил! – поблагодарил я, не спеша прикуривать и сунув папиросу за ухо. – А что у вас тут происходит? Проверка какая нагрянула? – кивнул я на пару приметных представительских «Волг», стоящих у административного здания. – Что за машины такие серьёзные? Я думал, на таких только кто-то с самого верха разъезжает, – ткнул я пальцем в небо.

– А ты чьих будешь, товарищ младший лейтенант? – подозрительно прищурился сторож.

– Андрей Соколов, – достал я «корочку» из кармана и на миг показал своему собеседнику. – Жена моя тут работает. Может, знаешь – Марина Соколова.

– А-а! Мариночка, – заметно смягчившись, одобрительно хмыкнул он. – Хорошая девочка...

– Так что за машины? – повторил я вопрос.

– Да... – мужичок оглянулся по сторонам и заговорщически понизил голос. – Проверка из областного управления пожаловала. Вчера ещё всё началось. Сначала начальство наше забегало, потом ночью бухгалтеров, кладовщиков и начальников цехов собрали. Полночи здесь свет горел, бумаги таскали, сейфы проверяли. А с утра эти заявились, – почти-точно покосился он на чёрные автомобили. – ОБХСС!

– Ничего себе! – искренне удивился я.

– А то! Уже директора вызвали, главбуха трясут. Говорят,

склады проверять будут – всё до последнего винтика.

– Ясно... – покачал я головой. – Это ж за что вас так? Никак проворовались?

– Да иди ты! – отмахнулся от меня мужичок, недовольно сдвинув седые брови. – У нас никто не ворует! Кто-то из недоброжелателей накатал кляузу, вот ОБХСС и засуетился. Им по должности положено. Но я на все сто уверен – у нас всё чисто! Эти, – кивнул он на чёрные автомобили, – уедут не сегодня завтра несолоно хлебавши...

– Понятно, – кивнул я и вскользь поинтересовался: – А Марина моя ночью тоже была?

– А-а! – ухмыльнулся слишком уж догадливый мужичок. – Так ты поэтому приехал? Приревновал?

– Да я просто мимо ехал, – неумело попытался я оправдаться.

– Ну, да... Ну, да... – не поверил мне сторож. – Ну оно и понятно, жинка твоя уж больно симпатичная, за ней глаз да глаз нужен...

– Это да, – сокрушённо вздохнул я.

– Да ты не переживай! – сделав последнюю затяжку, прикурившись от едкого дыма и выкинув окурочок в урну, он потечески хлопнул меня по плечу. – Была твоя Маринка. Всю ночь с бумагами по коридорам бегала. Уехала на такси часа в четыре. Хотя... не, – помотал он головой. – Чуть раньше, без четверти четыре. Я как раз покурить вышел и на время глянул...

Я перекинулся со своим невольным информатором ещё парой ничего не значащих фраз, поблагодарил его за бдительность, сел обратно в авто и поехал в сторону отдела. Можно сказать, снял камень с души, радуя за благополучие своей семьи. Марина и правда была на работе, а не ездила к хорьку под благовидным предлогом. Да, в принципе, я в ней и не сомневался. Рановато ещё для романов на стороне, уж точно не через неделю после свадьбы...

На службу я приехал вовремя, получил наряд и вместе с Туманом отправился патрулировать славный город Орёл...

День прошёл на удивление быстро. Мы прихватили карманника на рынке, возомнившего себя великим щипачом и рискнувшего вытащить кошелёк из сумочки добропорядочной гражданки среди бела дня, я пожурил небольшую компанию уличных пацанов, на спор стрелявших металлическими шариками подшипников из самодельной рогатки по уличным фонарям, забрал у них оружие и боеприпасы и пригрозил спустить на них обученного пса, если ещё раз увижу их за этим делом.

Ближе к вечеру мы с Туманом вернулись в отдел. Я доложил дежурному, расписался в журнале и с чистой совестью поехал домой. Рабочий день закончился тихо и без приключений, осталось отметить дома, поужинать и под каким-нибудь благовидным предлогом отлучиться на охоту. Свербело у меня в подкорке настойчивое желание проверить одного человечка из Орловской дюжины и нанести ему ви-

зит вежливости...

Я заехал во дворы, припарковал служебную «копейку» напротив нашей общаги, выпустил Тумана, закрыл машину на ключ и двинулся к подъезду.

– Эй, служивый! – донёсся до меня далёкий мужской голос, на который я сперва даже не обратил внимания.

– Соколов! – через секунду окликнул меня второй. – Андрюха!

Я нехотя обернулся на полпути к дому, рассеянно посмотрел на шумную компанию как минимум из дюжины мужиков, рассеявшихся на скамейках и стоящих полукругом вокруг большого деревянного стола сбоку от детской площадки, попытался вычленить в толпе хоть одно знакомое лицо и мысленно чертыхнулся. Кажется, кто-то у нас тут слегка заработался. Ну откуда у меня в восьмидесятом знакомые лица?

– Андрюха! Иди к нам! – махнул мне рукой один из незнакомцев.

Чёрт! Вот только этого мне и не хватало. Я тяжело вздохнул и обречённо глянул на пса. Ладно, быстренько отстреляюсь, поздороваюсь с друзьями отца и соседями, и пойду по своим делишкам.

– Туман, домой! – приказал я, похлопав своего четвероного товарища по шерстяной бочине.

Пёс повёл ушами, развернулся и послушно потрусил к темнеющему зеву подъезда, явно рассчитывая на то, что од-

на из двух живущих у нас дома блондинок непременно впустил его в квартиру и накормит вкусными котлетками или сосисками за верную службу советской милиции...

Я проводил Тумана взглядом и неторопливым шагом направился к любителям интеллектуального отдыха, греющим костяшками доминошек о столешницу и периодически азартно выкрикивающим «рыба», «козёл», «яйца» и громко спорящим между собой, кто кому должен был перекрыть шестёрки ещё три хода назад...

– О! Соколов!

– Андрюха!

Обрадовались моему появлению мужики, и я на миг стал центром сосредоточения мужских взглядов и интересов, почувствовав себя первой красавицей на выпускном балу среди половозрелых старшеклассников...

– Какие люди и без охраны! Решил всё-таки снизойти до нас, простых рабочих? – усмехнулся парень чуть старше меня, в майке-алкоголичке, спортивных штанах с вытянутыми коленками и сигаркой в зубах.

– А ты чего это с соседями не здороваешься, Соколов? – укоризненно поинтересовался усатый мужичок в полосатой тельняшке. – Брезгуешь?

– Да ничего я не брезгую. Задумался просто, – пожал я плечами.

– Говорят, ты женился, а перед нами не проставился... Нехорошо! – осуждающе покачал кто-то из мужиков головой

под одобрительный гул нескольких голосов, явно поддерживающих его.

– Счастья не будет, если не простишься!

– Это точно!

– Ладно, ладно... Не дуйся, Андрюх! – хлопнул меня по плечу незнакомый мужчина с загорелым до черноты лицом и сеточкой морщин под глазами. – Правда давно тебя что-то не видели. Ты где пропадал?

– Да то здесь, то там, – неопределённо махнул я рукой. – Работа...

– Ладно, садись давай, – указал он кивком на свободное место. – Сыграешь с нами в козла, у Ваньки как раз пары нет.

– В козла? – переспросил я. – В смысле, в домино?

– В домино, Андрюш! В домино! – усмехнулся незнакомец, а мужики вокруг стола дружно заржали.

– Давай, Андрюха. Одну партейку...

Чёрт! И как понять, играл с ними отец или нет? И как мне технично отбрехаться и незаметно улизнуть из этой весёлой компании?

– Раньше играл с нами, а как в ментовку свою устроился, так сразу не ровня нам стал, да? – пожурил меня ещё один незнакомец.

Ага. Вот и ответ на мой вопрос. Отец играл...

– Да ровня, ровня... Просто некогда мне, – попытался я оправдаться, усаживаясь на лавку напротив того самого паренька в майке-алкоголичке. – Говорю же, то работа, то сва-

дьяба эта...

Ладно, сыграю одну партию, отдам долг обществу, а потом по-тихому слиняю...

– Во! Отлично! – одобрительно загудели мужики, предвкушая новую игру, один из игроков с шумом принялся замешивать костяшки доминошек на столе, а я мысленно попытался припомнить правила игры и по сколько доминошек брать со старта, по шесть или семь...

Первую партию мы с Ванькой выиграли за десять минут, отправив наших противников в конец очереди с хмурым видом... А затем... выиграли и вторую, и третью, и четвёртую под оглушительный рёв ликующей толпы.

Я честно пытался проиграть и с чистой совестью пристыженного поражением игрока пойти домой. Я не считал количество «мастей» в игре, я не пытался угадать, что на руках противников, я ставил первую подходящую по достоинству доминошку, не обращая внимания на возгласы болельщиков «Соколов! Что ты творишь?! Это же рыба!». Знать бы ещё, что такое эта ваша «рыба»...

Через полчаса я начинал подозревать, что либо отец был местным чемпионом по дворовому домино и его тело каким-то чудом сохранило его талант, либо мои сегодняшние противники были настолько плохи, что умудрялись проигрывать даже человеку, который поддавался всеми силами, либо мне просто везло, как утопленнику...

Проблема заключалась в том, что проигравшие постоянно

менялись, а победителей со стола отпускать категорически отказывались. Если бы я знал, что будет так, я бы, наверное, и не подписался на это...

Ещё через полчаса кто-то из мужиков притащил откуда-то две трёхлитровые банки разливного пива, кто-то распаковал газетный свёрток и вывалил на край стола дюжину засушенных рыбин, и наш скромный дворовый турнир окончательно превратился в чемпионат Советского Союза районного масштаба...

По столу с грохотом летали костяшки, мужики спорили, ругались, мирились и снова спорили. Кажется, на нас с Ванькой уже начали делать ставки на стихийно образовавшемся подпольном тотализаторе, и ставки пошли уже очень серьёзные. Кто-то поставил свою удочку, кто-то яму в гараже, кто-то право мыться в душевой в его время...

– Держись, Соколов! – заявил очередной претендент, устраиваясь напротив меня. – Сейчас мы тебя обучим...

– Поскорей бы... – обречённо вздохнул я, подгрёб свои семь костяшек, поставил их на ребро перед собой и быстро осмотрел расклад.

Чёрт! Опять хороший. Наверное. Но судя по тому, что он похож на прошлые расклады, таки да. Я исподтишка глянул на часы, отметил начало десятого, заметил сгустившуюся вокруг нас вечернюю темноту и загоревшиеся фонари на столбах, и непроизвольно поморщился. Да уж, сыграл одну партейку...

– Да что за хрень такая! Он мухлюет! – взвыл очередной мой соперник, скрипнул зубами и с грохотом опустил тяжёлые кулаки на стол, заставив костяшки доминошек на миг зависнуть в воздухе над столешницей.

– Семён! Да не злись ты. Это просто игра, – попытался кто-то из мужиков урезонить очередного проигравшего за нашим столом. – Игра есть игра...

Услышав знакомое имя, я поднял глаза на своего соперника и только сейчас понял, с кем играл. Семён... Мой сосед по этажу, муж Гали...

– СО-КО-ЛО-О-ОВ! – прокатился по нашему двору яростный, нечеловеческий и явно женский клич из окна второго этажа общаги, заставивший суровых мужиков за столиком и вокруг стола вздрогнуть, втянуть головы в плечи и испуганно заозираться по сторонам. – А ну быстро домой!

– О! Твоя зовёт, – отойдя от первого шока, робко заржали любители домино, покосившись в мою сторону.

– Угу, – вздохнул я, поднимаясь из-за стола. – Ладно, мужики, пойду я...

– Иди, иди, – сочувственно похлопал меня по спине усач в тельняшке. – Семья – это святое!

Мужики одобрительно закивали, моё место тут же занял очередной претендент, за моей спиной снова зашуршали замешивающиеся костяшки, и доминошная партия продолжилась, не заметив потери бойца...

Я оставил позади любителей забить «козла», глянул на

исчезнувшую в светлом окне светловолосую головку и двинулся мимо гаражей в сторону подъезда. Да уж... Вот и где ты была раньше, Марин? Часов в семь позвать не могла? Я столько времени потерял с этими играми...

– Слышь, Соколов... – окликнули меня на полпути к дому, а за моей спиной послышались торопливые шаги. – Обожди! Разговор есть...

– Ну говори, – я нехотя остановился, развернулся и глянул на троих мужчин, спешащих ко мне.

– Отойдём? – остановившись в нескольких шагах, предложил один из них и кивнул на тянущиеся справа от меня металлические гаражи. – Поговорить надо.

– Зачем? – невинно поинтересовался я, беззастенчиво разглядывая своего соседа Семёна и парочку его друзей, переминающихся у него за спиной.

Семён выглядел слегка навеселе, а его приятели – так, будто совсем недавно откинулись из мест не столь отдалённых. У одного на тыльной стороне ладони синела выцветшая наколка в виде солнца, у второго на пальцах красовалось гордое женское имя «ПОЛЯ».

– Чтобы глаза людям не мозолить, – ухмыльнулся Семён. – Да не ссы, лейтенант, никто тебя не тронет...

О как! Это они меня на слабо решили взять? Мастера психологического давления, ничего не скажешь.

– Ну давай отойдём, – я безразлично пожал плечами и приглашающе указал рукой в узкий, тёмный проём между двумя коробками гаражей. – Дамы вперёд...

Мой сосед недовольно нахмурился, шумно посопел, но шутку проглотил и первым нырнул в щель. Следом протиснулись двое его приятелей, а через секунду за ними двинулся и я...

В узком проходе пахло ржавым железом, мочой и застарелыми испражнениями, в которые совершенно не хотелось наступить служебными ботинками. Вот что за люди? Кому вообще приходит в голову гадить между гаражами?

Я осторожно переступил подозрительную кучку под ногами и через несколько секунд вывалился с обратной стороны, оказавшись в узком пространстве между задними стенками гаражей и густыми кустами сирени. Мельком глянул по сторонам и обречённо вздохнул. Света тут практически не было, тусклые уличные фонари едва пробивали плотную тень, отбрасываемую массивными железными коробками, а до слуха всё ещё доносился стук костяшек по столешнице и возбуждённые голоса доминошников.

– Слушай, Дрон... – без долгих прелюдий взял быка за рога Семён, уставившись на меня недружелюбным взглядом. – Говорят, ты на мою бабу поглядываешь, пока я в рейсе катаюсь...

– Кто говорит? – удивился я, наивно полагая, что ситуация всё ещё может решиться миром.

– Люди говорят.

– Люди много чего говорят, – пожал я плечами. – Мне и своей жены так-то за глаза хватает. Зачем мне на чужих заглядываться?

– Ага, – подтвердил один из его корешей, сплюнув себе под ноги. – У него и так две бабы сразу живут, Семён. Зачем ему третья?

– Две? – искренне удивился Семён, недоумённо глянув на своего товарища. – Это как?

– Да я почём знаю! – поморщился тот. – Видел просто, как он с двумя симпатичными краями под ручку разгуливает,

и обе у него в окне постоянно мелькают.

– Сестра жены приехала погостить, – зачем-то пояснил я, пытаясь очистить своё доброе имя от откровенной клеветы.

– Ну да, конечно... – недоверчиво протянул мой сосед. – А ты вообще знаешь, лейтенант, что у нас в стране многожёнство запрещено? Что если я сообщу куда следует?

– Сообщай, – равнодушно разрешил я.

– Дерзкий, да? – Семён сделал шаг вперед, обдав меня перегаром.

– Ты, лейтенант, на погоны свои особо не надейся, – недобро оскалился за спиной Семёна парень с татуировкой заходящего за горизонт солнца на руке. – Если в твоём отделе узнают, что ты за чужими жёнами приударяешь в отсутствие мужей, да в одной комнате с двумя девками живёшь и наверняка кувыркаешься с ними, тебя из органов с треском выпрут за аморалку.

– Чё, думаешь, форму надел, так ты под защитой? – упрямо посмотрел мне в глаза сосед и сжал кулаки, наверняка мечтая пустить их в дело, но остатками не до конца затуманенного алкоголем разума всё ещё не решаясь на это.

– Да я могу и снять форму, если нужно, – снова пожал я плечами.

– Так ты же первый жаловаться и побежишь своим друзьям в ментовку, как только по соплям получишь! – ухмыльнулся Семён.

– А ты сам-то не побежишь? – ухмыльнулся я в ответ. –

Или только языком молоть умеешь? Знаю я таких... – брезгливо скривился я.

– Чё ты сказал, ментяра?! – взвился сосед, обдав моё лицо брызгами слюней. – За базар отвечать надо!

– Так ответь. Сейчас я слышу только твой дешёвый базар.

– Да я тебя... – взревел Семён и занёс кулак для удара...

Адреналин бахнул по венам, кровь запульсировала в висках, мир словно замедлился вокруг меня, а моё тело начало действовать самостоятельно, без участия мозга, на голых рефлексх...

Я уклонился от корявого удара, сделал шаг вперёд, слегка двинул плечом в челюсть пьяного соседа и чутко добавил ему левым ударом в бок, умиряя и выводя его из игры. Успел перегруппироваться, заметил движение спереди и сбоку от двух оставшихся участников нашей небольшой товарищеской стычки и... Сука!

Вместо честного удара, один из парней выкинул руку вперёд, швырнул мне прямо в лицо горсть сухого песка, и я едва успел зажмуриться.

Где он его взял, интересно? Заранее прихватил из детской песочницы, что ли? Мудак!

Второй схватил меня со спины за шею, пытаюсь взять на удушающий. Ткань форменной рубашки жалобно затрещала, пара пуговиц с тихим шорохом улетела куда-то под ноги, а через секунду мне ощутимо прилетело по левой скуле и губе от любителя швыряться в лицо людям песком.

Чёрт! Завтра, наверняка, синяк будет.

Я покрепче перехватил державшую меня руку, с размаху впечатал локоть в живот стоящего у меня за спиной противника, расслабил колени, потянув парня за собой, и кинул его через себя. Проморгался, ушёл от очередного летящего мне в лицо кулака и тут же встретил соперника правым хуком, ощутив хруст чужой челюсти и услышав болезненный стон.

Сделал шаг назад, на всякий случай разрывая дистанцию и пытаюсь сфокусировать взгляд на противниках, и облегчённо выдохнул. Противники закончились.

Семён сидел на земле, жадно хватая ртом и придерживая бок рукой, парнишка с хрустнувшей челюстью отлёживался в лёгком нокауте, а улетевший в кусты счастливчик чертыхался, шипел от боли и пытался выдрать кусок острой ветки, торчавший из его правой ягодицы...

Я сплюнул кровь с разбитой об острый зуб губы на землю, потёр ноющую скулу ладонью и осмотрел свою рубашку. Опустился на четвереньки, пытаюсь найти разлетевшиеся в темноте пуговицы, быстро понял всю бесперспективность этой затеи, тихо выругался себе под нос и выпрямился. Не прощаясь, по-английски нырнул между гаражами, вынырнул с обратной стороны и непринуждённым шагом двинулся в сторону дома.

Чёрт! А ведь я собирался так продуктивно провести вечер... Поужинать в тихом семейном кругу, незаметно слинять из дома и отправиться на охоту за очередным манья-

ком. Эх! Все планы насмарку из-за игры в домино и этих дебилов...

Я зашёл в тёмный подъезд, поднялся по ступеням на второй этаж и через десяток шагов наткнулся на Галину, выглядывающую из дверей своей квартиры.

– Андрюш... Господи, что случилось? – она испуганно прижала ладонь к губам, разглядев мою покрасневшую щеку.

– Да так, – поморщился я и осторожно потрогал начинающую наливаться болью скулу. – С твоим немного зацепился.

– С Сёмой? – Галя побледнела. – Чёрт... Прости. Он вчера из рейса вернулся и сразу начал цепляться – что да как, кому глазки строила, с кем заигрывала... А ты же знаешь, он всегда к тебе ревновал.

– Может, повод не нужно было давать? – усмехнулся я, вспомнив, как пару дней назад она встречала меня в коридоре в коротком халатике на голое тело.

– Ну прости... Правда... – Галя робко потянулась к моему лицу, нежно погладив пальцами ушибленную щеку. – Очень больно? Давай обработаю, приложу холодное из холодильника... И пуговицы пришью, – заметила она отсутствие пуговиц на моей рубашке, – у меня нитки есть.

– Не нужно, – я аккуратно убрал руку девушки от своего лица. – Твой и так злой, как чёрт... Если ещё увидит, как ты после драки меня обхаживаешь, будет только хуже. Ладно, Галь. Пойду я...

– Прости, Андрюш... – виновато бросила она мне вслед.
– Чепуха... – отмахнулся я.

В конце концов, меня дома ждут две хозяйственные блондинки – они и пуговицы пришьют, и холодненькое приложат... Надеюсь. Главное, чтобы не добавили. А то с них станется...